

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 11 декабря 2012 г. ПИ № ФС77-52135

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глазьев С.Ю. – д-р экон. наук, профессор, академик РАН, председатель редакционной коллегии
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, профессор
Акаев А.А. – иностранный член РАН
Афанасьев В.Я. – д-р экон. наук, профессор
Ашмарина С.И. – д-р экон. наук, профессор
Буренко В.И. – д-р полит. наук, профессор
Волох В.А. – д-р полит. наук, доцент
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор, председатель редакционной коллегии
Джордж Филлипп – д-р экон. наук, президент Ксавьерского института менеджмента и предпринимательства (Индия)
Егоршин А.П. – д-р экон. наук, профессор
Коротков Э.М. – д-р экон. наук, профессор
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, профессор
Латфуллин Г.Р. – д-р экон. наук, профессор
Морозова Е.Г. – д-р полит. наук, профессор
Мюллер-Штевенс Гюнтер – д-р экон. наук, профессор Международного института менеджмента Университета г. Сент-Галлен (Швейцария)
Перетти Жан-Мари – д-р экон. наук, профессор Высшей школы экономики и коммерции Парижа (ESSEC) и Университета Корсики
Першуков В.А. – д-р техн. наук, профессор, академик РАН
Райченко А.В. – д-р экон. наук, профессор
Святов С.А. – д-р экон. наук, профессор
Синг Анеш – д-р экон. наук, профессор университета Квазулу-Наталь (ЮАР)
Сороко А.В. – д-р экон. наук
Уколов В.Ф. – д-р экон. наук, профессор
Хорин А.Н. – д-р экон. наук, профессор
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, профессор
Шабров О.Ф. – д-р полит. наук, профессор
Шамшиев Ч.Б. – д-р экон. наук
Шольц Маркус – д-р экон. наук, декан школы бизнеса Университета Пфюрцхайм (ФРГ)
Шомова С.А. – д-р полит. наук, профессор
Щербинин А.И. – д-р полит. наук, профессор
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук, канд. ист. наук, профессор
Яковлев А.Ю. – д-р полит. наук, доцент
Язев В.А. – д-р экон. наук, профессор

Founder:

Federal Government Budget Education Institution of Higher Education “State University of Management”

Registration mass-media license PI № FS77-52135
December 11, 2012.

EDITORIAL BOARD

Glaz'ev S.Yu. (Glaziev S.) – Doctor of Economic Sciences, prof., RAS academician, Chairman of the Editorial Council
Azoev G.L. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Akaev A.A. – RAS foreign member
Afanas'ev V.Ya. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Ashmarina S.I. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Burenko V.I. – Doctor of Political Sciences, prof.
Volokh V.A. – Doctor of Political Sciences, associate prof.
Groshev I.V. – Doctor of Economic Sciences, Doctor of Psychology Sciences, prof., Chairman of the Editorial Board
Philip J. – Ph.D. (Econ.), President of Xavier Institute of Management and Entrepreneurship (India)
Egorshin A.P. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Korotkov E.M. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Kryshchanovskaya O.V. – Doctor of Sociological Sciences, prof.
Latfullin G.R. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Morozova E.G. – Doctor of Political Sciences, prof.
Mueller-Stewens Guenter (Müller-Stewens, Günter) – Ph.D. (Econ.), Professor of the International Institute of Management at San-Gallen University (Switzerland)
Peretti J.M. – Ph.D. (Econ.), Professor of the Higher School of Economics and Commerce Paris (ESSEC) and the Corsica University
Pershukov V.A. – Doctor of Technical Sciences, prof., RAS academician
Raichenko A.V. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Svyatov S.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Anesh Maniraj Singh – Ph.D. (Econ.), Professor of the University KwaZulu-Natal (SAR)
Soroko A.V. – Doctor of Economic Sciences
Ukolov V.F. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Khorin A.N. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Chudnovskii A.D. – Doctor of Economic Sciences, prof.
Shabrov O.F. – Doctor of Political Sciences, prof.
Shamshiev Ch.B. – Doctor of Economic Sciences
Scholz Marcus – Ph.D. (Econ.), Head of Business School at Pforzheim University (Germany)
Shomova S.A. – Doctor of Political Sciences, prof.
Shcherbinin A.I. – Doctor of Political Sciences, prof.
Eriashvili N.D. – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, prof.
Yakovlev A.Yu. – Doctor of Political Sciences, associate prof.
Yazev V.A. – Doctor of Economic Sciences, prof.

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Статьи доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования.

Главный редактор

Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Ответственный за выпуск

Алексеева Л.Н.

Редактор

Таланцева Е.В.

Редактор перевода

Меньшиков А.В.

Выпускающий редактор и компьютерная верстка

Малыгина Е.А.

Технический редактор

Дегтярёва О.А.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям:

- 08.00.01 «Экономическая теория»;
- 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»;
- 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит»;
- 08.00.12 «Бухгалтерский учет, статистика»;
- 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»;
- 08.00.14 «Мировая экономика»;
- 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки»;
- 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;
- 23.00.03 «Политическая культура и идеологии»;
- 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»;
- 23.00.05 «Политическая регионалистика. Этнополитика»;
- 23.00.06 «Конфликтология».

Подписано в печать 05.07.2019

Формат 60х90/8

Объем 18,25 печ. л.

Бумага офсетная

Тираж 1000 экз.

(первый завод 100 экз.)

Заказ № 665

Подписной индекс в электронном каталоге

ОАО Агентство «Роспечать» – Я5961

<http://press.rospechat.ru/publications/view/%D0%AF5961/>

Издательство: Издательский дом ГУУ (Государственный университет управления)

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения, представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский просп., д. 99, ГУУ, главный учебный корпус, кабинет 345А.

Тел.: (495) 377-90-05.

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

Articles are available under a Creative Commons "Attribution" 4.0. license, according to which unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, provided the author's name and links to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation.

Editor-in-Chief

Groshev I.V. – Doctor of Economic Sciences, Doctor of Psychology Sciences, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation

Responsible for issue

Alekseeva L.N.

Editor

Talantseva E.V.

Translation editor

Menshikov A.V.

Executive editor and desktop publishing

Malygina E.A.

Technical editor

Degtyareva O.A.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, where a basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences must be published in the fields:

- 08.00.01 «Economic theory (economic sciences)»;
- 08.00.05 «Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity) (economic sciences)»;
- 08.00.10 «Finance, money circulation and credit (economic sciences)»;
- 08.00.12 «Accounting, statistics (economic sciences)»;
- 08.00.13 «Mathematical and instrumental methods of economics (economic sciences)»;
- 08.00.14 «World Economy (Economics)»;
- 23.00.01 «Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science (political sciences)»;
- 23.00.02 «Political institutions, processes and technology (political sciences)»;
- 23.00.03 «Political culture and ideology (political sciences)»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development (political sciences)»;
- 23.00.05 «Political regionalism. Ethnopolitics»;
- 23.00.06 «Conflictology (political sciences)».

Signed to print 05.07.2019

Format 60х90/8

Size is 18,25 printed sheets

Offset paper

Circulation 1000 copies

(the first factory 100 copies)

Print order № 665

Subscription index in the online catalog

OJSC Agency «Rospechat» – Я5961

<http://press.rospechat.ru/publications/view/%D0%AF5961/>

Publishing: Publishing house of the State University of Management

Published in author's edition

Responsible for the information presented in the publication are the authors

All published articles have undergone a mandatory review process

Editor office:

99 Ryazanskii Prospect, Moscow, 109542, Russia, State University of Management, the main academic building, office 345A.

Тел.: (495) 377-90-05.

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.upravlenie.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Современные проблемы гражданского участия
в осуществлении местного самоуправления в России

Гамидов С.С. 5

Оценка компетенций государственных служащих и анализ
текущей практики методов оценки согласованности
компетенций и трудовых функций гражданских
государственных служащих Армении

Мирзоян М.В., Васильева Е.В. 11

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Эколого-ориентированное развитие предприятий
агропромышленного комплекса и опережающая
подготовка кадров в области агроэкологического
менеджмента

*Вишняков Я.Д., Киселева С.П., Маколова Л.В.,
Фам В.В., Ву Х.Т.Т.* 24

Менеджмент организационной культуры в условиях
цифровизации предприятий

Грошев И.В., Жерегеля А.В., Школьный Д.В. 33

Конкурентные стратегии интернационализации, поиска
и создания рынков

Михайлов О.В. 39

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Факторы роста и значимость теневой экономики
в африканских странах

Алхассан Т.Ф., Блохина Т.К. 48

Перспективы сотрудничества финансовой корпорации
и компаний, работающих в сфере цифровых технологий

Ефремов В.С., Пилишвили А.С. 57

Изменение характеристик трудового потенциала при
переходе к техногенному социуму

Тетцоева О.А. 65

Макроэкономическая модель безопасного
функционирования национальной экономики
Азербайджана в долгосрочном периоде

Эйюбов М.Р. 71

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ

Интеграция инвестиционных стратегий в систему
стратегического планирования развития территорий

Кожевина О.В. 87

Оплата труда в обрабатывающей промышленности США

Петровская Н.Е. 95

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ

Человеческий капитал для цифровой модернизации
экономики

*Афанасьев В.Я., Грабчак Е.П., Корытный М.А.,
Мищеряков С.В., Черезов А.В.* 104

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Перспективы создания национальных и наднациональных
криптовалют в странах БРИКС

Махалина О.М., Махалин В.Н. 116

CONTENTS

STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT

Current problems of civil participation in the implementation
of local government in Russia

Hamidov S.S. 5

Assessment of competencies of public servants and
analysis of the current practice of methods for assessing the
consistency of competencies and labor functions of civil
servants of Armenia

Mirzoyan M.V., Vasileva E.V. 11

MANAGEMENT IN VARIOUS INDUSTRIES

Environmental-oriented development of enterprises
of agricultural industry and advanced training of personnel
in agricultural environmental management

*Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P., Makolova L.V.,
Pham V.V., Vu H.T.T.* 24

Management of organizational culture in the conditions of
enterprises digitalization

Groshev I.V., Zheregelya A.V., Shkolnyi D.V. 33

Competitive strategies of internationalization, searching and
creating markets

Mikhailov O.V. 39

MANAGEMENT IN ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Growth factors and the importance of the shadow economy
in African countries

Alhassan T.F., Blokhina T.K. 48

Prospects for cooperation between the financial corporation
and companies, working in the field of digital technologies

Efremov V.S., Pilishvili A.S. 57

Changing of the characteristics of the labor potential in the
transition to the technogenic society

Tetsoeva O.A. 65

Macroeconomic model of safe functioning of the national
economy of Azerbaijan in the long-term period

Ayyubov M.R. 71

PROCESS MANAGEMENT

Integration of investment strategies in the system of strategic
planning of territorial development

Kozhevina O.V. 87

Wages in the U.S. Manufacturing industry

Petrovskaya N.E. 95

INFORMATION TECHNOLOGIES IN MANAGEMENT

Human capital for digital economy modernization

*Afanasyev V.Y., Grabchak E.P., Korytny M.A.,
Mishcheryakov S.V., Cherezov A.V.* 104

THREATS AND CHALLENGES

Prospects for the creation of national and supranational
cryptocurrencies in the BRICS countries

Makhalina O.M., Makhalin V.N. 116

СОДЕРЖАНИЕ

Декомпозиция социальных проблем цифровизации
управления
Райченко А.В. 124

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Движение «желтые жилеты» во Франции: проблемы,
причины, перспективы
Ефанова Л.Д. 133

Эволюция власти как индикатор структурных
преобразований: политико-управленческий аспект
Тян В.В. 139

CONTENTS

Decomposition of social problems of management
digitalization
Raychenko A.V. 124

POLITICAL DISCOURSE

The “yellow vests” movement in France: problems, causes,
prospects
Efanova L.D. 133

Evolution of power as an indicator of structural
transformations: political and managerial aspect
Tyan V.V. 139

Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России

Гамидов Санан Салех оглы

канд. полит. наук, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID ID: 0000-0002-1542-6114, e-mail: sananhamidov@gmail.com

Аннотация

В статье проанализированы основные проблемы современного института гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России. Описаны современные эффективные инструменты и процессы в контексте проблематики гражданского участия. Рассмотрен ряд вопросов и проблем становления института местного самоуправления. Демократический характер исполнения местной власти предполагает принцип прозрачности системы принятия решений на местном уровне и высокий уровень доверия населения органам местного самоуправления. На основании исследования процессов, происходящих в стране, анализа научной литературы по проблематике гражданского участия выделены факторы, влияющие на: уровень доверия населения деятельности органов местного самоуправления; процесс принятия решений акторами процесса взаимодействия власти и общества с точки зрения обеспечения демократического характера осуществления местной власти.

Цель анализа процесса построения системы местного самоуправления, в рамках которой социальная активность и гражданское участие требует междисциплинарного подхода, — выработать эффективные решения и технологии работы местной власти с гражданами, что приведет к повышению прозрачности принятия решений и доверия населения к органам местного самоуправления. С учетом того, что развитый институт гражданского участия — сложный институт, являющийся показателем демократического принципа организации власти, одновременно требующий тщательного анализа типа отношений акторов процесса взаимодействия власти и общества и их целей, выдвинут ряд теорий, в соответствии с которыми можно обеспечить эффективность самого процесса участия в контексте указанной проблематики.

Также в статье описаны современные эффективные инструменты и технологии, применение которых приведет к повышению прозрачности работы органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданское участие, система муниципального управления, принцип прозрачности, гражданская активность, муниципальные образования.

Цитирование: Гамидов С.С. Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России//Управление. 2019. № 2. С. 5–10.

Current problems of civil participation in the implementation of local government in Russia

Hamidov Sanan

Candidate of Political Sciences, Moscow, Russia,
ORCID ID: 0000-0002-1542-6114, e-mail: sananhamidov@gmail.com

Abstract

The main problems of the modern institution of civil participation in the implementation of local government in Russia have been analyzed in the article. Modern effective tools and processes, in the context of “civil participation” have been described. A number of issues and problems of formation of the institute of local government has been considered. The democratic nature of the local government implies, the principle of transparency of the decision-making system at the local level and high level of trust of the population to local governments. Based on the study of processes, taking place in the country, as well as the analysis of scientific literature on civil participation issue, the author highlights the factors, influencing the level of public confidence in the activities of local governments and the decision-making process by actors in the process of interaction between the authorities and society, in terms of ensuring the democratic nature of the local power.

The aim of the analysis of the process of building the system of local government, under which social activity and civil participation in the implementation of the local government requires an interdisciplinary approach - to develop effective solutions and technologies of work with citizens, local authorities, that will lead to increased transparency in decision-making and enhance public confidence in the local authorities. In consideration, that developed institute of civil participation is a complex institution, which is an indicator of the democratic principle of organization of power, at the same time requiring a more thorough analysis of the type of relationship the actor process of interaction of authorities and society and their objectives, the author puts forward several theories, whereby you can ensure the effectiveness of the process of “participation”, in the context of mainstreaming, as described by the author.

In the same way modern and effective tools and techniques have been described in the article, the application of which, according to the author, will lead to greater transparency in the work of local government authorities.

Keywords: local government, civil participation, municipal management system, transparency principle, civil activity, municipalities.

For citation: Hamidov S.S. Current problems of civil participation in the implementation of local government in Russia (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 5–10. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-5-10

Одним из важных вопросов, стоящих перед современным российским научным обществом, является изучение проблем и современных технологий гражданского участия в муниципальном управлении, выявление новых инструментов поддержания демократического характера взаимодействия населения с местной властью и повышения уровня гражданской активности в принятии решений местного значения. Современные научные тенденции подтверждают, что социальный потенциал гражданского участия населения в местном самоуправлении — один из важнейших факторов, напрямую влияющий на доверие населения деятельности органов местного самоуправления, и наоборот, принятия эффективных решений в области проблема доверия населения к органам местной власти — важнейший фактор, влияющий на уровень социальной активности населения и гражданского участия в общественной жизни муниципального образования [8].

Анализ данного процесса требует междисциплинарного подхода в части правового, политологического, экономического и социологического сопровождения. Опираясь на исследования, в которых утверждается, что местное самоуправление представляет собой сферу, где гражданская активность может оптимально соотнести имеющиеся проблемы и ресурсы, стать условием эффективного развития самого муниципального образования, можно сделать вывод, что основой эффективного функционирования современной системы муниципального управления выступает активное участие жителей муниципальных образований в решении вопросов местного значения [7].

В настоящее время муниципальные органы, являющиеся одними из основных составляющих конституционного строя страны, разделяющие демократические принципы, как основа и один из символов демократии, переживают ряд проблем, в числе которых — поддержание прозрачности деятельности и демократического характера взаимодействия населения и власти. Демократический принцип предполагает обеспечение прозрачности системы через общественное управление, а это в свою очередь предполагает участие населения в управлении, будь это страна или регион. Иными словами, в демократическом обществе именно население решает вопросы, связанные с жизненными интересами людей, повседневными заботами жителей городских и сельских поселений, а демократизация управления напрямую зависит от степени участия населения в управлении различными процессами и в принятии общественно значимых решений, касающихся населения [9].

Существенное обновление российской практика самоуправления, претерпела с момента вступления в 2003 г. в силу Федерального закона № 131 «Об основных принципах организации муниципально-го управления в Российской Федерации», в котором устанавливаются формы и механизмы непосредственного осуществления населением местного самоуправления [1].

Несмотря на солидный возраст и наличие многочисленных работ, феномен «участие», сегодня недостаточно изучен, нет четкого разделения между его ключевыми видами: политическим, гражданским, общественным, социальным [6].

Учитывая то, что на сегодняшний день, интерес к вопросу об активизации гражданской активности в Российской Федерации возрастает, так как главным способом для создания и поддержания демократического характера взаимодействия сильной государственности и высокой гражданской активности является местное самоуправление, отметим, что институт гражданского и общественного участия имеет недостаток открытости и доверия, что приводит к низкому уровню гражданской активности.

Построение демократического общества и вовлечение населения для участия в принятии общественно значимых решений является одним из основных признаков развитого местного самоуправления. Чем больше человек ознакомлен со своими правами, чем больше он принимает участие в жизни страны благодаря диалогу с государством, формируя себя как гражданина со значимой позицией, тем больше он доверяет принятым решениям, в процессе которого он принимал личное участие.

Важно понимать, что первостепенным является построение прозрачной политики в сфере общественного и гражданского участия, учитывая то, что часть населения не доверяет этому процессу, а часть и не предполагают, что могут себе позволить участвовать в принятии решений, которые касаются непосредственно их, несмотря на то, что местное самоуправление в России имеет достаточно богатую историю формирования, и некоторые города на Руси «самоуправлялись».

Обращаясь к истории, отметим, что Россия имеет достаточно богатый и долгий опыт в построении системы местного самоуправления благодаря тому, что эта система существует и развивается в России с древнейших времен. Начиная с XVI века, во времена правления монархов (Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, Александр II) были предприняты попытки реформирования местного самоуправления, целью которых являлся поиск его оптимальной формы. В рамках таких реформ принимались правовые

нормы по вопросам регулирования местного самоуправления, изменялась система и перечень полномочий местного самоуправления и т. д. [3]. Важным дополнением может являться то, что на государственном уровне высокая степень гражданской активности воспринимается вполне положительно. Свидетельством тому является выступление В. В. Путина на I съезде родителей России в 2013 г., где президент, в числе государственных приоритетов, подчеркнув взаимодействие с гражданским обществом, отметил: «Мнение общества, безусловно, будет услышано и, безусловно, будет учтено... Скажу больше, это относится ко всем государственным решениям. Во всяком случае, должно относиться ко всем государственным решениям...» [5].

Несмотря на это, повышение уровня гражданской активности, является проблемой, требующей незамедлительного решения. Сам по себе развитый институт гражданского участия — сложнейший институт, являющийся показателем демократического принципа организации власти, одновременно требующий более тщательного анализа типа отношений акторов процесса взаимодействия власти и общества и их целей. В данном контексте гражданским участием следует считать участие граждан в осуществлении власти, цель которого — стремление к изменению социальной действительности или влияние ради интересов общества или конкретных граждан, проживающих на определенной территории.

Наиболее наглядно эту проблему можно рассмотреть на уровне местного самоуправления, с учетом принципа разделения властей в современной России и самостоятельности ветвей власти, где местное самоуправление ориентировано, прежде всего, на население и его интересы, и является формой осуществления народом своей власти. На уровне муниципального образования, гражданское участие включает в себя взаимодействие институтов гражданского общества и органов местной власти. Это взаимодействие благоприятно влияет на понимание общественностью процессов подготовки и принятия решений, информирования ее о разработке политических приоритетов, учета мнений всех заинтересованных сторон о предпочтениях в использовании ресурсов и возможностей сложившейся модели политического управления, а также на формирование гражданского общества, основанного на системе ценностей, предполагающих высокую значимость гражданина в государстве. Осуществление этих возможностей создает множество конкретных ситуаций и информационных мотивов, которые равным образом формируют необходимость действий и получения для этого дополнительной информации, то есть стимулируют

общественность в принятии последующих властных решений. В том числе существуют опасения, что полная свобода принятия решений может повлечь за собой еще большее увеличение социальных и политических рисков и «игру в перетягивание одеяла», а именно речь идет о коррупционной составляющей, которая может обеспечить принятие решений, выгодных различным организациям или отдельным людям. Для избегания указанных процессов и достижения эффективности при построении процесса участия необходимо:

- преобладание прозрачности и доступности информации: население должно иметь доступ к информации и быть информировано о процессах принятия решений, их исполнении, стадиях создания проектов (мероприятий) и возможностях участия;
- проведение постоянного мониторинга мнения населения: проводить высокоактивный сбор мнений, оценивать отношение к проектам (мероприятиям), их предпочтения в отношении любых альтернатив, касающихся проектов (мероприятий);
- обеспечение прозрачности принятия решений на местном уровне через участие населения в процедуре общественного контроля. Возможность повышения прозрачности могут обеспечивать современные информационные технологии, позволяющие следить за процессом принятия решений в режиме онлайн. Обеспечение онлайн-трансляций ведения советов и размещение видеозаписей в открытом доступе в сети «Интернет» могло бы увеличить масштаб и скорость распространения информации о принятии решений по итогам проведенных советов;
- повышение уровня вовлеченности населения в «школы гражданской активности» и в программы массового обучения, что в свою очередь позволит населению знать больше о своих возможностях участия в принятии решений местного значения и законных правах на это;
- разработка новых форм стимулирования населения за «гражданскую активность», таких как получение символических почетных званий: «за патриотизм», «активный гражданин», «самый активный житель города», «гордость города» и т. д., формирующих идеологию патриотизма.

Нельзя не принимать во внимание, например то, что по мере того, как Россия становится развитым обществом, проблема массовости участия перестает быть актуальной, уступая место проблеме эффективности [4]. Совершенно очевидно, что основная активность граждан сегодня проявляется непосредственно по месту жительства, в сфере управления многоквартирными домами. Контроль за деятельностью управляющих компаний, создание Территориальных

общественных самоуправлений, благоустройство придомовых территорий становится обычным делом для все большего числа российских граждан. Законодательство открывает возможности для жителей каждого многоквартирного дома избрать членов и председателя совета дома, проводить общее собрание (или заочное голосование) для решения важнейших вопросов управления. Безусловно, там, где эта система стала более чем условностью, она приобрела характер конструктивной беседы и обратилась на пользу местным жителям.

Наиболее частым стало объединение людей в некоммерческие объединения, построение социальных общественных институтов помощи нуждающимся, участие через некоммерческие организации в принятии и разработке различных проектов, касающихся непосредственно жителей региона или страны. На низком уровне остается гражданское участие в разработке и принятии законопроектов, политическое участие населения в принятии решений, что является показателем слабой развитости институтов гражданского общества и отчуждения между властью и обществом. Это обстоятельство противоречит самой идеологии существования местного самоуправления, как форме осуществления народом своей власти. Система местного самоуправления по дизайну и характеру существования становится похожей больше на систему государственных органов власти, теряя идеологию существования, что приводит к отчуждению между местной властью и обществом. Такой процесс напрямую связан с пассивным гражданским контролем деятельности органов местного самоуправления, что в конечном итоге приводит к увеличению контроля со стороны государства. Этот процесс стимулирует систему местного самоуправления бюрократизироваться и влечет местное самоуправление в сторону государства, увеличивая зависимость первого. Зависимость органов местного самоуправления от государства в свою очередь приводит к слабой позиции местной власти в политической системе России и мешает в полной мере отстаивать муниципальные интересы.

В этом контексте естественным является желание граждан напрямую отстаивать свои интересы перед государством и местной властью и актуализирует форму непосредственного осуществления населением местного самоуправления — политическое участие на уровне местного самоуправления. Этой проблематике, как представляется автору, уделяется мало внимания. Причиной этому является и политическая конъюнктура, и исторически сложившиеся условия в политическом пространстве России,

где реально имеют значимость и вес и больше всего заявляют о себе 2 уровня власти: центральный (федеральный) и региональный, на которых сегодня и становится похожим и равняется местное самоуправление. Между тем, в западных демократиях именно на местном уровне наиболее активно проявляется себя политическое участие, под которым понимают различные способы активности граждан, стремящихся влиять на структуры управления, процесс принятия решений [2]. Нельзя упускать из внимания тот фактор, что повышение уровня гражданского участия носит и политические цели, а именно вовлеченность населения в процессы принятия решений, определения политики и т. д. повышает доверие к власти, открывает мирные и законные пути для высказывания и формирования гражданской позиции, что является показателем демократического характера взаимодействия народа и власти. Высокий уровень гражданского участия — один из важнейших индикаторов демократизма, показатель осознанного патриотизма.

Таким образом, демократический характер организации власти по принципу местного самоуправления предполагает формирование зрелого муниципального социума, построение прозрачной системы местного самоуправления и передачу гражданам полномочий в принятии решений, которые их затронут. Прозрачность системы позволяет формировать принцип «взаимного доверия» между государством, местной властью и обществом, что приводит к развитию социума, способного принимать эффективные решения, играющие значимую роль в экономическом, социальном, культурном и политическом развитии регионов и Российской Федерации в целом.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (редакция от 06.02.2019) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 18.03.2019).
2. Великая, Н. М. Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 45–49.
3. Кузнецова, Е. М. Местное самоуправление и социальная работа: Методические указания к семинарским занятиям и СРС. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2010. 32 с.
4. Петухов, В. В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 48–60.
5. Путин, В. В. Приветственное слово 1 съезду родителей // Российская газета. 2013, 11 февраля. Столичный выпуск № 6004 (28).
6. Скалабан, И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 130–139.
7. Трофимова, И. Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72–77.
8. Scheufele, D. A., Dhavan, V. S. Personality strength and social capital: The role of dispositional and informational variables in the production of civic participation // Communication research. 2000. P. 27.2. No. 107–131.
9. Tolbert, C. J., McNeal, R. S., Smith, D. A. Enhancing civic engagement: The effect of direct democracy on political participation and knowledge // State Politics & Policy Quarterly. 2003. P. 3 (1), No. 23–41.

References

1. Federal'nyi zakon "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii" ot 06.10.2003 № 131-FZ (redaktsiya ot 06.02.2019) [*Federal Law "On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" dated on Oct. 6, 2003, No. 131-FL (ed. of 06.02.2019)*]. SPS "Konsul'tantPlyus" [*Reference legal system "ConsultantPlus"*]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons> (accessed 18.03.2019).
2. Velikaya N. M. Osnovnye tendentsii politicheskogo uchastiya v mestnom samoupravlenii [*Main tendencies of political participation in local self-governance*], Sotsiologicheskie issledovaniya [*Sociological research*], 2003, no. 8, pp. 45–49.
3. Kuznetsova E. M. Mestnoe samoupravlenie i sotsial'naya rabota, Metodicheskie ukazaniya k seminarским zanyatiyam i SRS [*Local self-government and social work*], Omsk: Izd-vo OmGTU, 2010. 32 p.
4. Petukhov V. V. Grazhdanskoe uchastie v kontekste politicheskoi modernizatsii Rossii [*Civic participation in the context of political modernization of Russia*], Sotsiologicheskie issledovaniya [*Sociological Studies*], 2012, no. 1, pp. 48–60.
5. Putin V.V. Privetstvennoe slovo 1 s'ezdu roditeli [*Welcome speech to the parent's Congress*], Rossiiskaya gazeta [*Russian newspaper*], 2013, Feb. 11, No. 6004 (28). (In Russian).
6. Skalaban I. A. Sotsial'noe, obshchestvennoe i grazhdanskoe uchastie: k probleme osmysleniya ponyatii [*Social, public and civic participation: to the problem of comprehension of concepts*], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [*Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*], 2011, no. 1 (13), pp. 130–139.
7. Trofimova I. N. Grazhdanskii aktivizm v sovremenном rossiiskom obshchestve: osobennosti lokalizatsii [*Civil activism in modern Russian society: features of localization*], Sotsiologicheskie issledovaniya [*Sociological research*], 2015, no. 4, pp. 72–77.
8. Scheufele D. A., Dhavan V. S. Personality strength and social capital: The role of dispositional and informational variables in the production of civic participation, Communication research, 2000, no. 27.2, pp. 107–131.
9. Tolbert, C. J., McNeal, R. S., Smith, D. A. Enhancing civic engagement: The effect of direct democracy on political participation and knowledge, State Politics & Policy Quarterly, 2003, no. 3(1), pp. 23–41.

Оценка компетенций государственных служащих и анализ текущей практики методов оценки согласованности компетенций и трудовых функций гражданских государственных служащих Армении

Мирзоян Мариам Валериковна¹, Васильева Елена Викторовна²

¹аспирант, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: mvmirzoyan@fa.ru

²д-р экон. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: evvasileva@fa.ru

Аннотация

Уровень развития государства в целом зависит от профессионализма государственных служащих, поскольку именно госслужащие участвуют во всех процессах принятия государственных решений и дальнейшей их реализации. Профессиональный кадровый состав может обеспечить успешную реализацию всех государственных программ развития, поскольку именно кадровый потенциал является тем самым движущим элементом, воздействующим на все процессы, протекающие в государственном аппарате.

Цель работы – выявление слабых сторон управления персоналом госслужбы, определение методов оценки компетенций и трудовых функций государственных гражданских служащих Армении. При проведении научного исследования были поставлены задачи изучения лучших зарубежных практик по управлению компетенциями госслужащих, проведения опроса госслужащих для понимания вопроса с позиции госслужащих, определения наиболее востребованных компетенций в государственной гражданской службе. В рамках исследования изучены международная практика по управлению персоналом в государственной службе, нормативно-правовые акты, проведен внутренний опрос государственных гражданских служащих Республики Армения (40 человек), включая государственную службу социального обеспечения и органа территориального управления Котайкской области.

По результатам исследования выявлено, что в Армении управление кадровым потенциалом государственной гражданской службы осуществляется на достаточно низком уровне, что требует кардинальных изменений. Для этого предложено своевременное и качественное обучение персонала и внедрение методов оценки компетенций к должностным требованиям. В работе также представлены особенности применения онтологического подхода в решении задач формирования кадров.

Ключевые слова: трудовые функции, государственная служба, компетенции, кадровый потенциал, повышение квалификации, оценка персонала, онтологический подход.

Цитирование: Мирзоян М.В., Васильева Е.В. Оценка компетенций государственных служащих и анализ текущей практики методов оценки согласованности компетенций и трудовых функций гражданских государственных служащих Армении//Управление. 2019. № 2. С. 11–23.

Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы по теме «разработка методики оценки готовности к цифровой трансформации высших учебных заведений: возможности и риски» в ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

© Мирзоян М.В., Васильева Е.В., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Assessment of competencies of public servants and analysis of the current practice of methods for assessing the consistency of competencies and labor functions of civil servants of Armenia

Mirzoyan Mariam¹, Vasileva Elena²

¹Postgraduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: mvmirzoyan@fa.ru

²Doctor of Economic Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: evvasileva@fa.ru

Abstract

The level of development of the state as a whole depends on the professionalism of public servants, because the public servants participate in all processes of making state decisions and their further implementation. Professional staff can ensure successful implementation of all government development programs, because the personnel potential is thus the driving element affecting all the processes taking place in the state apparatus.

The purpose of this paper is to identify the weaknesses of the management of the civil service personnel and to determine the methods for assessing competencies and labor functions of civil servants of Armenia. While carrying out the scientific research, the tasks were set to study the best foreign practices in the management of public servants' competencies, to conduct a survey among public servants to look at the issues from their perspective, and to determine the most popular competencies in the civil service. Within the scope of the research international practice of personnel management in the public service as well as some related legal acts have been studied, and an internal survey has been conducted among the civil servants of the Republic of Armenia (40 people), including the civil servants from the State Social Security Service and the Ministry of Territorial Administration of Kotayk region.

The study has revealed, that in Armenia personnel potential management in the public service sector is carried out at a rather low level, which requires fundamental changes. In that respect, timely and efficient staff training has been offered along with the implementation of competency assessment methods to job requirements. Also features of the ontological approach in solving the problems of personnel formation have been presented in the paper.

Keywords: labor functions, public service, competencies, personnel potential, advanced training, personnel assessment, ontological approach.

For citation: Mirzoyan M.V., Vasileva E.V. Assessment of competencies of public servants and analysis of the current practice of methods for assessing the consistency of competencies and labor functions of civil servants of Armenia (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 11–23. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-11-23

The article has been performed in the framework of research work on the theme “development of methods for assessing the readiness for digital transformation of higher education institutions: opportunities and risks” in the Federal State Educational Budget Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation”.

© The Author(s), 2019. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В тенденции развития современных государств и правительственных аппаратов разных стран — цифровизация во всех направлениях деятельности госструктур. Многие государства делают акцент на переход от традиционного к цифровому формату госуправления, поскольку в его основе лежит повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг. Основные страны, которые начали внедрять повсеместно информационные технологии (далее — ИТ) в государственном секторе — европейские страны, Великобритания, США, Сингапур, Австралия, Республика Корея, ОАЭ, Россия [1]. В ряде случаев государства не были готовы к такого рода изменениям с точки зрения готовности и желаний граждан, поскольку характеризовались сложностью восприятия, не были учтены навыки среднестатистического пользователя.

В соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации (далее — РФ) 2008 г., Концепцией развития социально-экономических процессов в России на период до 2020 г. ведутся работы по внедрению в госслужбу технологий электронного правительства [1–5]. Активно работают многофункциональные центры и Единый портал государственных и муниципальных услуг. Отметим, что в вопросе развития электронного правительства Россия с каждым годом продвигается на более высокий уровень информационного обмена между системами различных государственных ведомств, имея багаж и большой опыт работы во внедрении систем электронного правительства [9].

В Республике Армения также проводятся работы по совершенствованию процесса госуправления. На сегодняшний день осуществляется проект «Цифровая трансформация Армении 2018–2030», целью которого является внедрение ИТ во все сферы государственной службы для повышения эффективности работы госаппарата и поддержки частного сектора [7]. Также немаловажным фактором для цифровой трансформации Армении является проект «Цифровая трансформация экономики ЕАЭС», который был представлен на семинаре с аналогичным названием в начале 2018 г. В рамках данного семинара обсуждались вопросы развития цифровых платформ в агропромышленном комплексе, создание в Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС) электронной биржи труда и системы взаимосвязанных электронных торговых площадок для государственных муниципальных закупок, внедрение безбумажных технологий в транспортно-логистической отрасли — эти и другие инициативы бизнеса и государственных органов стран евразийской «пятерки».

Армения является членом ЕАЭС и страной-союзником России с исторических времен. Также Армения находилась в составе СССР и политико-экономические процессы в республике были выстроены аналогичным образом как в современной России. Основываясь на сказанном выше, можно сказать, что одним из хороших примеров для Армении в практике современного государственного управления является цифровое правительство РФ.

В Республике Армения на сегодняшний день происходят масштабные политико-экономические изменения, которые не могут не повлиять на развитие страны. В этот переходный период страна остро нуждается в новых способах управления, подходах к подбору персонала, которые сегодня должны обладать знаниями в профессиональной и технической сфере, уметь глобально мыслить и быть готовыми к инновациям, владеть цифровыми компетенциями.

Компетентностный подход стал основой формирования информационной поддержки управления кадрами госслужбы во многих развитых странах мира. На сегодняшний день в Армении нет единой модели компетенций в управлении госслужащими. Для того, чтобы грамотно и качественно управлять человеческим капиталом в госучреждениях, требуется построение единой модели компетенций, как инструмента оценки потенциала персонала, чтобы обеспечить возможность своевременно планировать и создавать условия для его развития. Тогда можно быть уверенным, что кадры способны в будущем решать новые задачи [11].

Умение расставлять приоритеты при выполнении служебных задач госслужбы зависит именно от того, насколько компетентны сотрудники. Служба управления человеческими ресурсами должна организовать процесс работы госслужащих таким образом, чтобы было практически полное соответствие между их компетенциями и должностными требованиями, что позволит обеспечить «правильного человека, на правильной работе в нужное время», мотивированного на результат и развитие [12]. Таким образом, в Республике Армения есть потребность в кардинальном изменении процесса управления кадровым потенциалом в государственной службе и применении зарубежного опыта при выполнении работ.

Оценка работы с кадрами в организациях на основе анализа итогов анкетирования госслужащих Республики Армения.

В рамках исследования проведен опрос государственных гражданских служащих (далее — ГГС) Республики Армения (40 человек), включая государственную

службу социального обеспечения и органа территориального управления Котайкской области. Распределение опрошенных по уровням должностных позиций показывает, что 8,57 % составляют руководители их заместители, а 51,43 % — специалисты. При этом около 31 % опрошенных имеют стаж работы свыше 10 лет и порядка 28 % — от 6 до 10 лет.

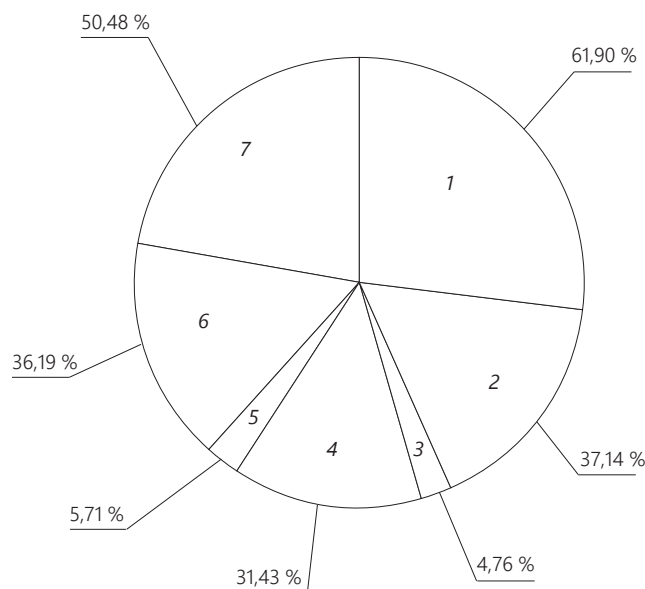
По мнению большинства опрошенных (73,3 %) их организации испытывают потребность в кадрах (текущей и на перспективу). При этом более 18 % респондентов считает, что такой потребности нет, хотя почти 90 % руководителей с ними не согласны. Почти 70 % госслужащих информированы о наличии вакантных мест, при этом среди руководителей процент информированности существенно выше — 88 %, что говорит о том, что сведениями о наличии вакансий руководители делятся с подчиненными не всегда.

Основным источником привлечения кандидатов опрошенные считают сотрудников самой организации (более 60 %), включая резерв, а также средства массовой информации (37,14 %) (рис. 1). Отметим, что кадровые агентства и служба занятости практически не используются для поиска кандидатов, что говорит о слабом внешнем рекрутменте в госслужбе.

Отметим, что большинство респондентов (66,57 %) в качестве инструмента оценки высоко оценило аттестацию. Среди методов индивидуальной оценки труда были выделены: интервью и собеседование

(45 % опрошенных); метод оценки по решающей ситуации или описательный метод оценки (по 15 % соответственно); KPI (9 %); анкетирование (6 %), оценка результативности ГГС (6 %); только шкала рейтингов поведенческих установок (2 %); экзамен и тестирование (2 %). Среди методов групповой оценки труда: 31 % — метод классификации; 14 % — «метод 180», или оценка результативности деятельности отдела; 11 % — сравнение по парам; 9 % — организации используют «метод 360»; 6 % оценивают групповую работу по результатам; 3 % используют методы заданного распределения; 3 % — оценка результативности ГГС. Также 51,42 % респондентов подтвердили, что им не хватает профессиональных знаний для выполнения профессиональных задач, а 35,24 % ответили не так категорично, но все же отметили некоторую потребность в этом. Однако выявлено, что чаще всего оценка персонала проводится в случае отбора и подбора персонала.

В Армении при выборе курсов повышения квалификации в основном учитывают личные характеристики 35,90 % и задачи, которые будут поставлены перед организацией 33,33 %. А 5,13 % респондентов ответили, что руководством не учитывались никакие факторы при отправлении сотрудника на курсы повышения квалификации. Также анкеты показали, что по результатам прохождения стажировки качество работы практически не изменилось — так ответили

1 – набор из числа государственных гражданских служащих организации; 2 – поиск через объявления в средствах массовой информации; 3 – обращение в государственную службу занятости; 4 – использование рекомендаций государственных гражданских служащих вашей организации; 5 – обращения в кадровые агентства по подбору персонала; 6 – обращение в учебные заведения; 7 – использование собственного резерва на выдвижение

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 1. Используемые методы привлечения кандидатов в организации
Figure 1. Methods used for attracting candidates to organizations

46,15 % респондентов. Всего лишь у 12,82 % повышение квалификации дало какой-то результат и существенно повлияло на качество работы.

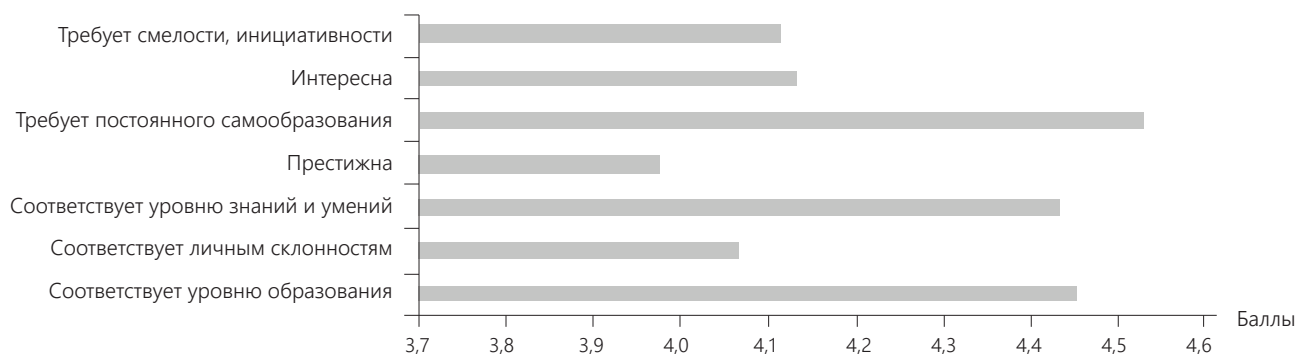
Большинство опрошенных (более 70 %) отметили, что в Республике Армения в документах отсутствуют компетенции государственных служащих. Но существуют конкретные квалификационные требования к должностям отдельных групп госслужащих, которые указаны в Решении Совета Госслужащих Республики Армения от 18.06.2002 г. № 20-Ն [6].

Интересно, как опрашиваемые сами оценивают занимаемые ими должности. На рисунке 2 представлены их оценки должности. Нетрудно увидеть, что наименьшие баллы получили такие характеристики должности, как «требуется смелости, инициативности», «интересна», «престижна» и «соответствие личным склонностям».

По мнению опрашиваемых госслужащих, при подборе персонала важными факторами являются профессиональные и личные качества, опыт работ (табл. 1). Вместе с тем, очень низко оценен авторитет в коллективе и личное желание. Существующие оценки никак не связаны с коллективной деятельностью и саморазвитием.

Из результатов анкетирования следует, что очень важное значение в управлении кадровым потенциалом госслужащих имеет оценка персонала. Она позволяет более конкретно определить соответствие или несоответствие компетенций конкретного сотрудника должностным требованиям, что, в свою очередь, дает возможность на более высоком уровне управлять кадровым потенциалом в государственной службе.

В рамках исследования проведен расчет экспертных оценок по выбору моделей компетенций государственных-гражданских служащих. На рисунке 3 представлен уровень удовлетворенности различных групп госслужащих должностью (рассчитан как сумма средних арифметических балльных оценок по степени согласия с рядом положительных утверждений о занимаемой должности, максимальный балл – 5). Чем выше должность, тем более высокие балльные оценки ей дает госслужащий. Однако следует отметить, что разрыв между руководителями и исполнителями не является значительным, что говорит об относительной удовлетворенности специалистов занимаемыми должностями.

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 2. Оценка госслужащими своей должности
Figure 2. Civil servants' assessment of their position

Таблица 1

Значимые факторы при подборе и выдвижении кадров на руководящую должность в организации

Table 1. Significant factors in the selection and promotion of personnel to a managerial position in the organization

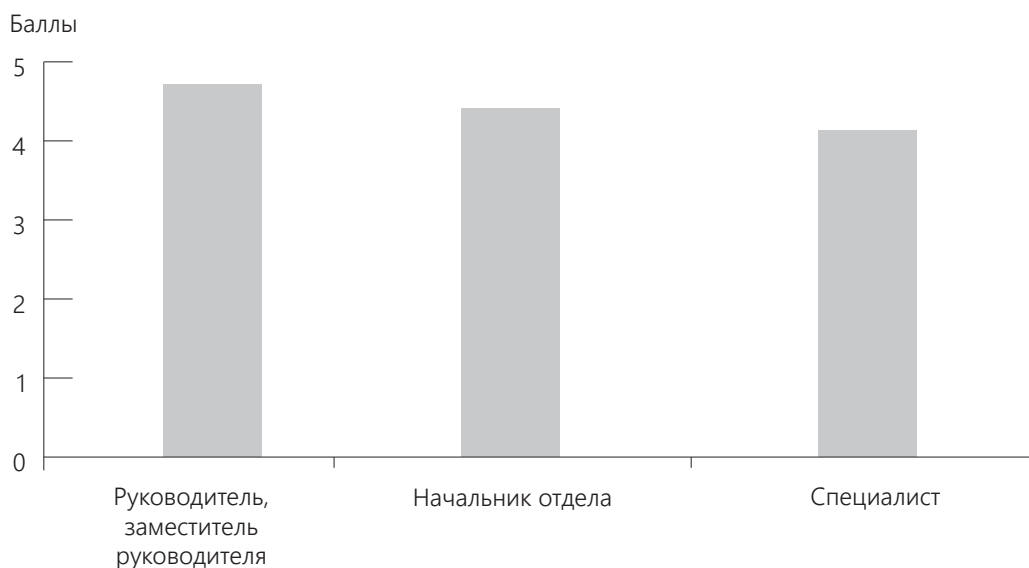
Варианты ответов	Ответы, %
Специальное образование	55,24
Личные качества	60,00
Опыт работы в качестве специалиста	50,48
Опыт руководящей работы на должностях государственной службы	58,10
Профессиональные качества	79,05
Авторитет в коллективе	24,76
Мнение руководства	47,62
Личное желание	22,86

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

На рисунке 4 представлена оценка осознания госслужащими критериев оценки руководством своего труда (максимальный балл – 4). Любопытно, что лучше всего представляют себе критерии оценки своего труда начальники отделов, в то время как большинство специалистов растерялись при ответе на этот вопрос. Однако, следует отметить, что несколько человек заявили, что процесс оценки результатов работы осуществляется на основании предоставления руководству регулярной объективной отчетности.

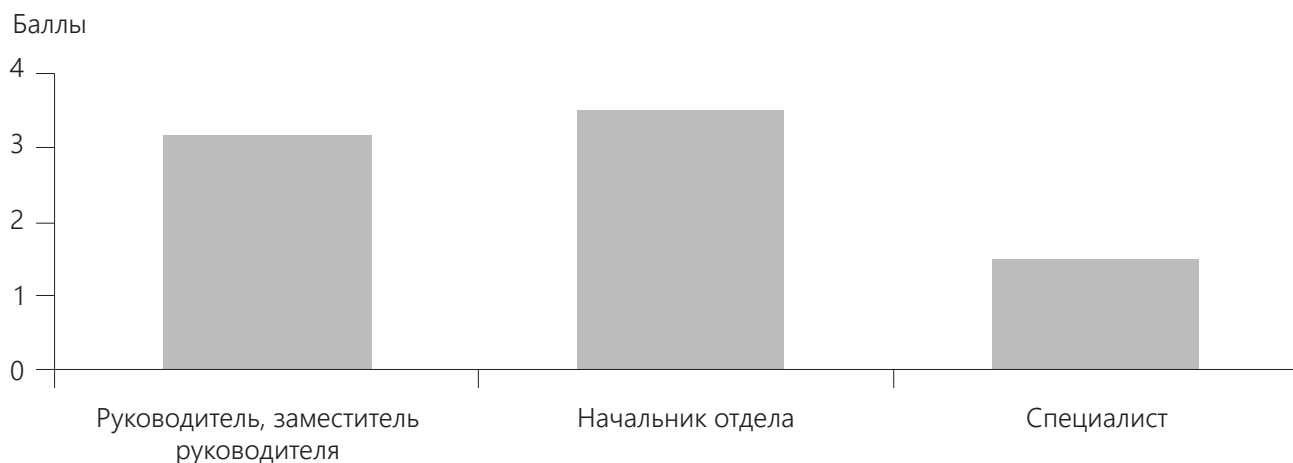
Интерес представляет тот факт, что руководители высокого уровня в большей степени склонны испытывать и открыто признавать нехватку знаний, чем начальники отделов или специалисты. Это может

означать, что вопросу повышения квалификации руководящего персонала не уделяется должного внимания. Наиболее ощутима нехватка знаний у госслужащих в первый год пребывания на должности, что вполне естественно. Однако столь же остро проблема стоит перед персоналом, занимающим должность более 16 лет. Это можно объяснить сочетанием таких факторов, как относительно большой (предпенсионный) возраст персонала из этой группы и активное внедрение информационных технологий в бизнес-процессы, так как сложно представить себе ситуацию, чтобы столь квалифицированные специалисты испытывали бы большую нехватку профессионального опыта, чем молодые специалисты с небольшим опытом работы.

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 3. Уровень удовлетворенности должностью госслужащих в балльной шкале от 1 до 5
Figure 3. Level of satisfaction with the position of civil servants on a points scale of 1 to 5

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 4. Осознание госслужащими критериев оценки руководством своего труда
Figure 4. Awareness by civil servants of criteria of an assessment by the management of their labor

Таблица 2

Частота выбора групп компетенций госслужащими (критерий – упоминание компетенций в должностных регламентах)

Table 2. The frequency of selection of groups of competencies of civil servants (criterion – reference competency in official regulations)

Группа компетенций	Частота выбора, %
Общепрофессиональные	81,90
Организационно-управленческие	59,05
Информационно-коммуникативные	60,00
Нормативно-правовые	80,00
Результативность и эффективность работы	72,38
Проектная деятельность	18,10
Управление изменениями	14,29
Работа в команде	40,95
Самоменеджмент и профессиональный рост	21,90
Организации делопроизводства	63,81
Этика и культуры поведения госслужащих	67,62

Составлено авторами по материалам исследования [7] / Compiled by the authors on the materials of the study [7]

Таблица 3

Определение весомости характеристик и обобщенной оценки

Table 3. Determination of weight characteristics and generalized evaluation

Критерий	Эксперт				S+	S-	p (S+)	m (S-)	k1	k2	Ac	A*	Вес, %
	1	2	...	n									
Профессиональные качества	11	10	11	11	7,0	-2,0	7	2	3,5	1,00	10,0	10,8	20,35
Знание государственного языка Российской Федерации (русского языка)	8	10	9	10	5,0	-2,0	5	2	2,5	1,00	9,0	9,7	18,24
Знание основ Конституции Российской Федерации	7	8	8	9	3,5	-5,5	5	5	1,0	1,57	8,5	8,1	15,19
Знание законодательства о государственной службе	6	7	7	7	3,0	-6,0	4	6	1,0	2,00	7,5	6,9	13,01
Знание законодательства о противодействии коррупции	5	7	6	7	4,0	-5,0	6	4	1,0	1,25	6,5	6,3	11,81
Прикладные профессиональные качества	4	4	6	5	3,0	-4,0	3	4	1,0	1,33	5,0	4,7	8,85
Опыт руководства	3	3	4	4	3,5	-3,5	5	5	1,0	1,00	3,5	3,5	6,56
Участие в составлении планов	2	2	3	3	1,0	-5,0	1	5	1,0	5,00	3,0	2,0	3,90
Опыт контроля хода исполнения документов и проектов	2	1	2	2	1,0	-4,0	1	4	1,0	4,00	2,0	1,1	2,10

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Сложнее объяснить, почему госслужащие, занимающие свою должность от 3 до 5 лет, испытывают большую нехватку знаний, чем работающие в должности 1–2 года или 6–10 лет. Данный вопрос требует отдельного исследования. Возможно, сотрудники, работающие долгое время на одной должности, не воспринимаются руководством как ценный кадровый актив и не получают качественного содержательного повышения квалификации (при этом повышение квалификации формально осуществляется), либо имеют место быть складывающиеся со временем изменения субъективного восприятия

госслужащими своей профессиональной деятельности (табл. 2).

Онтологии в решении задачи составления карьерного трекинга и индивидуального компетентного развития сотрудника.

В рамках исследования разработан комплексный подход к отбору кандидата на должность из кадрового резерва и внешних источников на основе применения математических методов и онтологических моделей. Основная цель онтологий — описание схем данных и знаний, которые могут существовать в самых различных источниках.

Поиск кандидатов происходит по нескольким источникам. Так, основой поиска претендентов на вакантное место по заданным требованиям к должности является собственная база персонала организации, где применяют стандартные языки запросов. Поданные резюме на специализированных порталах HH, Superjob, а также в открытых источниках (социальные сети, LinkedIn, Twitter) обрабатывают с помощью нейросети. Это предполагает работу с неструктурированной информацией и требует применения онтологического подхода. Перечень критериев определяют с помощью метода экспертных оценок по шкале от 1 до 5, где 1 – наименее важный критерий, 5 – наиболее важный. В составе группы экспертов привлекаются не менее двух руководителей госслужбы, двух сотрудников одного и того же ранга с аттестуемым и двух представителей более низкого ранга. Определение весомости характеристик каждого из критериев осуществлялось по 10-балльной шкале (1 – наиболее весомый; 10 – наименее весомый). Далее проведено упорядочивание их по сумме баллов (табл. 3). Обобщенная экспертная оценка каждого из критериев рассчитана с помощью метода индексной группировки, разработанные В.И. Дудориным, заведующим кафедрой «Экономическая кибернетика» ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» с 1969 г. по 2009 г. [8; 9].

Для поиска информации по ключевым словам с применением нейросети составлены матрицы, в которых структурирована и формализована вся информация о компетенциях, характеристиках, трудовых функциях, требованиях и правилах оценивания претендентов на должность. Пример критериев одной из групп нейропоиска для должности «помощник (советник)» представлен в таблице 4.

Сохраненные взаимосвязанные параметры и атрибуты персонала представляют собой исторические данные. Должности, компетенции, критерии оценки – атрибуты модели данных. Задачи связывания, преобразования информации, а также агрегации, выстраивания критериев, компетенций и построения аналитики на базе полученных данных составляют функционал системы управления талантами. Данные и функционал образуют единую самообучаемую нейронную сеть на базе онтологии данных параметров и атрибутов (рис. 5). Построив распределение претендентов на разные должности в зависимости от их характеристик, собранных из внешних ресурсов (сеть «Интернет»), опыта работы, набора сертификатов, подтверждающих компетенции, или результатов оценочных мероприятий, можно отобрать тех, кто наиболее соответствует должности [13; 14; 15].

Ключевые компетенции, представленные в таблице 6, с указанием их значимости также определены на основе экспертных опросов. Именно они должны

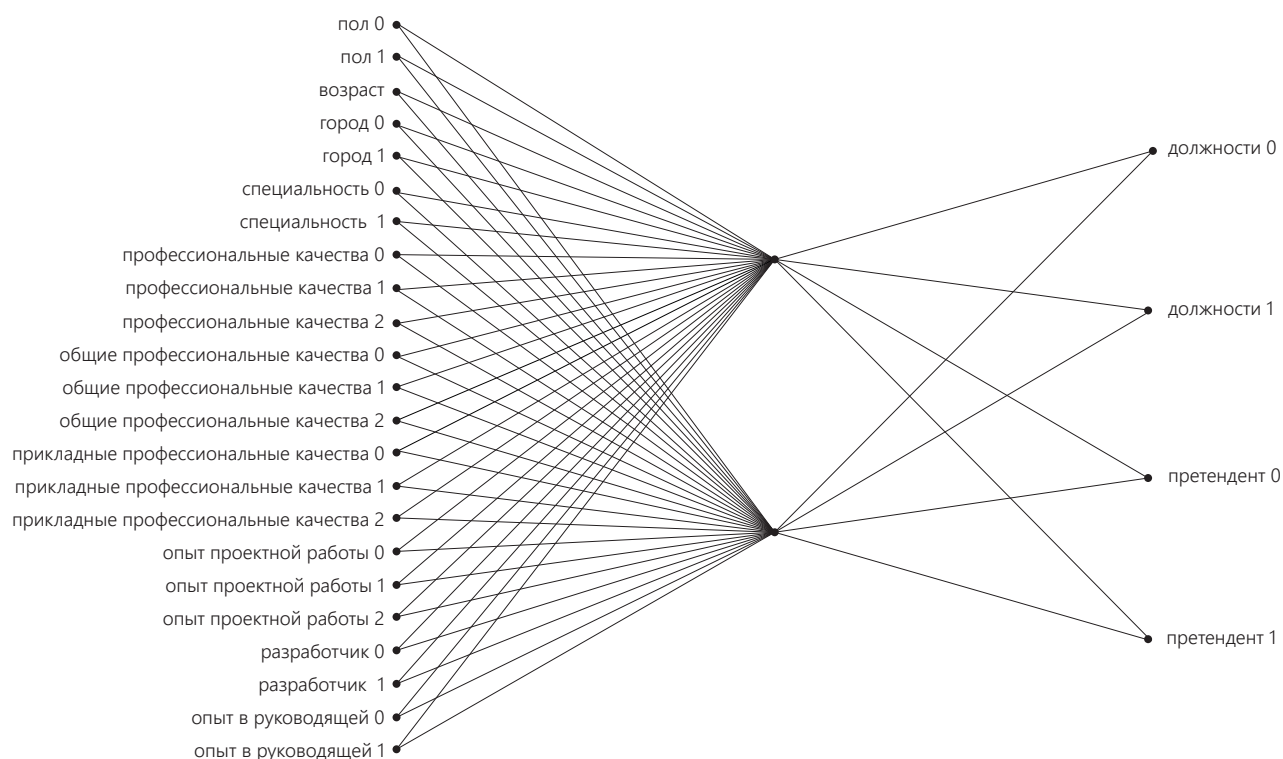
Таблица 4

Матрица критериев по характеристикам профессиональных качеств (фрагмент) в соответствии с требованиями к должности «помощник (советник)» для нейросети

Table 4. Matrix of criteria for the characteristics of professional qualities (fragment) in accordance with the requirements for the position "assistant (advisor)" for the neural network

Код	Качество	Ключевые слова и содержание профессиональных качеств			
		A ₁₁	A ₁₂	A ₁₃	A ₁₄
Prof _{6,1}	Знания	Государственный язык	Основы Конституции	Законодательство о госслужбе	Закон о противодействии коррупции
Prof _{6,2}	Умения	Анализировать состояние и динамику конкретной сферы деятельности органа госуправления	Применять основные экономические методы для управления государственным и муниципальным имуществом	Адаптировать лучшие практики зарубежного государственного и муниципального управления к своей профессиональной деятельности	
Prof _{7,1}	Общие профессиональные качества	Коммуникативность	Познавательная активность	Социальная ответственность	
Prof _{8,1}	Прикладные профессиональные качества	Творческий подход, инновационность	Работа в команде;	Передача опыта и знаний.	
Prof _{9,1}	Управленческие проф. качества	Планирование деятельности и ресурсов	Публичные выступления и внешние коммуникации	Планирование деятельности и ресурсов	Контроль и оценка исполнения

Источник: [7] /Source [7]

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 5. Фрагмент нейросети поиска кандидатов на должность, построенной в программном продукте Deductor
Figure 5. Fragment of neural network search for position, built in the software product Deductor

стать основой при составлении планов по мероприятиям в системе управления талантами и формированием кадрового резерва.

Для отбора претендентов по классам используется математический алгоритм выбора предпочтений в условиях сравнительной неопределенности по методу Парето. Оценка качеств гражданских служащих по каждому из показателей, фрагмент анализа которой приведен в таблице 7, может проводиться с помощью экспертов по 11-балльной системе. Высший бал (11) ставится, если то или иное качество проявляется всегда, 7–10 – почти всегда, 4–6 – проявляется и не проявляется в равной мере,

1–3 – проявляется редко, 0 – не проявляется совсем. Показатели $Comp_{1,3}$ и $Comp_{1,5}$, в отличие от всех остальных, количественные, поэтому при принятии решения экспертам оценить их намного проще.

Некоторые качественные характеристики определяют с помощью метода оценки компетенций $360^\circ/180^\circ$. В настоящее время механизм обратной связи 180° и 360° активно используются в практике многих российских и зарубежных организаций. Ранговая шкала «360 градусов» направлена на измерение всех видов компетенций и компетентностей персонала по заданным критериям и вопросам. Метод позволяет сотруднику взглянуть на свой

Таблица 5

Матрица описателей компетенций (фрагмент): Группа общепрофессиональных компетенций, $Comp_{1,j}$

Table 5. The matrix of descriptors of competences (excerpt): the group of general professional competencies, $Comp_{1,j}$

Код $Comp_{1,j}$	Название элементов группы	Баллы $B_{i,j}$		Вес, %
		ФИО ₁	ФИО ₂	
$Comp_{1,1}$	Владеть этикой и культурой поведения госслужащих	-	-	21,23
$Comp_{1,2}$	Приверженность государственной службе	-	-	19,17
$Comp_{1,3}$	Ориентация на укрепление авторитета служащих	-	-	16,13
$Comp_{1,4}$	Уметь разрабатывать проекты и планы развития подразделения	-	-	12,93
$Comp_{1,5}$	Специальное образование (наличие специализированного сертификата)	-	-	12,68

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

потенциал, поведение и социальную роль в организации со стороны, и в то же время узнать мнение руководителя, коллег, подчиненных, которые тоже участвуют в оценке. Название метода происходит от количества сторон анализа: оценка персонала только руководителем – это анализ в 90°, руководителем и сотрудников – 180°, с привлечением к опросу подчиненных – 270°, а 360° – все перечисленное с учетом мнения коллег в совокупности).

По результатам оценки составляется карта компетенций по каждому из отобранному претенденту. Понятно, что каждый из них не может обладать лучшими по всем критериям характеристиками. Поэтому в карте отражено три уровня – достаточный, недостаточный, высокий. На основе такого анализа могут быть сформированы дорожные карты по уровню освоения компетенций для разработки стимулирующих надбавок в системе оплаты труда государственных служащих.

Заключение

Россия и Армения являются странами ЕАЭС и в ближайшей перспективе готовятся к созданию Единой цифровой политике развития стран ЕАЭС, также являются странами-союзниками и имеют процессы в управлении госслужбой, которые наследовали со времен СССР. Российская Федерация имеет большой положительный опыт в работе создания электронного правительства, что может быть хорошей основой для построения системы электронного правительства в Армении.

По результатам проведенного анкетирования государственных гражданских служащих Республики Армения выявлено, что госслужащие не удовлетворены работой госструктуры, уровень мотивации сотрудников на слабом уровне, автоматизация деятельности госорганов находится на достаточно низком уровне, госслужащие практически не получают тех навыков, которые им действительно необходимы для работы в государственной службе. Для успешного функционирования государственной службы

Таблица 6

Матрица критериев по должностям и группа общепрофессиональных компетенций, $Comp_{1,j}$ (фрагмент) в соответствии с требованиями к компетентностному уровню, необходимой для должности «помощник (советник)»

Table 6. The matrix of criteria for positions and group of general professional competences, $Comp_{1,j}$ (fragment) in accordance with the requirements for the competent level required for the position of "assistant (advisor)"

Код $Comp_{i,j}$	Критерии и баллы по должностям	Максимальный балл – высокий уровень	Средняя по соискателю 1	Средняя по соискателю 2	Норматив (достаточный уровень)	Вес, %
$Comp_{1,1}$	Оценка [руководителя и эксперта] по владению этикой и культурой поведения госслужащих (0–11) – метод 360°/180°	11	-	-	7	21,64
$Comp_{1,2}$	Оценка руководителя по приверженности государственной службе (0–11) – метод 360°/180°	11	-	-	6	19,40
$Comp_{1,3}$	Ориентация на укрепление авторитета гражданских служащих. Обратная связь от граждан или руководителя. Каждая оценка (0 / 1). В сумме максимально 11.	11	-	-	6	16,16
$Comp_{1,4}$	Уметь разрабатывать проекты и планы развития подразделения: опыт участия в проектах за последние 6 мес. Оценка руководителя и экспертиза подтверждающих документов от руководителя проекта (от 0 до 10 баллов) – метод 360°/180°	11	-	-	4	13,84
$Comp_{1,5}$	Получение сертификата (0–10). По 5 балла за сертификат, полученный за последний год.	11	-	-	3	12,56
$Comp_{1,6}$	Уметь оценивать экономические, социально-политические условия и последствия реализации государственных программ (оценка по результатам собеседования – метод 360°/180°)	11	-	-	3	9,42
$Comp_{1,7}$	Уметь адаптировать практики зарубежного государственного и муниципального управления к своей профессиональной деятельности (оценка по результатам собеседования – метод 360°/180°)	11	-	-	3	6,98
Средний балл		-	-	-	-	-

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

необходимо иметь качественный человеческий капитал, ведь персонал — один из наиболее важных составляющих элементов в любой системе.

В системе оценки государственных служащих компетентностный подход практически не реализован, но сформулированы квалификационные требования к должностям государственной гражданской службы (опыт, умения, навыки). Квалификационные требования к должностям (обязанности и функции) прописаны как для определенных групп профессиональных должностей, так и для конкретной должности. Согласно закону о госслужащих Республики Армении госслужащие обязаны проходить повышение квалификации для приобретения новых компетенций, для получения новых навыков и знаний, улучшения качества работы; программы повышения квалификации должны быть разработаны руководством данной организации с учетом потребностей каждого сотрудника: необходим индивидуальный подход при направлении сотрудника на такую программу [6]. К сожалению, результаты опроса показали, что примерно 20 % респондентов не проходили программу повышения квалификации, 28 % отметили, что прохождение программы не повлияла на качество работы, а 46 % опрошенных отметили, что повлияла, но незначительно. Это означает, что в Армении управление кадровым потенциалом государственной гражданской службы осуществляется на достаточно низком уровне и также требует кардинальных изменений.

В качестве решения проблемы могут быть рассмотрены следующие современные методы организации работы управления кадрами. Одним из них в современных организациях развитых государств является применение инструментов актуального оценивания потенциала сотрудников, поскольку это позволяет своевременно составлять планы и создавать условия для карьерного развития персонала. Кадровые информационные системы в государственной службе обязательно должны отслеживать опыт и эффективность наставничества [10]. Укрепление системы профессиональной ориентации проводится наряду с новой стратегией обучения и повышения квалификации в целях повышения квалификации персонала; мотивация на саморазвитие, непрерывность обучения, повышение квалификации и рост (принцип «никогда не прекращайте учиться»). Сотрудникам необходимо предоставлять возможность постоянного повышения уровня знаний и навыков, возможность прохождения курсов повышения квалификации, которые помогут им повысить свою компетентность для эффективного

достижения своих целей. Определены особенности применения онтологического подхода к решению задач формирования компетентностно-квалификационной модели оценки соответствия характеристик, профессиональных качеств государственного служащего требованиям должности и профессиональному стандарту. Разработан подход к управлению компетенциями госслужащих на основе онтологической модели компетенций гражданских государственных служащих для эффективного процесса отбора претендентов на должность и формирования кадрового резерва в иерархической системе управления государственной службы.

На сегодняшний день мы можем заметить, что в мире существует тенденция мотивации продолжительного обучения сотрудников разными путями: диверсификация направлений обучения, охватывающая вопросы обучения на рабочем месте, обмена опытом и знаниями с коллегами, применения методов управления знаниями в организации, организации новых учебных курсов с привлечением внешних и внутренних преподавателей, применение методов дистанционного обучения и онлайн-курсов на разных площадках топовых вузов, разработка и внедрение программ личного развития и индивидуального коучинга, принцип обеспечения позитивного жизненного опыта сотрудников, мотивация сотрудников на самообучение и саморазвитие.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. №48-ФЗ от 01.04.2019) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 24.04.2019).
2. Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (ред. № 423-ФЗ 28.12.2017) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 24.04.2019).
3. Указ Президента РФ от 07.02.2008 г. № Пр-212 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 24.04.2019).
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. № 1 662-р (ред. № 4-ФЗ от 28.09.2018) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 24.04.2019).
5. Постановление Правительства РФ от 24.10.2011 г. № 861 (ред. от 25.10.2017) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» (ред. № 17-ФЗ от 25.09.2018) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 24.04.2019).
6. Решения Совета госслужащих Республики Армения от 18.06.2002 г. № 20-У // ARLIS [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=115006> (дата обращения: 24.04.2019).
7. Эффективность управления кадрами государственной гражданской службы в условиях развития цифровой экономики и общества знаний: монография / под общ. ред. Е. В. Васильевой, Б. Б. Славина. М.: ИНФРА-М, 2018. 221 с. www.dx.doi.org/10.12737/monography_5b30a162d9bec9.41280649.
8. Васильева, Е. В., Мирзоян, М. В. Проблемы формирования кадрового потенциала государственной службы в контексте реализации нового государственного менеджмента // Управленческие науки. 2017. № 4. С. 80—89.
9. Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/statistic/rating/elektronnoe-pravitelstvo-v-subektah-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 24.04.2019).
10. Доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме. ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/43568> (дата обращения: 24.04.2019).
11. Janowski T. Digital government evolution: From transformation to contextualization // Government Information Quarterly. 2015. № 3. P. 221—236 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X15000775> (дата обращения: 24.04.2019).

References

1. Federal'nyi zakon ot 27.07.2010 № 210-FZ "Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug" (red. № 48-FZ ot 01.04.2019) [Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ "On the Organization of Provision of State and Municipal Services" (Ed. No. 48-FL of 04/01/2019)], SPS «Konsul'tantPlyus» [Reference legal system "ConsultantPlus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons> (accessed 24.04.2019).
2. Federal'nyi zakon ot 09.02.2009 № 8-FZ "Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatel'nosti gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya" (red. № 423-FZ 28.12.2017) [Federal Law of February 9, 2009 No. 8-FZ "On providing access to information on the activities of state bodies and local self-government bodies" (Ed. No. 423-FL 20 December 28, 2017), SPS «Konsul'tantPlyus», [Reference legal system "ConsultantPlus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons> (accessed 24.04.2019).
3. Ukaz Prezidenta RF ot 07.02.2008 № Pr-212 "Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii" [Presidential Decree of February 7, 2008 No. Pr-212 "Strategy for the development of the information society in the Russian Federation"], SPS «Konsul'tantPlyus» [Reference legal system "ConsultantPlus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons> (accessed 24.04.2019).
4. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17.11.2008 № 1 662-r (red. № 4-FZ ot 28.09.2018) [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 (approved by the Government of the Russian Federation on November 17, 2008 No. 1662-p (Ed. No 4-FL dated on Sep. 9, 2018)], SPS «Konsul'tantPlyus» [Reference legal system "ConsultantPlus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons> (accessed 24.04.2019).
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.10.2011 № 861 (red. ot 25.10.2017) "O federal'nykh gosudarstvennykh informatsionnykh sistemakh, obespechivayushchikh predostavlenie v elektronnoi forme gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug (osushchestvlenie funktsii)" (red. № 17-FZ ot 25.09.2018) [Resolution of the Government of the Russian Federation dated on 24.10.2011 No. 861 (as amended on 10.25.2017) "On federal state information systems ensuring the provision of state and municipal services (performance of functions) in electronic form" (Ed. 17-FL dated on Sep. 25, 2018)], SPS «Konsul'tantPlyus» [Reference legal system "ConsultantPlus"]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons> (accessed 24.04.2019).
6. Resheniya Soveta gossluzhashchikh Respubliki Armeniya ot 18.06.2002 № 20-U [Decisions of the Council of Civil Servants of the Republic of Armenia dated on June 18, 2002 No. 20-U], ARLIS. Available at: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=115006> (accessed 24.04.2019).
7. Vasil'eva E.V., Slavin B.B. Effektivnost' upravleniya kadrami gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby v usloviyakh razvitiya tsifrovoi ekonomiki i obshchestva znaniy: monografiya [Effective management of civil service personnel in the conditions of the development of digital economy and knowledge society], Moscow: INFRA-M, 2018, 221 p. (In Russ.). doi: 10.12737/monography_5b30a162d9bec9.41280649.
8. Vasil'eva E.V., Mirzoyan M.V. Problemy formirovaniya kadrovogo potentsiala gosudarstvennoi sluzhboi v kontekste realizatsii novogo gosudarstvennogo menedzhmenta [Problems of formation of personnel potential of public service in the

12. ИТ-рынок Армении // Tadviser, 03.02.2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 24.04.2019).
13. Зоткин, А. О., Натейкина Ю. О. Компетентностный подход в управлении персоналом // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1 (32). Часть 2. С. 85–86. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://research-journal.org/economical/kompetentnostnyj-podkhod-v-upravlenii-personalom/> (дата обращения: 24.04.2019.).
14. Долганова, О. И., Мирзоян, М. В. Многокритериальная оценка готовности вуза к цифровой трансформации // Креативная экономика. 2019. Том 13. № 4. doi: 10.18334/ce.13.4.40560 (дата обращения: 24.04.2019).
15. Ризванов, Д. А., Сенькина, Г. В. Онтологический подход к поддержке принятия решений по управлению компетенциями организации // Вестник РГРТУ. 2009. № 4 (вып. 30). С. 79–84.
9. Ofitsialnyi sait Ministerstva svyazi i massovykh kommunikatsiy Rossiiskoi Federatsii [Official website of the Ministry of communications and mass communications of the Russian Federation]. Available at: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/statistic/rating/elektronnoe-pravitelstvo-v-subek-tah-rossijskoj-federacii/> (accessed 24.04.2019).
10. Dolya grazhdan, ispolzuyuschikh mekhanizm polucheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug v elektronnoi forme [The share of citizens using the mechanism of obtaining state and municipal services in electronic form], EMISS. Gosudarstvennaya statistika [EMISS. State statistics]. Available at: <https://fedstat.ru/indicator/43568> (accessed 24.04.2019).
11. Janowski T. Digital government evolution: From transformation to contextualization, Government Information Quarterly, 2015; 3. pp. 221–236 Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X15000775> (accessed 24.04.2019).
12. IT-rynok Armenii [IT market of Armenia], Tadviser, 03.02.2018. Available at: <http://www.tadviser.ru/> (accessed 24.04.2019).
13. Zotkin A. O., Nateikina Yu. O. Kompetentnostnyi podkhod v upravlenii personalom [Competence approach in personnel management], Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Scientific Research Journal], 2015, no. 1(32), part 2, pp. 85–86. Available at: <https://research-journal.org/economical/kompetentnostnyj-podkhod-v-upravlenii-personalom/> (accessed 24.04.2019).
14. Dolganova O.I., Mirzoyan M.V. Mnogokriterial'naya otsenka gotovnosti vuza k tsifrovoy transformatsii [Multi-criteria evaluation of university readiness for digital transformation], Kreativnaya ekonomika [Creative Economy], 2019, vol. 13, no. 4. doi: 10.18334 / ce.13.4.40560 (accessed 24.04.2019).
15. Rizvanov D. A., Sen'kina G. V. Ontologicheskii podkhod k podderzhke prinyatiya reshenii po upravleniyu kompetentsiyami organizatsii [Ontological approach to supporting decision-making on the management of the competence of the organization], Vestnik RGRTU [Bulletin RGRTU], 2009, no. 4 (iss. 30), pp. 79–84.

Эколого-ориентированное развитие предприятий агропромышленного комплекса и опережающая подготовка кадров в области агроэкологического менеджмента

Вишняков Яков Дмитриевич¹, Киселева Светлана Петровна², Маколова Людмила Викторовна³,
Фам Ван Ван⁴, Ву Хыонг Тхи Тху⁵

¹д-р техн. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0656-140X, e-mail: vishnyakov1@yandex.ru

²д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0564-7626, e-mail: svetlkiseleva@yandex.ru

³д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: makolova76@mail.ru

⁴д-р экон. наук, Вьетнамский национальный университет сельского хозяйства, г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам, e-mail: phamvan@vnu.edu.vn

⁵аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vuhuong@yandex.ru

Аннотация

В статье проанализированы направления эколого-ориентированного развития предприятий агропромышленного комплекса посредством реализации принципов рационального потребления ресурсов. Цель работы – формирование научных основ эффективного использования невозобновляемых ресурсов предприятиями агропромышленного комплекса в современных условиях хозяйствования. Проведено исследование причин накопления на сельскохозяйственных предприятиях отходов и проанализированы стадии экологизации функционирования предприятия. Рассмотрен механизм экологизации функционирования предприятия на основе анализа стадий, подразумевающих последовательное внедрение технологий и оборудования, позволяющего сократить негативное воздействие сельскохозяйственных предприятий на окружающую среду.

На основе разработанной общей стратегии предприятия в области потребления ресурсов представлены две модели управления ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе использования инструментов инсорсинга и аутсорсинга. Модель с использованием инструментов инсорсинга предполагает переориентацию собственных активов предприятия, не используемых в производственной деятельности, на очистку и переработку вторичных ресурсов. Модель с использованием инструментов аутсорсинга предполагает привлечение сторонних организаций для сбора и переработки отходов во вторичные ресурсы. Определен диапазон эффективного внедрения предложенных моделей в деятельности сельскохозяйственного предприятия.

Обозначена важность опережающей подготовки управленческих кадров в области агроэкоменеджмента в интересах устойчивого развития агропромышленного комплекса и представлены предложения ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (далее – ГУУ) в этой области. Кафедрой управления природопользованием и экологической безопасностью ГУУ предложена подготовка магистров для осуществления всех видов деятельности, предусмотренной образовательным стандартом в сфере агроэкологического менеджмента. В структуре предлагаемой образовательной программы «Агроэкологический менеджмент» присутствуют дисциплины (модули) теоретического и прикладного характера, актуальные для изучения специалистами агропромышленного комплекса в соответствии с необходимостью решения современных экологических проблем.

Ключевые слова: эколого-ориентированное развитие, окружающая среда, агропромышленный комплекс, сельскохозяйственное предприятие, загрязнение, отходы, стратегия предприятия, регенерация, утилизация, опережающая подготовка эколого-ориентированных управленческих кадров, агроэкоменеджмент.

Цитирование: Вишняков Я.Д., Киселева С.П., Маколова Л.В., Фам В.В., Ву Х.Т.Т. Эколого-ориентированное развитие предприятий агропромышленного комплекса и опережающая подготовка кадров в области агроэкологического менеджмента//Управление. 2019. № 2. С. 24–32.

© Вишняков Я.Д., Киселева С.П., Маколова Л.В., Фам В.В., Ву Х.Т.Т., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Environmental-oriented development of enterprises of agricultural industry and advanced training of personnel in agricultural environmental management

Vishnyakov Yakov¹, Kiseleva Svetlana², Makolova Lyudmila³, Pham Van⁴, Vu Huong⁵

¹Doctor of Technical Sciences, State University of Management, Moscow, Russia,
ORCID ID: 0000-0003-0656-140X, e-mail: vishnyakov1@yandex.ru

²Doctor of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia,
ORCID ID: 0000-0002-0564-7626, e-mail: svetlkiseleva@yandex.ru

³Doctor of Economic Sciences, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: makolova76@mail.ru

⁴Doctor of Economic Sciences, Vietnam National University of Agriculture, Hanoi,
Socialist Republic of Vietnam, e-mail: phamvan@vnu.edu.vn

⁵Postgraduate Student, State University of Management, Moscow, Russia, e-mail: vuhuong@yandex.ru

Abstract

The directions of the ecological-oriented development of enterprises of the agro-industrial complex have been analyzed through the implementation of the principles of rational resource consumption. The purpose of the article is to form the scientific basis for the effective use of non-renewable resources by enterprises of the agro-industrial complex in modern economic conditions. A study has been conducted on the causes of waste accumulation in agricultural enterprises and the stages of the greening mechanism of the enterprise functioning have been analyzed. The mechanism of greening the functioning of an enterprise has been considered on the basis of an analysis of the stages, which implies the consistent introduction of technologies and equipment, which makes it possible to reduce the negative impact of agricultural enterprises on the environment.

On the basis of the developed general strategy of the enterprise in the field of resource consumption, two models of resource management of an agricultural enterprise have been presented through the use of insourcing and outsourcing tools. The model using insourcing tools assumes the reorientation of the company's own assets, that are not used in production activities for the cleaning and processing of secondary resources. The model with the use of outsourcing tools assumes the involvement of third-party organizations for the collection and processing of waste in secondary resources. The range of effective implementation of the proposed models in the activities of an agricultural enterprise has been determined.

The importance of advanced management training in the field of agricultural economics in the interests of sustainable development of the agro-industrial complex has been denoted and proposals from the State University of Management (SUM) in this area have been presented. The Department of Environmental Management and Environmental Safety has proposed the preparation of masters for the implementation of all activities stipulated by the educational standard in the field of agro-ecological management. The structure of the proposed educational program "Agroecological Management" contains disciplines (modules) of a theoretical and applied nature, that are relevant for the study by specialists of the agro-industrial complex in accordance with the need to solve modern environmental problems.

Keywords: environmental-oriented development, environment, agro-industrial complex, agricultural enterprise, pollution, waste, enterprise strategy, regeneration, utilization, advanced preparation of environmental-oriented managerial personnel, agricultural environmental management.

For citation: Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P., Makolova L.V., Pham V.V., Vu H.T.T. Environmental-oriented development of enterprises of agricultural industry and advanced training of personnel in agricultural environmental management (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 24–32. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-24-32

Функционирование предприятий агропромышленного комплекса (далее — АПК) в настоящее время обуславливает необходимость решения ряда проблем. Такими проблемами являются: дефицит ресурсов, отсутствие гарантированного объема производства продукции, диспаритет цен, высокий износ материально-технической базы предприятий, недостаточное количество квалифицированного персонала, усиление требований законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования. Одним из решений вышеуказанных проблем является ориентация предприятий на рациональное использование ресурсов, основанное на использовании вторичных ресурсов. Кроме того, неэффективное использование ресурсов в АПК и отсутствие научных подходов к природопользованию привело к созданию в ряде районов Российской Федерации (далее — РФ) сложной экологической обстановки, проявляющейся в снижении плодородия, эрозии почвы, загрязнением ее токсичными веществами и т. д. В результате формируется тенденция неэффективного использования наиболее важных видов природных ресурсов — земельных, водных и других, выражающаяся в возникновении дополнительных расходов на ликвидацию отходов производственной деятельности.

Одним из направлений повышения безопасности производств с экономической и экологической точки зрения является совершенствование технологии производства и оборудования, базирующееся на реализации принципа минимизации отходов. Можно отметить, что данная тенденция является преобладающей при конструировании нового оборудования и модернизации технологических процессов. В нашей стране с 1980-х гг. рынок экотехнологий и экологических товаров развивается медленными темпами, так как этому препятствует слабая инфраструктурная база. Например, широкому использованию автомобилей функционирующих на газовом топливе, и электромобилей препятствует отсутствие разветвленной сети заправочных станций. Поэтому можно констатировать тот факт, что в основном в нашей стране реализуются проекты в области рационального природопользования в рамках приоритетных направлений инновационного развития [1].

Важно отметить, что «необходимость обеспечения экологической безопасности инновационного развития выступает не только как ограничитель инновационного роста, но и его помощник, поскольку позволяет увеличить инновационно-инвестиционный потенциал региона и снизить инновационно-инвестиционные риски региона, добиться положительных социо-эколого-экономических

региональных эффектов в длительном периоде времени и, таким образом, увеличить темпы инновационного и инвестиционного развития в регионе. В свою очередь, задача государства в данном аспекте состоит в том, чтобы обеспечить нужные организационные, финансовые, правовые и иные условия для развития эколого-ориентированных инновационно-инвестиционных процессов в экономике и обеспечения экологической безопасности инновационной деятельности» [1, с. 34].

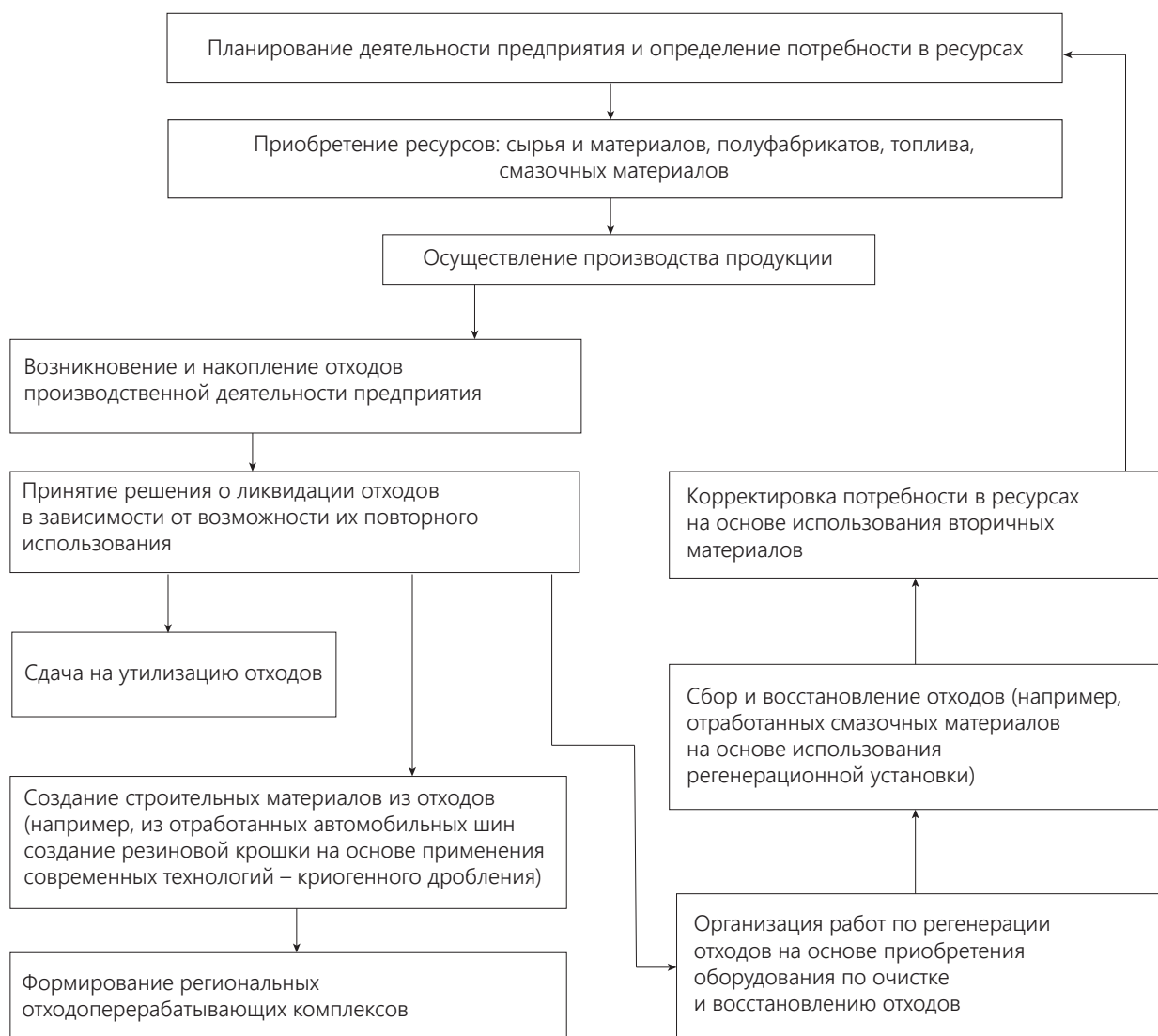
Исследование проблемы накопления отходов в процессе сельскохозяйственной деятельности показало, что номенклатура отходов широка, при этом некоторые виды отходов, относящихся к 1 или 2 классам опасности, являются ценными вторичными ресурсами. Но в современных условиях хозяйствования сельскохозяйственные предприятия не обладают таким уровнем производственных мощностей, чтобы перерабатывать отходы и эффективно их использовать. «Для России оптимален путь масштабной модернизации сельскохозяйственного производства на основе применения природоохраных технологий, предполагающих эффективное использование ресурсов, внедрение значительного объема информации селекционно-генетических исследований и реализации мероприятий способствующих прогрессирующему развитию сельского сектора» [1, с. 36]. «При осуществлении производственных процессов во многих отраслях народного хозяйства требуются большие объемы смазочных материалов, но постоянное увеличение их стоимости и необходимость замены в связи с эксплуатацией изношенных средств механизации, а также отсутствие функционирующих механизмов восстановления отработанных ресурсов и возникающие экологические проблемы, вследствие накопления отходов, свидетельствуют о недостатках существующего механизма обращения с отходами и использования вторичных ресурсов. В связи с этим для предотвращения экологического ущерба необходимо применение современных теоретико-методологических подходов к определению, формированию и реализации инструментов экологизации экономики и устранения или ограничения негативных последствий производственной деятельности на окружающую природную среду» [1, с. 37].

Исследование сельскохозяйственных предприятий Юга России показало, что в основном такие предприятия используют транспортные средства, оснащенные дизельными двигателями. Также эксплуатируется сельскохозяйственная техника, такая как комбайны и тракторы, оснащаемая дизельными двигателями. В процессе эксплуатации транспортных

средств и сельскохозяйственной техники, применяют моторные масла с определенными характеристиками вязкости, отличными от других видов автомобильных масел. В связи с этим при эксплуатации масла нагреваются и изменяют свои химические свойства, в результате чего превращаются в отработанные масла – высокотоксичные отходы. Отсутствие механизмов сбора и переработки отработанных масел усиливает негативное воздействие предприятий агропромышленного сектора экономики на окружающую среду [2].

В результате исследования направлений эколого-ориентированного развития предприятий АПК разработана общая стратегия рационального использования ресурсов, позволяющая сократить объемы накапливаемых отходов (рис.1) [1; 2].

Механизм экологизации функционирования предприятия сложен и содержит несколько стадий. На первой стадии экологизации на предприятии проводится анализ применяемых технологий с целью выявления тех, которые приводят к появлению выбросов загрязняющих веществ. На следующей стадии на предприятии происходит замена традиционно используемых технологий аналогичными, которые характеризуются безотходностью или малоотходностью. На третьей стадии формируется цепь взаимосвязанных предприятий, в которой для каждого последующего предприятия основным сырьем являются отходы предыдущего. Одновременно на этой стадии предусматривается формирование рынка отходов и рынка экологически чистой продукции, технологий и оборудования,

Источник: [2] / Source: [2]

Рис. 1. Общая стратегия предприятия в области потребления ресурсов
Figure 1. The overall strategy of the enterprise in the field of resource consumption

обеспечивающих максимально возможное рациональное использование ресурсов [3; 4; 5].

Одним из направлений эколого-ориентированного развития предприятий АПК является внедрение в свою деятельность механизмов эффективного использования отходов. Процесс исследования данного механизма для отдельного предприятия позволил рассмотреть несколько вариантов модели рационального использования ресурсов.

1. *Модель управления ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе использования инструментов инсорсинга.* Эта модель ориентируется на процессы перераспределения производственных мощностей предприятия на выполнение сезонных однократных задач. Например, в сельскохозяйственном предприятии максимально используются производственные мощности в течение нескольких летних месяцев. В зимние месяцы возможно часть производственного оборудования переориентировать на переработку отходов во вторичные ресурсы, так как отходы растительного происхождения могут при процессах дробления и прессования образовывать вторичные ресурсы – топливные брикеты. Отработанные автотракторные масла при фильтрации

и очистке с помощью центрифугирования переходят в категорию вторичных нефтесодержащих ресурсов и могут быть использованы для получения тепловой энергии или при реализации процессов регенерации вторично применяться при эксплуатации техники.

Модель управления ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе использования инструментов инсорсинга может быть описана следующим уравнением:

$$\Theta_{\text{и}} = \sum_{j=1}^m \left(\sum_{i=1}^n Z_{ij} + P_{ij} - \text{И}_{ij} \right) V_{ij} + W, \quad (1)$$

где $\Theta_{\text{и}}$ – экономический эффект от использования инсорсинга; $i=1, \dots, n$ – количество работ, выполняемых на предприятии на условиях инсорсинга; $j=1, \dots, m$ – количество направлений деятельности, выполняемых на предприятии на условиях инсорсинга; Z_{ij} – затраты предприятия на выполнение работ по сдаче отходов на размещение на полигонах и плата за загрязнение окружающей среды; И_{ij} – затраты предприятия на выполнение работ при условии их выполнения с привлечением собственных свободных мощностей; V_{ij} – объем работ предприятия

Таблица 1

Сопоставление затрат при внедрении предлагаемых моделей эколого-ориентированного развития

Table 1. Cost comparison in the implementation of the proposed models of environmental-oriented development

Объем отходов, кг	Суммарные затраты использования модели управления ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе использования инструментов инсорсинга, руб.	Суммарные затраты использования модели управления ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе использования инструментов аутсорсинга, руб.	Абсолютное отклонение, руб.
15 000	11 427,02	7 985,45	-3 441,57
20 000	15 236,02	10 647,26	-4 588,76
25 000	19 150,03	13 309,08	-5 840,95
30 000	23 078,03	15 970,89	-7 107,14
35 000	27 096,04	18 632,71	-8 463,33
40 000	30 685,50	21 294,52	-9 390,98
45 000	34 692,05	23 956,34	-10 735,71
50 000	38 350,06	26 618,15	-11 731,91
55 000	23 633,56	29 279,98	5 646,43
60 000	28 279,84	31 941,78	3 661,94
65 000	30 636,49	34 603,60	3 967,10
70 000	32 993,15	37 265,41	4 272,26
75 000	35 349,80	39 927,23	4 577,43
80 000	42 506,45	42 589,04	82,59
85 000	57 913,11	45 250,86	-12 662,25
90 000	61 319,76	47 912,67	-13 407,09
95 000	64 726,41	50 574,49	-14 151,93
100 000	68 133,07	53 236,30	-14 896,77

Источник: [2] / Source: [2]

возможных выполнению на основе использования собственных свободных мощностей; W – прибыль предприятия от реализации избыточного объема регенерированных масел.

2. *Модель управления ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе использования инструментов аутсорсинга.* Данная модель предполагает привлечение сторонних организаций для сбора и переработки отходов.

$$\Theta_A = \sum_{j=1}^m \left(\sum_{i=1}^n Z_{ij} + P_{ij} - A_{ij} \right) \tilde{V}_{ij}, \quad (2)$$

где Θ_A – экономический эффект от использования аутсорсинга; A_{ij} – затраты предприятия на выполнение работ при условии их передачи на аутсорсинг; \tilde{V}_{ij} – объем работ бизнес-процесса предприятия возможных к передаче на аутсорсинг.

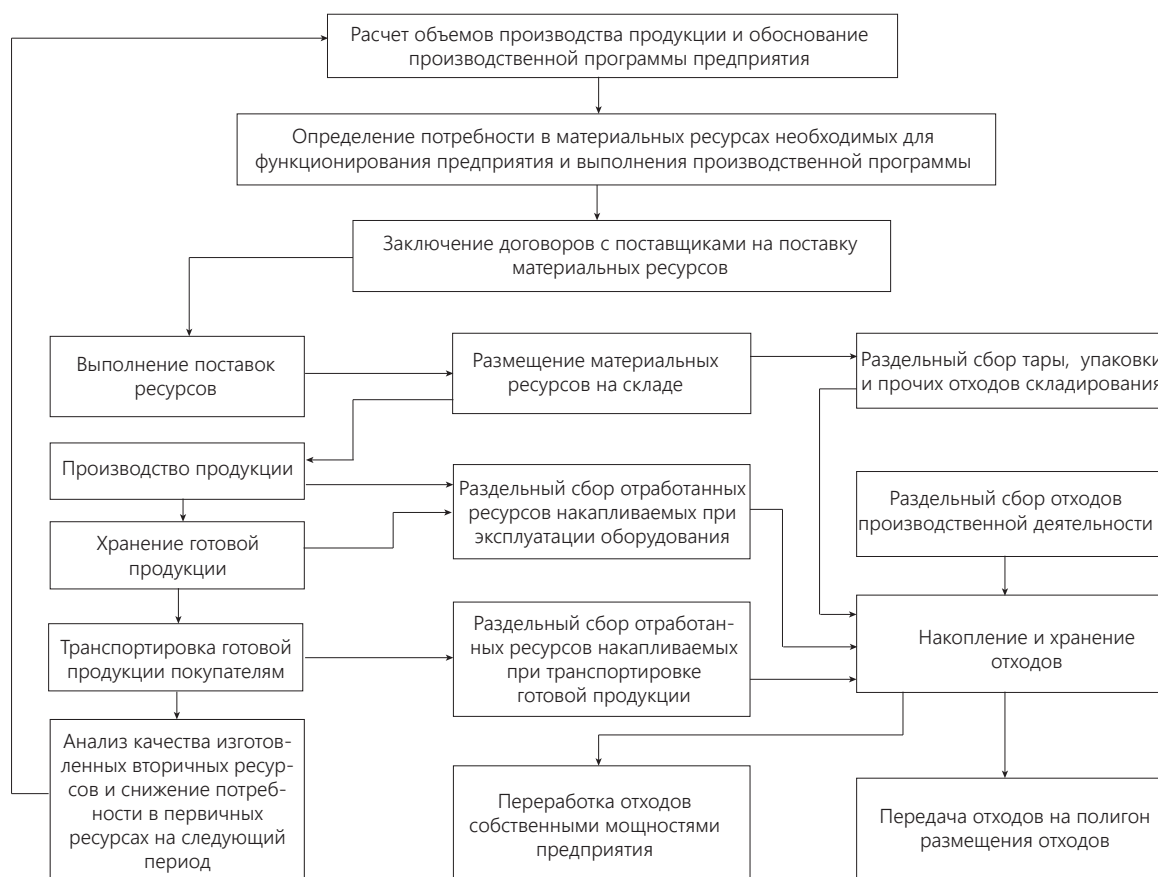
При апробации приведенных моделей на типовом сельскохозяйственном предприятии Ростовской области были определены суммарные затраты по каждой

модели и определен оптимальный объем накапливаемых отработанных масел, при котором целесообразно применение определенной модели. Результаты расчетов представлены в таблице 1.

Отрицательное значение величины экономического эффекта показывает экономическую нецелесообразность использования инструментов модели управления ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе использования инструментов инсорсинга. При объеме отходов, изменяющемся в интервале от 55 000 т и до 80 000 т, применение модели управления ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе использования инструментов инсорсинга экономически оправданно.

На схеме рисунка 2 представлен механизм управления вторичными ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе концепции эколого-ориентированного развития.

Внедрение механизма управления вторичными ресурсами на сельскохозяйственных предприятиях сопровождается следующими препятствиями:

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 2. Механизм управления вторичными ресурсами сельскохозяйственного предприятия на основе концепции эколого-ориентированного развития
Figure 2. The mechanism of management of secondary resources of the agricultural enterprise on the basis of the concept of environment-oriented development

- наблюдается слабое мотивирование деятельности по сбору и переработке отходов;
- фиксируется отсутствие информации о методах и оборудовании для переработки или регенерации отходов;
- сельхозтоваропроизводители не обеспечены льготами и преференциями в случае организации раздельного сбора отходов и их сдачи для размещения на полигонах.

Необходимо отметить, что внедрение механизма управления вторичными ресурсами на сельскохозяйственных предприятиях позволит достигнуть комплексного эффекта, включающего экологический, экономический и социальный эффекты.

В современных условиях развития предприятий АПК и объемов накапливаемых отходов назрела острая необходимость решения проблемы функционирования сельскохозяйственных предприятий в направлении эколого-ориентированного развития. Важным элементом системы обеспечения эколого-ориентированного развития АПК является подготовка управленческих кадров, характеризующихся знаниями в области эколого-ориентированного развития, так как знания, умения и навыки позволят решать проблемы в области безопасности функционирования предприятий. Полигоном для подготовки таких специалистов может стать кафедра управления природопользованием и экологической безопасностью (далее — УпиЭБ) ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (далее — ГУУ) — первого управленческого вуза (в 2019 г. вузу исполняется 100 лет). Данное научно-образовательное подразделение накопило значительный потенциал в области охраны окружающей среды и рационального природопользования, управления рисками и обеспечения техносферной безопасности, так как более 20 лет осуществляет подготовку квалифицированных специалистов в данной сфере [6]. В ГУУ сформирована и развивается научная школа «Управление рисками и обеспечением безопасности социально-экономических и общественно-политических систем и природно-техногенных комплексов» под руководством заслуженного деятеля науки РФ, д.т.н., профессора Я. Д. Вишнякова и, как часть этой школы, — направление «Управление эколого-ориентированным инновационным развитием социо-эколого-экономических систем» под руководством действительного члена РАЕН и РЭА, д.э.н., профессора С.П. Киселевой [1; 2].

В соответствии с этим направлением на кафедре УПиЭБ ГУУ предлагается подготовка магистров для реализации всех видов деятельности

предусмотренных образовательным стандартом в сфере агроэкологического менеджмента. Базисом разработанной образовательной программы «Агроэкологический менеджмент» (направление «Менеджмент») является научно-исследовательская деятельность, практики различной целевой направленности, академические и прикладные дисциплины (модули), в том числе:

- экономика и организация агропромышленной деятельности;
- основы агроэкологии;
- экономика природопользования и ресурсосбережения агропромышленного комплекса;
- агроэкологическое нормирование; оценка воздействия агропромышленного комплекса на окружающую среду;
- экологический и агроэкологический мониторинг; экологический аудит агропромышленной деятельности; стандартизация и сертификация агропромышленной деятельности;
- агроэкологическая оценка земель и оптимизация землепользования; управление отходами и вторичными ресурсами агропромышленного комплекса;
- экологическое управление агропромышленной деятельностью;
- риск-менеджмент агропромышленного комплекса;
- проектный менеджмент агроэкологии; агроэкологические информационно-аналитические системы управления;
- инновационные технологии агроэкологического менеджмента; моделирование агроэкосистем; менеджмент экологических исследований агросистем;
- управление устойчивым развитием агроэкосистем;
- инжиниринг в управлении агропромышленным комплексом;
- агроэкологический консалтинг;
- экологический бизнес в агропромышленном комплексе;
- цифровая экономика агропромышленного комплекса;
- обеспечение агроэкологического благополучия населения.

Возможными местами прохождения практики и дальнейшего трудоустройства для выпускников являются организации различных форм собственности в сфере сельского хозяйства и отраслей промышленности, тесно связанных с сельскохозяйственным производством, выполняющих перевозку, хранение, переработку сельскохозяйственной продукции, поставку ее потребителям, обеспечивающие сельское хозяйство техникой, химикатами и удобрениями, обслуживающих сельскохозяйственное производство, а также другие

организации (их подразделения), такие как Министерство сельского хозяйства РФ и его территориальные органы, Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство) и его территориальные органы, Министерство природных ресурсов и экологии РФ и его территориальные органы, Министерство экономического развития РФ и его территориальные органы, Ростехнадзор и его территориальные органы, Росприроднадзор и его территориальные органы, Государственная Дума РФ (профильные комитеты), Национальная технологическая палата, Торгово-промышленная палата РФ, Российский союз промышленников и предпринимателей, Институт экономики РАН, Институт проблем рынка РАН, занимающиеся вопросами обеспечения экологической безопасности, рационального природопользования и устойчивого развития агропромышленного комплекса.

Ключевыми показателями высокой конкурентоспособности данной образовательной программы в области агроэкологического менеджмента на базе кафедры УПиЭБ ГУУ являются: растущая потребность в кадрах со стороны агропромышленного комплекса вследствие реализации Экологической доктрины РФ и программ импортозамещения, потребности в предоставлении качественного и современного экономико-управленческого образования, учитывающего использование методов цифрового управления. Обучение по данной образовательной программе позволит выпускнику занимать руководящие должности в различных организационно-управленческих структурах отраслевого, муниципального, регионального и территориального уровня управления, а также в коммерческой сфере. Сформированная и подтвержденная на практике научно-методическая и материально-техническая основа по подготовке специалистов в области эколого-ориентированного развития и рационального природопользования обеспечивает получение качественного образования. Так как в процессе предоставления образовательной услуги привлекаются высококвалифицированный преподавательский состав, имеющий многолетний опыт подготовки кадров для сферы управления рисками и обеспечения безопасности социально-экономических систем и природно-техногенных комплексов, экономики природопользования, специалисты-практики из организаций различной отраслевой направленности и сферы бизнеса.

Также одним из достоинств образовательной программы является предоставление возможности стажировки в отечественных и зарубежных

компаниях, занимающихся природопользованием, созданием материальных ценностей с использованием современных высокотехнологических процессов и оборудования. Продолжение образования после окончания магистратуры возможно в аспирантуре и докторантуре, так как данное научное направление присутствует в списке специальностей аспирантуры и докторантуры.

Таким образом, можно заключить, что одной из приоритетных задач в области эколого-ориентированного развития и экологической безопасности агропромышленного комплекса является обеспечение высококвалифицированных специалистов в области устойчивого развития, ресурсосбережения и рационального природопользования. Так как одним из ключевых и важных звеньев национальной безопасности и повышения конкурентоспособности российской продукции является установление требуемого уровня экологической безопасности и рационального природопользования в сфере агропромышленного комплекса.

Библиографический список

1. Киселева, С. П. Теория эколого-ориентированного инновационного развития / Автореферат дис. ... доктора экономических наук / Гос. ун-т упр.. Москва, 2014. 56 с.
2. Маколова, Л. В. Методология эколого-ориентированного использования вторичных ресурсов на предприятиях агропромышленного комплекса / Автореферат дис. ... доктора экономических наук / Гос. ун-т упр.. Москва, 2016. 22 с.
3. Разовский, Ю. В. Закон природной ренты / В сборнике: Научные труды Московского университета имени С. Ю. Витте. Москва, 2015. С. 180–190.
4. Novoselov, A., Novoselova, I., Potravnii, I., Gassii V. Conflicts management in natural resources use and environment protection on the regional level//Journal of Environmental Management and Tourism. 2016. Т. 7. № 3 (15). С. 407–415.
5. Тулупов, А. С. Методологические вопросы оценки ущерба от загрязнения окружающей среды//Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9. С. 133–140.
6. Официальный сайт кафедры УПиЭБ ГУУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecobez.guu.ru> (дата обращения 05.05.2019).

References

1. Kiseleva S. P. Teoriya ekologo-orientirovannogo innovatsionnogo razvitiya / Aftoreferat dis. ... doktora ekonomicheskikh nauk [The theory of ecology-oriented innovation development], Abstract dis. ... Doctors of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, 2014, 56 p.
2. Makolova L. V. Metodologiya ekologo-orientirovannogo ispol'zovaniya vtorichnykh resursov na predpriyatiyakh agropromyshlennogo kompleksa / Avtoreferat dis. ... doktora ekonomicheskikh nauk [The methodology of environmental-oriented use of secondary resources in the enterprises of the agro-industrial complex], Abstract dis. ... Doctors of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, 2016, 22 p.
3. Razovskii Yu. V. Zakon prirodnoi renty / V sbornike: Nauchnye trudy Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte [The law of natural rent, In collection: Scientific works of the Moscow University named after S. Yu. Witte], Moscow, 2015. p. 180–190.
4. Novoselov A., Novoselova I., Potravnii I., Gassii V, Journal of Environmental Management and Tourism, 2016, vol. 7, no. 3 (15), pp. 407–415.
5. Tulupov A. S. Metodologicheskie voprosy otsenki usherba ot zagryazneniya okruzhayushchei sredy [Methodological issues of assessing damage from environmental pollution], Regional'nye problemmy preobrazovaniya ekonomiki [Regional problems of economic transformation], 2014, no. 9, P. 133–140.
6. Ofitsial'nyi sait kafedry UPIEB GUU [Official site of the Department of Environmental Management and Environmental Safety SUM] Available at: <http://ecobez.guu.ru> (accessed 05.05.2019).

Менеджмент организационной культуры в условиях цифровизации предприятий

Грошев Игорь Васильевич¹, Жерегеля Андрей Васильевич², Школьный Дмитрий Владимирович³

¹д-р экон. наук, д-р психол. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,

г. Москва, Российская Федерация, e-mail: aus_tgy@mail.ru

²соискатель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,

г. Москва, Российская Федерация, e-mail: azhereg@yandex.ru

³соискатель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,

г. Москва, Российская Федерация, e-mail: schkold@yandex.ru

Аннотация

Глобальные процессы цифровизации носят трансконтинентальный и трансотраслевой характер. Нет ни одной сферы жизнедеятельности, которая не ощущала бы влияние цифровых институтов. Экономическая деятельность агентов наиболее чувствительна к цифровым новшествам и конъюнктурным сдвигам.

В статье рассмотрен процесс интегрирования цифровых новаций в деятельность крупных зарубежных компаний на основе исследования иностранных источников. Приведены достоинства, преимущества и недостатки данной практики. Отдельно проанализированы последствия непродуманной, несбалансированной политики компаний в контексте следования модным трендам, происходящим в новой цифровой среде. Сделан вывод о необходимости настройки российских компаний, в которых до сих пор доминирует проектное мышление, под современные требования глобального цифрового рынка. Отмечено, что отечественная практика отстает не столько в механизме внедрения современных цифровых практик, сколько в эффективности их использования и качественном росте организационной структуры за счет синергетического эффекта от цифровизации производства и всех смежных процедур и процессов.

Авторы пришли к выводу, что управление современной компанией должно строиться на основе взаимодействия всех заинтересованных сторон, а не за счет доминирования процессов и иерархии, что в свою очередь потребует изменения менеджмента организационной культуры. В центре этого взаимодействия находятся цифровые социальные инструменты, полезные функции которых очевидны, с одной стороны, детерминирующие динамичность взаимодействия (открытость, искренность, человеческое общение), с другой, — расширяя зону информированности участников взаимодействия. При этом отмечено, что использование современных информационных продуктов необходимо в определенном балансе со стандартными офлайн-инструментами работы.

Ключевые слова: менеджмент, организационная культура, предприятие, цифровизация, цифровые инструменты, самоорганизация.

Цитирование: Грошев И.В., Жерегеля А.В., Школьный Д.В. Менеджмент организационной культуры в условиях цифровизации предприятий // Управление. 2019. № 2. С. 33–38.

Management of organizational culture in the conditions of enterprises digitalization

Groshev Igor¹, Zheregelya Andrey², Shkolnyi Dmitriy³

¹Doctor of Economic Sciences, Doctor of Psychological Sciences, State University of Management, Moscow, Russia, e-mail: aus_tgy@mail.ru

²Graduate student, Southwest State University, Moscow region, Russia, e-mail: azhereg@yandex.ru

³Graduate student, Southwest State University, Moscow region, Russia, e-mail: schkold@yandex.ru

Abstract

Global digitalization processes are transcontinental and trans-industry in nature. There is no sphere vital activity, that does not feel the influence of digital institutions. Economic activity of agents is most sensitive to digital innovations and market shifts.

The process of integrating digital innovations into the activities of large foreign companies, based on the study of foreign sources, has been considered. The dignities, advantages and disadvantages of this practice have been adduced. The consequences of the ill-conceived unbalanced policies of companies in the context of following fashion trends, happening in the digital environment, have been analyzed separately. The conclusion about the need to customize Russian companies to the modern requirements of the global digital market has been made. It is noted, that the domestic practice lags behind not so much in the mechanism of implementation of modern digital practices, but in the efficiency of their use and qualitative growth of the organizational structure due to the synergetic effect of digitalization of production and all related procedures and processes.

The authors have concluded, that the management of a modern company should be based on the interaction of all stakeholders, and not due to the dominance of processes and hierarchy, which in turn, will require changes in the management of organizational culture. At the center of this interaction there are digital social tools, the useful functions of which are obvious, on the one hand, determining the dynamics of interaction (openness, sincerity, human communication), on the other - expanding the area of awareness of participants in the interaction. Herewith it has been noted, that the use of modern information products is necessary in a certain balance with standard offline work tools.

Keywords: management, organizational culture, enterprise, digitalization, digital tools, self-organization.

For citation: Groshev I.V., Zheregelya A.V., Shkolnyi D.V. Management of organizational culture in the conditions of enterprises digitalization (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 33–38. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-33-38

Развитие электронного взаимодействия между людьми достигло переломного момента. Это взаимодействие происходит в цифровой среде, оно повсеместно, осуществляется мгновенно и непрерывно, поддается анализу и доступно для поиска. Полезные функции цифровых инструментов намного шире. В книге Б. Солиса «The Conversation Prism» рассматриваются сотни инструментов, способствующих разнообразному каждодневному взаимодействию между людьми: что бы ни потребовалось сделать группе людей, они могут осуществить это онлайн или с помощью приложения [3]. Даже такие простые решения, как корпоративные мессенджеры способны коренным образом изменить характер взаимодействия на рабочем месте и сам рабочий процесс при минимальных инвестициях. Имея под рукой систему моментальной видеосвязи, в западных компаниях уже никого не удивляет, что при проведении конференц-связи принимают дистанционное участие сотрудники, одетые в пижаму, с пляжа на отдыхе или из бара. Все, что было элементом комической ситуации в фильмах раньше, стало частью обыденных коммуникаций современных компаний. Для коммуникации теперь не требуется быть в одной комнате или даже в одном здании. Очные встречи по-прежнему важны для налаживания партнерских отношений, но они всего лишь часть целого комплекса используемых инструментов.

В российских компаниях все еще развито проектное мышление, основанное на ценности личного непосредственного присутствия, что называется быть на месте «по звонку». Убеждение, что при реализации проектов участники обязаны находиться в одном месте и использовать проектный офис, пока еще сильно «сидит» в управленческом мышлении. Однако сегодня естественный ритм коммуникаций в проекте едва ли замедляется, даже когда члены команды находятся в разных часовых поясах. Безусловно, использовать современные информационные продукты необходимо в определенном балансе со стандартными офлайн-инструментами работы. Поскольку есть высокий риск расфокусировки командных установок и целей.

Так, старший партнер компании Boston Consulting Group (BCG) И. Морье в своей статье «Smart rules: six ways to get people to solve problems without you» («Разумные правила: шесть способов заставить людей решать проблемы без вашего участия») рассказывает о разработанном в организации так называемом показателе сложности. Автор отмечает, что в компаниях США и стран Европы организационные процессы отрицательно влияют на производительность предприятий, а не повышают ее. Фактически

в 20 % наиболее сложных организаций менеджеры посвящают 40 % своего времени подготовке отчетов и 60 % – координации совещаний. На работу с командами и заказчиками у них почти не остается времени. Это связано с тем, что за последние 15 лет в каждой из этих компаний в среднем в 3,5 раза увеличилось число организационных процедур, вертикальных уровней, специальных структур, предназначенных для обеспечения взаимодействия сторон, координационных органов, а также случаев, когда для принятия решений необходимо одобрение высшего руководства [6].

Данный показатель упоминается также в книге директора компании futurethink Л. Боделл «Kill the company: end the status-quo» («Убить компанию: конец статус-кво»). Автор рассказывает о своем опыте общения с предприятиями, которые так увлеклись собственными процедурами, что позволили организационным процессам сформировать их корпоративную культуру, эффективную и подконтрольную, но в то же время лишенную гибкости. В такой культуре не поощрялось творческое мышление. Процессы и процедуры, используемые для повышения эффективности и производительности, не способствовали обдумыванию того, что привело к застою в бизнесе. Компании застыли в развитии, в то время как клиенты, которых они обслуживали, продолжали изменяться [2].

Повышенное внимание к организационным процессам в итоге привело к появлению компьютерных систем для осуществления взаимодействия с заказчиками. В интересах повышения эффективности компании разработали системы организации взаимоотношений с клиентами (Customer Relationship Management, CRM). Однако взаимодействие с заказчиками нельзя смоделировать на основе графика последовательности операций по их обслуживанию: процесс оказания услуг предполагает слишком много взаимосвязей, решений и ожиданий.

Дж. Кобер, автор книги «Wonderful World of Customer Service at Disney» («Прекрасный мир обслуживания клиентов в компании Disney»), описывает проблему, которая возникает при попытке построить организационный процесс для обеспечения такого же легендарного уровня оказания услуг, как в данной компании. В этом случае «лидеры обычно склонны к тому, чтобы выявить и опробовать всевозможные способы поведения, которые их сотрудники должны демонстрировать при работе с клиентами. Данный подход ошибочен, и тому есть две важные причины. Во-первых, действия сотрудников воспринимаются как выученные заранее, неискренние. Во-вторых, невозможно определить абсолютно все

возможные способы поведения отдельных лиц в непредвиденных обстоятельствах в будущем» [5, с. 117]. Автор отвергает подход, при котором главная роль отводится процессам, так как в этом случае клиенты (посетители) не получают того, чего они ожидали от одного из самых любимых брендов в мире: открытости, искренности, человеческого взаимодействия.

Сами клиенты и потребители начали уставать от все возрастающего числа транзакционных взаимодействий. Компании по инерции продолжали следить за тем, чтобы процессы завершались и показатели были хорошими. Когда клиенты начали уходить, демонстрируя тем самым свое отношение к происходящему, компании внимательно посмотрели на собственные системы и признали, что они строили их исключительно исходя из собственных интересов. Эту проблему сформулировал Л. Герстнер, возглавлявший компанию IBM с 1993 г. по 2002 г. В книге Г. Рейнгольда “Smart Mobs” («Умная толпа») приводятся слова Л. Герстнера, обращенные к бизнес-лидерам, о необходимости сосредоточиться не на транзакциях, а на взаимодействии. Известно высказывание Л. Герстнера о том, что технологии — это легкая часть работы, однако более важным является то, что «... сложная часть представляет собой... разработку новых концепций для моделей управления» [7, с. 17].

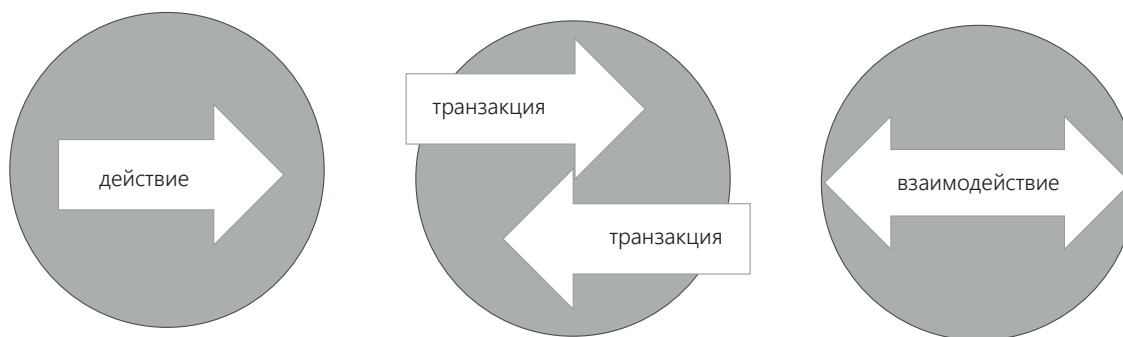
На заключение Л. Герстнера о том, что следует отказаться от транзакций, можно посмотреть с точки зрения информатики. Информатика в числе прочего занимается вопросами поиска и распространения организационной информации, а также связанными с этим способами взаимодействия людей. В статье У. Ф. Иди из Университета Пердью (Индиана) 1973 г., основанной на работе философа и психолога Дж. Дьюи и политолога А. Бентли, выделяются три формы коммуникации: действие, транзакция и взаимодействие (рис. 1) [4]. Рассмотрим их более подробно.

Коммуникация в форме действия описывается как акт, в который вовлечены независимые действующие лица. Иногда он заключается в том, что одна сторона просто делает что-то другой, и тогда это напоминает ситуацию, когда раздраженный родитель говорит своему ребенку: «Потому, что я так сказал». Конечно, это не похоже на стратегию коммуникаций, укрепляющую отношения или способствующую добровольному сотрудничеству группы людей в течение хоть какого-то времени.

Коммуникация в форме транзакций характеризуется в работе У. Ф. Иди как функциональная. На одних этапах она имеет вид активных запросов, на других не используется. В долгосрочной перспективе такой нерегулярный коммуникационный обмен является достаточным для того, чтобы поддерживать отношения с большей частью отдельных лиц. Слово «достаточный» здесь означает «необходимый минимум». Транзакции описывают неглубокие, имеющие ряд ограничений отношения компаний с их клиентами, а также с персоналом.

С точки зрения информатики, взаимодействие подразумевает обоюдную коммуникацию, включая проявления эмпатии. Цель взаимодействия — объединение с другими людьми, при этом ожидания, прогнозы и поведение участников определяются не индивидуальными, а совместными потребностями.

Клиенты устали играть функциональную роль в транзакциях и неожиданным образом получили инструменты, позволяющие влиять на взаимодействие с компаниями. Они пишут сообщения в Twitter, размещают обзоры и посты в социальных сетях. Рекламную кампанию телевизора стоимостью в тысячу долларов, на которую были потрачены миллионы, может поставить под угрозу всего один покупатель, указавший в своем обзоре на то, что слотов HDMI недостаточно.

Источник: [4] / Source: [4]

Рис. 1. Формы коммуникации: действие, транзакция, взаимодействие
Figure 1. Forms of communication: action, transaction, interaction

Соотношение сил изменилось навсегда. Клиенты получили доступ к такому же объему информации, что и корпорации, и такое же право голоса. При наличии онлайн-обзоров и сайтов для сравнительного анализа цен перед компаниями встала задача найти новый способ конкуренции: основанный не на ценах, продуктах и маркетинговых бюджетах, а на более глубоких, эмпатических отношениях с клиентами.

Компаниям пришлось признать, что транзакции следует заменить на взаимодействие, однако изменений также потребовали бизнес-процессы: ими необходимо было управлять, развивать и улучшать их, а также устранять проблемы, если они в них возникали.

На первый план вышло принятие решений. В рамках организаций соответствующий подход предполагает, что необходимо наблюдать за процессами и контролировать их. В самом простом случае принятие решений можно описать как процесс, включающий определение проблемы, составление списка возможных решений, выбор оптимального и его реализацию. При более близком рассмотрении можно заключить, что все это предполагает ряд взаимодействий. Решения требуют сбора информации о рассматриваемом вопросе, анализа, обсуждения и обдумывания перед вынесением окончательного заключения и реализацией.

Существует много компаний, бизнес которых основан на самоорганизации. В качестве примера можно привести бразильский конгломерат производственных компаний Semco. Корпорация производит более 2 000 товаров, включая посудомоечные машины, морские насосы и предметы смешительного оборудования. Ее работа базируется на деятельности самоуправляемых команд. Глава компании Semco Р. Семлер хотел разделить функции принятия решений с сотрудниками, выполняющими работу, и связать этих сотрудников с клиентами. Наемные работники компании, или ее партнеры, принимают как тактические, так и стратегические решения, включая связанные, например, с продуктом или месторасположением нового завода. В организации нет секретарей на ресепшен и личных помощников руководителей, сотрудники сами договариваются о встречах и готовят собственную корреспонденцию. Кроме того, в компании очень мало правил. Персонал сам устанавливает свои часы работы и вознаграждение. Руководство для сотрудников компании представляет собой брошюру объемом 12 страниц с рисунками и кратким изложением основных тезисов [9].

В книге “Maverick: the Success Story behind the World’s Most Unusual Workplace” («Маверик: история успеха самой необычной компании в мире») Р. Семлер

говорит о том, что правила и предписания только отвлекают внимание сотрудников от целей компании, дают руководителям ложное ощущение безопасности и добавляют работы бухгалтерам. Возможно, компаниям нужно меньше правил и больше естественного взаимодействия между людьми, чем многие думают. Выручка компании Semco в год составляет 200 млн долл. США, численность ее сотрудников — около 3 000 человек, корпорацию посетили представители по меньшей мере 150 компаний, входящих в рейтинг Fortune 500, чтобы попытаться понять секрет ее успеха. Р. Семлер говорил: «Меня часто спрашивают, как вы контролируете систему, подобную этой? Я отвечаю, что я ее не контролирую. Я позволяю ей работать самой на себя» [9, с. 67].

В настоящее время отдельные лица играют сразу несколько ролей в принятии организационных решений. Ситуацию, при которой в этом процессе для каждой стороны отводится только какая-то одна роль, можно сравнить с подходом к выделению типов отношений между пользователями, который был изначально характерен для некоторых социальных платформ.

П. Адамс, менеджер по продукту соцсети Facebook, ранее занимавшийся социальными исследованиями в Google, пришел к выводу о бесполезности единственной стандартной категории «Друзья» в соцсетях [1]. Отношения человека разнообразны: он общается с членами семьи, коллегами, близкими друзьями. Кроме того, они формируются на разных жизненных этапах (например, во время учебы в университете), на основе хобби (между членами футбольной команды, людьми, увлекающимися дайвингом, и т. п.), а также вследствие того, что люди живут рядом (между соседями). В рамках исследования П. Адамс сформировал общий список из более чем трехсот групп, 85 % из которых не содержат в своих названиях слово «друг».

Аналогичный вывод справедлив и для отношений на рабочем месте. В принятие решений в современных гибких компаниях неожиданным образом вовлекается очень много участников. На смену управлению по принципу «сверху вниз» приходит всеобщее динамичное взаимодействие, предполагающее информирование всех его участников. В центре этого взаимодействия находятся цифровые социальные инструменты, которые и делают его слаженным. Сегодня круг лиц, которых касается принятие решений в компании, выходит за ее искусственно созданные физические пределы и включает клиентов (в том числе потенциальных) посредством соцсетей и сотни связанных с ними инструментов. Социальные инструменты являются отчасти причиной, отчасти следствием того, что

принятие решений с участием широкого круга лиц становится обычным явлением [8].

В настоящее время происходит разрушение иерархических структур, причем не только в прогрессивных компаниях. Д. Бакке, бывший президент международной энергетической компании AES

утверждает, что «... философия избегания иерархических уровней основана на тезисе о том, что чем больше руководителей находится над вами, тем более вероятно, что вы не будете сами принимать решения» [10, с. 117].

Библиографический список

1. Adams, P. Grouped. How small groups of friends are key to influence on the social web. Berkeley, CA: New Riders, 2011. 321 p.
2. Bodell, L. Kill the company: End the status quo, start an innovation revolution. Brookline, MA: Biblbmotion, 2012. 298 p.
3. Conversation prism 5.0. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://conversationprism.com> (дата обращения 02.05.2019).
4. Eadie, W. F. Action, interaction and transaction: Three means of viewing the communications world. West Lafayette, IN: Purdue University, 1973. 374 p.
5. Kober, J. Disney service basics [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.mouseplanet.com/6978/Disney_Service_Basics (дата обращения 05.05.2019).
6. Morieux, Y. Smart rules: six ways to get people to solve problems without you//Harvard Business Review. 2011. No. 89 (9). P. 78–86.
7. Rheingold, J. H. Smart Mobs. New York: Basic Books, 2002. 196 p.
8. Roberts, D. The digital social workplace, people over process//PM World Journal. 2018. Vol. VII. Issue VII. July. P. 57–69.
9. Semler, R. Maverick: the Success Story behind the World's Most Unusual Workplace. New York: Random House, 1999. 258 p.
10. Westlaufer, S. Organizing for empowerment: an interview with AES's Roger Sant and Dennis Bakke//Harvard Business Review. 1999. I. 77 (1). P. 110–123.

References

1. Adams P. Grouped. How small groups of friends are key to influence on the social web. Berkeley, CA: New Riders, 2011, 321 p.
2. Bodell L. Kill the company: End the status quo, start an innovation revolution. Brookline, MA: Biblbmotion, 2012, 298 p.
3. Conversation prism 5.0. Available at: <https://conversationprism.com> (accessed 02.05.2019).
4. Eadie W. F. Action, interaction and transaction: Three means of viewing the communications world. West Lafayette, IN: Purdue University, 1973, 374 p.
5. Kober J. Disney Service Basics. Available at: https://www.mouseplanet.com/6978/Disney_Service_Basics (accessed 05.05.2019).
6. Morieux Y. Smart rules: six ways to get people to solve problems without you, Harvard Business Review, 2011, no. 89 (9), pp. 78–86.
7. Rheingold J. H. Smart Mobs. New York: Basic Books, 2002, 196 p.
8. Roberts D. The digital social workplace, people over process, PM World Journal, 2018, vol. VII, issue VII, July, pp. 57–69.
9. Semler R. Maverick: The success story behind the world's most unusual workplace. New York: Random House, 1999, 258 p.
10. Westlaufer S. Organizing for empowerment: an interview with AES's Roger Sant and Dennis Bakke, Harvard Business Review, 1999, no. 77 (1), pp. 110–123.

Конкурентные стратегии интернационализации, поиска и создания рынков

Михайлов Олег Викторович

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация, e-mail: Dr.Mick2010@yandex.ru

Аннотация

Актуальность, содержание и преимущества стратегий интернационализации бизнеса, выявления или создания новых рынков остаются зачастую недооцененными или игнорируемыми многими субъектами мировой экономики. При формировании стратегий и конкурентных преимуществ упускаются проблемы и обширные потенциальные возможности мирового рынка и конкуренции для ускоренного и опережающего саморазвития субъектов хозяйствования. Увеличивается разрыв между традиционными подходами к стратегиям и реальными потребностями мира, временным преимуществом и устойчивой конкурентоспособностью, конкурентными лидерами и большинством субъектов мировой и национальной экономики. Существующие барьеры для интернационализации бизнеса обусловлены главным образом традиционными ментально-целевыми установками субъектов. Рассматриваемые стратегии связаны с обеспечением лидирования на мировых рынках, что означает большее, чем максимальная доля рынка или количественное ее изменение.

Современное лидирование в мировом масштабе включает превосходство в инновационной способности, уникальных технологиях, ключевых компетенциях, задании перспективных направлений прогресса, установлении новых стандартов и правил игры для конкурентов. Психологическое лидерство часто предшествует рыночному лидерству, является его причиной и основой. Чемпионов мирового рынка выделяет психологическое превосходство и интеллектуальное лидерство, подразумевающее и желание определять тенденции на рынке, а не только следовать им. Скрытые чемпионы стали лидерами, поскольку предлагали миру свои лучшие и непрерывно совершенствуемые продукты/услуги клиентам, где бы они не находились. Комбинация специализации (по продукту, «ноу-хау») и глобального расширения рынка/ниши имеет разнообразные преимущества, включая экономии на масштабах, кривой обучения, даже временную монополизацию рыночной ниши.

Стратегию выявления и создания новых рынков и рыночных ниш могут формировать и осваивать не только крупные компании, но средние и малые предприятия, обладающие особой изобретательностью, инициативностью, гибкостью, творчеством в поиске и создании новых рынков/ниш. Транснациональное расширение бизнеса может вызываться различными мотивами, но его следует начинать как можно раньше и осуществлять по возможности быстрее. Лидеры мировой экономики создают продукты, по возможности, более отличительные, не приемлют определения и границы рынка, заданные их конкурентами, а вместо этого сами определяют свой рынок.

Ключевые слова: интернационализация бизнеса, фокусированное расширение, глубина ассортимента, суперниши, скрытые чемпионы, психологическое лидерство, конкурентный потенциал.

Цитирование: Михайлов О.В. Конкурентные стратегии интернационализации, поиска и создания рынков// Управление. 2019. № 2. С. 39–47.

Competitive strategies of internationalization, searching and creating markets

Mikhailov Oleg

Doctor of Economic Sciences, State University of Management,
Moscow, Russia, e-mail: Dr.Mick2010@yandex.ru

Abstract

Actuality, content and advantages of strategies of the business internationalization, detecting and creating new markets are often remaining underestimating and ignoring of many subjects of the world economy. During formation of strategies and competitive advantages are missed the problems and possibilities of the world market and competition for the accelerated and outstripped self-developing of the business subjects. The gap is increased between traditional approaches to the strategies and real needs of the world, between temporary advantages and stable competitiveness, between competitive leaders and majority subjects of the world and national economies. The existing barriers for business internationalization are determined mainly by the traditional mental-goal oriented arrangements. Considering strategies are connected with ensure of the leadership on the world markets, that means more than the largest market share or quantitative its changes.

The modern leadership in the world includes the superiority in innovation ability unique technologies, key competencies, setting up perspective directions of progress, new standards and game rules for the competitors. The psychological leadership often precedes the market leadership, it is its cause and foundation. The world market champions are highlighted by psychology superiority and intellectual leadership, implying desire to appoint the tendencies on the market not only go after them. The hidden champions became leaders, because they offered entire world their best and incessant improved products/services to all world clients. The combination of specialization (concerning products and know-how) and global broadening of the market/niche has diversity advantages, including of economies on scale, experience curve and temporal monopolization of the market niche.

The strategy of revealing and creating new markets and market niches can form and create not only big companies, but middle and small enterprises, having unusually initiatives, invention initiatives, creation capabilities in finding and creating the new markets/niches. Transnational expanding the business can be calling out by the different motives, but it should start as early as possible and realise as quickly as possible. The leaders of the world economy create their products, possibly more distinctive and not accept epy definition and the boundaries of the market, given by their competitors, instead, they determine their market themselves.

Keywords: business internationalization, focus expansion, depth assortment, superniche, hidden champions, psychological leadership, competitive potential.

For citation: Mikhailov O.V. Competitive strategies of internationalization, searching and creating markets (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 39–47. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-39-47

Актуальность, содержание и преимущества стратегий интернационализации (включая экспортную экспансию, транснационализацию, глобальное расширение) бизнеса, выявления или создания новых рынков/ниш остаются зачастую недооцененными или игнорируемыми большинством субъектов мировой экономики. Традиционные стратегии и конкурентные преимущества почти не меняются содержательно и практически; упускаются обширные возможности мирового рынка для ускоренного и опережающего саморазвития субъектов хозяйствования. Так, увеличивается разрыв между традиционными подходами к стратегиям/инновациям и реальными потребностями мира; между временными преимуществами и устойчивой конкурентоспособностью, между конкурентными лидерами и большинством субъектов мировой экономики [1]. Для характеристики рынка, где конкурентное преимущество компании в ходе соперничества с другими видами бизнеса быстро сходит на нет, Й. и Р. Давени предложили термин «гиперконкуренция» [2]. М. Буасо, изучив наукоемкие отрасли, пришел к выводу, что наиболее выгодный момент и эволюция преимуществ являются также самыми уязвимыми [3]. Углубление и уточнение содержания рассматриваемых стратегий интернационализации бизнеса, выявления новых возможностей поиска и создания рынков и ниш являются полезными направлениями и навыками, которые можно усиливать и системно развивать [4].

Рассматриваемые стратегии связаны с обеспечением лидирования и первенства на мировых рынках. Современное лидирование в мировом масштабе означает большее, чем максимальная доля рынка или количественное ее изменение. Такое лидерство включает превосходство в инновационной способности, уникальных технологиях, ключевых компетенциях, задание перспективных направлений прогресса, установление новых стандартов и правил игры для других конкурентов. В качестве лидеров мировой экономики изучаются преимущественно крупные корпорации и упускаются возможности «скрытых чемпионов» (скрывающих свои преимущества, далее — скрытые чемпионы) среди малых и средних фирм, фокусирующихся на узких рынках/нишах. В целевом стремлении стать мировым лидером скрытые чемпионы предельно сосредоточены, настойчивы и упрямы. Они становятся рыночными лидерами скорее в долгосрочном, чем в краткосрочном периоде; остаются ведущими на мировом рынке более 10–25 лет. Желание получать большую краткосрочную прибыль, типичное для многих крупных

компаний, сделало бы многие стратегии и цели скрытых чемпионов нереализуемыми.

Существующие барьеры для интернационализации бизнеса обусловлены главным образом традиционной ментально-целевой установкой субъектов. Скрытых чемпионов мирового рынка выделяет психологическое превосходство или интеллектуальное лидерство, которое может служить образцом для многих фирм. Хамел и Прахалад считают интеллектуальное лидерство первой из трех стадий предстоящей конкурентной борьбы. Психологическое лидерство включает притязание на лидерство, волю к реализации господствующего влияния на рынке; так образуется комбинация духовного лидерства и первенства в его реализации. Психологическое лидерство претендует на установку отраслевых стандартов, креативное определение и модификацию правил игры. Такое лидерство основывается и на преобладающей компетенции, и на желании определять тенденции на рынке, а не следовать им. Психологическое лидерство часто предшествует рыночному лидерству, является его причиной и основой. Успешные скрытые чемпионы почти всегда были психологическими лидерами. Это активные, агрессивные и оптимистично настроенные предприятия.

Лидеры рынка обычно превосходят конкурентов. Результаты проекта PIMS (Profit impact of marketing strategy) подтверждают, что большая доля продаж на рынке (по ранжированию, абсолютной или относительной доли рынка) ведет к повышению показателя ROI (return on investment). Исследования Г. Саймона установили, что изменение доли продаж статистически коррелирует с ROI; а достижение позиции на рынке обходится дешевле, чем ее удержание (вопреки преобладающему мнению) [5]. Например, выигравшие увеличивали свою рыночную долю на 8%, проигравшие — теряли 10%. Лидеры рынка обычно создают преимущества как в издержках (эффект экономии на масштабе или кривой обучения), так и в маркетинге. Обладание лидерством на рынке сигнализирует клиентам о доверии и надежности компании. Увеличение рыночной доли — следствие лучших достижений в инновациях, технологиях, качестве, других компонентов международной конкурентоспособности.

Лидерами рынка становятся прежде всего потому что к этому стремятся, ставят честолюбивые цели, проявляют волю к достижению позиции № 1. Для большинства скрытых чемпионов цель стать лидером на рынке является началом и основой успеха. Высокое положение на рынке не достигается без четкой цели, особого долгосрочного видения, предельной решимости и стремлении на протяжении

многих лет преследовать эту цель. Например, цель Winterhalter Gastronom амбициозна — абсолютное лидерство на точно определенном рынке (в Европе и Азии), а цель Dragewerk AG — всегда стремиться занять высшие позиции и целеустремленно оставаться впереди на основе технологического и рыночного лидерства. Вот выборочный перечень других целей скрытых чемпионов, выявленных в интервью Г. Саймона: идентичность фирмы определяется ведущими позициями на мировом рынке; стать международным лидером рынка в избранных областях и добиваться этого путем непрерывных усилий для получения высших достижений; стать лучшими в мире на своем рынке; завоевать мировое лидерство в технологиях и в прибыльных нишах рынка, отстаивать ведущие позиции на специфическом рынке [5].

Такая высота, ясность, решительность целей не оставляют места неопределенности и сомнениям. Лидеры осознали значение высоких целей и особого видения, но конкурентное, стратегическое поведение является определяющим. Руководители скрытых чемпионов учли философию Ортеги-и-Гассета, определявшего людей как суть, которая существует не через то, что они есть, а через то, чем они должны быть: так можно стратегически контролировать настоящее через будущее. Недаром предпринимательский принцип Winterhalter Gastronom — посвящать будущему значительную часть своего времени. Такая стратегия в развитии, описанная Минцбергом и Уотерсом, широко распространена среди скрытых чемпионов, включая Kurt Held, который: постоянно ищет новые области применения своей технологии и задает фирме все новые направления действий [5].

Скрытые чемпионы стали лидерами на мировом рынке, поскольку предлагали миру свои лучшие и непрерывно совершенствуемые продукты/услуги клиентам, где бы они не находились. Многие из них становятся глобальными конкурентами: доля экспорта скрытых чемпионов в среднем составляет 51,2 % (с учетом косвенного экспорта — через готовые продукты других фирм — возрастает до 70 %), достигая и 95 %. Их основные целевые рынки за пределами Европы — США и новые индустриальные страны Азии. Фирмы с такой высокой долей экспорта нуждаются в сильной интернациональной установке, поскольку основная часть клиентов находится за границей; а региональные рынки выходят за пределы одной страны. Скрытые чемпионы рассматривают весь мир как единый рынок и многие из них имеют глобальную сеть филиалов. По мнению Ф. Ло, исполнительного

директора глобально действующей Rittal, это придает силы для задания глобальных стандартов в своем деле. Присутствовать повсюду в мире — везде, где в этом нуждаются клиенты — считается обязанностью Dragoco; а Hillebrand — быть ближе к клиентам, где бы они ни были. Все это — неотъемлемая часть интернациональной философии лидирования многих скрытых чемпионов.

В то время как многие фирмы лишь заявляют о глобализации, скрытые чемпионы уже действуют глобально, не ограничиваясь лишь продажей и маркетингом. Сильные позиции немецкой экономики в экспорте (лидирующей по экспорту на душу населения среди развитых стран) в значительной мере определяются инициативами малых и средних фирм. Поставки 500 их скрытых чемпионов составляют около 12 % совокупного немецкого экспорта. Neumann-Gruppe, DGF-Stoess стремятся создать и глобальную сеть продаж, и глобальную сырьевую базу. Мировые лидеры открывают заграничные филиалы: фирмы США — до 97 % (из них около 50 % — по сбыту и обслуживанию, остальные — производственные); Франции — до 77 % (около 43 % и 34 % соответственно); Англии (69 % и 52 %), Италии и Швейцарии — около 50 %, Японии 46 % (29 % и 17 %) и т. д.; 97,4 % скрытых чемпионов открыли филиалы в США, Англии и Франции; даже в Японии (самым трудным из зарубежных рынков) почти половина первых представлена своим офисом или фирмой. В среднем на одного скрытого чемпиона приходится 9,6 зарубежных филиала — высокий показатель для малых и средних предприятий [5]. Скрытые чемпионы предпочитают прямой доступ к зарубежным рынкам и клиентам; охватывая почти весь мир (Bruckner); Braehler International Congress Service действует в 60 странах.

Комбинация специализации (по продукту, «ноу-хау») и глобального охвата рынка имеет важные разнообразные преимущества. Так малые ниши рынка могут стать значительно большими, если распространять их по всему миру; глобальное расширение рынка увеличивает преимущества экономики на масштабах и кривой обучения. Руководитель Winterhalter Gastronom М. Бобек считает, что легче приспособить их системы к потребностям отелей в других странах, поскольку эти потребности везде одинаковы, но труднее приспособлять эти системы к потребностям других групп клиентов с совсем иными потребностями: например, отели Азии и Европы имеют больше общего между собой, чем больницы и отели Германии. Поэтому целесообразно специализироваться на узком поле продукта и компетенции с интернациональным расширением

своих преимуществ для увеличения потенциала рынка и собственной конкурентоспособности.

Процесс интернационализации скрытых чемпионов развивался и расширялся в последние десятилетия, но не по известным идеально-типичным схемам или теоретическим шаблонам. Лидеры начали экспортировать рано, стремясь всегда быть первым на рынке (*Prominent* и др.) и открывая новые возможности зарубежных рынков. Многие из чемпионов не действуют в так называемых глобальных отраслях, включая производство компьютеров, мобильных телефонов и пр. Первые часто оперируют на фрагментированных рынках, с преодолением национальных барьеров. *Karcher* начала с четырех зарубежных филиалов, увеличивая их на 11–12 в каждое последующее десятилетие. Многие из скрытых чемпионов осваивают и крупные развивающиеся рынки, включая Бразилию и Индию; государства Центральной и Восточной Европы (*Wurth*, *Boader* и др.), утверждая в этих регионах свои доминирующие позиции [5]. Скрытая борьба за первенство (*Deutsche Messe AG/Hannover Fairs* и др.), сосредоточена и на развивающихся рынках Азии, особенно в Китае, ставшим главным целевым рынком многих скрытых чемпионов.

Движущие силы интернационализации бизнеса — это главным образом факторы большей экономической целесообразности и предпринимательской воли. Вхождение на рынок готовится и реализуется тщательно и методично; и должен систематично, конкурентно и стратегически планироваться. Критический аспект при вхождении на зарубежный рынок — поиск нужных людей; мультипликационный эффект перехода от страны к стране значительно зависит от ключевых подготовленных работников. После накопления необходимого опыта, процесс интернационализации может ускоряться и расширяться. В этом процессе могут возникать проблемы и значительные риски, особенно на трудноосваиваемых рынках Японии и США. Ведение бизнеса во многих странах и содержание зарубежных филиалов могут усложнять структуру предприятия. Рынки развивающихся стран, различающиеся в культурном отношении, содержат более высокие риски (нестабильная политическая ситуация, гражданская война, неспособность выполнять обязательства, невозможность оплатить долги). Серьезные риски возникают и при ускорении зарубежной экспансии, появлении «узких мест» в управлении и случайных неудач. Для ограничения рисков в международной конкуренции, скрытые чемпионы применяют специфические стратегии. Некоторые избегают регионов с сильными местными конкурентами; например, не действуя

на рынке США или ограничивая там масштабы бизнеса при сохранении высокой активности на других рынках (*JK Ergoline* и *Claas*). Другие используют барьеры к вхождению конкурентов на рынок, например, блокируя каналы сбыта или применяя технологические различия. Применяется и агрессивное проникновение на внутренний рынок сильного конкурента для ослабления его там или удержания в состоянии напряжения. Среди факторов неудач фирм (например, на японском рынке): недостаточное изучение рынка или инвестиции проникновения на рынок; запоздалое вхождение на него; краткосрочная ориентация; недостаточная гибкость; внедрение не того продукта или технологии; недостаточное знание местного потребителя и непонимание конкурентов; неквалифицированный менеджмент на местах; недостаток профессионализма; неправильное позиционирование; высокие цены.

К. Омаэ рекомендует глобальным фирмам присутствовать в каждом экономическом центре индустриального мира: в США, Европе и Японии/Азии [6]. Некоторые аналитики и фирмы различают «прибыльные рынки» и «обучающие рынки». На первом фирмы продают достаточно для получения прибыли. На втором рынке присутствуют в основном для сбора информации о мировой конкуренции, характере инновационного развития и др., изначально соглашаясь с меньшей прибылью и даже потерями. Глобальное конкурентное требует инициативного зарубежного присутствия и опережающего самосовершенствования. Например, чем лучше компания, тем она успешнее действует в Японии. Факторы успеха для этого рынка: тщательное изучение рынка и раннее вхождение на него; упорство и терпение; уникальность продукта и его оригинальная дистрибуция; особый имидж/позиционирование; лучшая поддержка продукта/сервиса и рекламы/коммуникаций; креативный менеджмент и личные связи.

Поскольку даже хорошие продукты требуют эффективной эксплуатации, обслуживания, иногда ремонта, скрытые чемпионы расширяют и совершенствуют сервис на любом рынке мира. Например, сеть обслуживания *Hidelberger Druckmaschen* в Японии столь же всеобъемлюща и высококачественна, что и на внутреннем рынке Германии. *Weining* даже ближе к своим японским клиентам, чем в Германии. Все японские сервисные инженеры проходят подготовку в Германии (длительностью до года), а затем ежегодную переподготовку. Секрет менеджеров по продажам в Японии — предложение качества немецких продуктов и японского сервиса; в результате продажи *Weining* в Японии превосходят продажи в Германии. Постоянные контакты с материнской

компанией Trumpf гарантируют, что каждый техник по сервису из Японии всегда находится на уровне передовых требований и информации. Braun продает в Японии электробритв вдвое больше, чем в Германии, несмотря на жесткую конкуренцию от японских фирм, включая Matsushita [5]. Так, имидж и обязательность Braun, ее дизайн и преимущества бренда приносят успехи даже в «логове льва».

Для преуспевания на внешнем рынке, особенно на таком требовательном как японский, нужно использование всего конкурентного потенциала компании. Скрытые чемпионы обязуются инвестировать в капитальные активы и людей для демонстрации серьезности намерений и решимости остаться. Так, с приходом на японский рынок, первоначальные вложения BMW кратно превышали суммы, необходимые для операций начального периода. Такие высокие первоначальные вложения сигнализируют местным клиентам, поставщикам, банкам, общественности и собственному персоналу, насколько серьезно иностранные компании подходят к японскому рынку; иначе японские конкуренты смогут воспользоваться отсутствием заявленной приверженности таких компаний местному рынку. В результате, продажи BMW в Японии в 10 раз превзошли продажи начала 1980-х гг. Частая смена персонала, характерная для заграничных филиалов традиционных ТНК, редка для скрытых чемпионов. Особая приверженность, готовность к упорной и продолжительной работе за рубежом — основа успеха чемпионов.

Рассматриваемые стратегии, глобальные успехи и опыт скрытых чемпионов содержат следующие важные для любых фирм особенности:

- узкая специализация по продукту, технологии или клиентуре связана с глобальным освоением рынка/суперниши. Эта стратегия учитывает, что клиенты одной отрасли имеют большую схожесть за пределами национальных границ, чем клиенты разных отраслей одной страны;
- благодаря глобальному охвату искомого рынка, даже малые его ниши становятся достаточно большими для обеспечения эффектов экономии на масштабах и кривой обучения;
- транснациональное расширение бизнеса может вызываться разными мотивами, но его следует начинать как можно раньше и осуществлять по возможности быстрее. Многие малые виртуальные интернет-компании США сразу создаются транснациональными;
- глобализация может снижать риск, связанной с узкой специализацией рынка, но порождать другие риски вследствие возрастающей сложности структур и управления ими;

- фирма, действующая глобально, должна точнее учитывать детали и закономерности международной конкуренции. Можно избегать фронтальных столкновений с сильными местными конкурентами; атаковать конкурента на его местном рынке, создавать для него условия постоянного напряжения;
- на выгодных рынках будущего важно стать первым поставщиком; здесь рыночные позиции распределяются очень рано;
- знания иностранных языков и культур, опыт зарубежных командировок и креативные подходы создают интеллектуальную основу для конкурентных и глобальных успехов [5].

Стратегию выявления и создания новых рынков и рыночных ниш могут формировать и осваивать не только крупные лидеры мировой экономики. Эта стратегия доступна и полезна для средних и малых компаний, обладающих особой изобретательностью, инициативностью, гибкостью, творчеством в поиске и создании новых рынков/ниш — существующих и будущих лидеров-чемпионов мировой экономики. Эффективное сосредоточение скрытых чемпионов из развитых и развивающихся стран на глубине вместо широты ассортимента способствует также избеганию ими распыления усилий. Чемпионы создают продукты по возможности более отличительные, не приемлют определения и границы рынка, заданные их конкурентами, а вместо этого сами по-новому определяют свой рынок или рыночную нишу [5]. Выявление и создание новых рынков/ниш позволяет не только усиливать конкурентные и финансовые преимущества компании, но и генерировать ситуативную монополию со всеми вытекающими из этого преимуществами. Это подтверждают теоретические основы и последствия реализации так называемой «стратегии голубого океана» (отличного от традиционного «красного моря», кишашего агрессивными конкурентами и их жертвами).

Лидеры реализации этой стратегии способны лучше учитывать как запросы клиентов, так и перспективы своего продукта и технологии. Несмотря на фрагментарность и неопределенность новых рынков, чемпионы лучше выявляют и осваивают их, что объясняется также их большей специализацией и особой близостью к рынку. Многие скрытые чемпионы создают свои суперниши. Некоторые из них разрабатывают уникальные продукты, определяющие их рынок; так они фактически становятся «владельцами рынка». Такие определения рынка и продуктовых линий являются скорее глубокими, чем широкими. Соответственно, обслуживающая их цепочка создания/реализации ценности уже, но длиннее. Это порождает такой уровень

специализации и совершенства продукции и организации, который с трудом могут достичь конкуренты. При таком подходе «специалист» часто побеждает «генералиста». Скрытые чемпионы готовы идти на риск, возникающий из-за узкоопределяемых рынков и главного направления деятельности, считая, что этот риск компенсируется улучшенными конкурентными преимуществами.

Конкурентное освоение новых рынков и ниш приводит к доминированию даже малых и средних фирм в мировом хозяйстве. Например, доля фирмы Tetra на мировом рынке корма для аквариумных рыбок превышает 50 %; Hillebrand обеспечивает 60 % транспортировки вина; Boader занимает 90 % мирового рынка оборудования для переработки рыбы; Gerrits — единственный производитель больших занавесов для сцен, его доля на рынке достигла 100 %. Раскрытие факторов успеха лучших безвестных компаний разных стран мира, действующих вопреки привычным канонам, выявляет неординарные средства построения и защиты рыночного превосходства.

Восприятие рынка как данности или определение и создание его по-новому — большая разница для стратегии предприятия. «Чемпионы» не считают, что рынки определяются внешними факторами, а сами переопределяют (например, Winterhalter) и меняют рыночную структуру при необходимости. Такое лидерование активно формирует новые рынки и ниши. Хэмел и Прахалад рассматривают такой подход как важнейшую составляющую стратегии, ориентированной на будущее [7]. Решимость чемпионов не пассивно воспринимать, а менять определение, границы и состав рынка является важной предпосылкой лидерования на нем. Установление границ доли рынка является решающим для оценки конкурентной ситуации и стратегии. Уточнение задач бизнеса и рынка составляет, по словам Д. Абе-ля, начало стратегического планирования. Разграничение рынка зависит не только от профиля таких внешних сил, как клиенты или конкуренты, но и от правильных действий предприятия. Поиск и выявление перспективных ниш возможно не только в существующих и новых отраслях, но и на их стыке; с учетом тенденции к конвергенции отраслей в мировой экономике. А труднодоступные рынки, в том числе и статистически, могут быть весьма привлекательными. Но определение целевого рынка может быть затруднено, содержать опасности самообмана и иллюзий. Скрытые чемпионы из малых и средних фирм дают узкое определение своим рынкам и поэтому их целевые рынки сравнительно малы:

- 1) менее 67 млн долл. США — 23,6 %;
- 2) 67 — 234 млн долл. США — 20,8 %;

3) 334 млн — 1,67 млрд долл. США — 26,4 %;

4) более 1,67 млрд долл. США — 29,2 % [5].

Так, первые являются рыночными нишами (с объемами продаж менее 67 млн долл. США), а четвертые (с продажами более 1,67 млрд долл. США) — крупными рынками. Средний объем продаж скрытых чемпионов на мировом рынке — 467 млн долл. США (для Европы — 233 млн долл. США, для Германии — 100 млн долл. США).

Многие рынки скрытых чемпионов не поддаются однозначному учету, имеют размытые границы и сильную фрагментацию: например, наручных часов с радиоуправлением (Junghans, № 1 в мире). Около половины скрытых чемпионов опирается на субъективные оценки объема рынка, другие — на более надежные источники, включая статистику и анкеты. Объем и доля рынка скрытых чемпионов могут оставаться относительно неустойчивыми; но эта неопределенность может становиться барьером для проникновения на рынок новых поставщиков продуктов/услуг. Трудности уточнения данных о величине рынка (с помощью опросов и др.) состоит и в том, что рынки могут не существовать, а только создаваться скрытыми чемпионами. Этот процесс создания рынков (фирмы Brita, SAT или LOBO Electronic) продолжается, охватывая одну страну за другой. Некоторые рынки, которые в информационном отношении труднодоступны, оказываются при углубленном изучении очень привлекательными и большинство из них являются или могут стать растущими.

Существуют различные способы определения рынка и его критериев. Традиционный подход ориентирован на продукт, например «рынок посудомоечных машин». Этот метод критиковался, начиная со статьи Т. Левитта (1960 г.), где предлагалось ориентироваться на группы клиентов и структуру рынка. Тесно связаны определения рынка на основе технологий и ключевых компетенций. Новые методы выводят определение рынка или бизнеса на основе потребностей клиентов или области применения: например, «рынок средств для мытья посуды». Есть метод рассмотрения рынка с учетом перспектив конкуренции; ответа на вопрос: какие конкурирующие продукты клиент воспринимает как замену? Скрытые чемпионы используют для определения рынка как критерий «применение / группа клиентов», так и «продукт / технология / уровень цен / качества» [5]. Однако географическому региону, как критерию определения рынка, скрытые чемпионы отводят незначительную роль, в отличие от обычных предприятий, рассматривающих региональные границы как характерный признак определения рынка.

Формирование рассматриваемой стратегии требует углубленного понимания роли узкого фокусирования, специализации и концентрации. При многообразии и ширине диапазона рынков, обслуживаемых всеми скрытыми чемпионами, их принципиальная и типичная установка отражается в следующих заявлениях: «ниша» (называется очень часто); предложение «глубокого, а не широкого ассортимента»; отсутствие диверсификации. Фирма Clean Concept (производитель системы бесконтактных туалетов) сформулировала главное направление своей деятельности как специализацию только на гигиене, где сконцентрированы все способности и компетенции. Большинство, но не все скрытые чемпионы, сопротивляются искушению диверсификации. Но у тех, кто был хорошим специалистом, почти всегда делали лучше и верность узкой сфере избранной компетенции обычно четко выражена. Существуют фирмы с предельной специализацией, пытающиеся создать сильную рыночную позицию на очень малых рынках (чтобы на очень маленьком рынке быть очень большим); Г. Саймон назвал их работающими в супернише. Есть фирмы, создающие собственные рынки и названные владельцами рынка, поскольку они практически распоряжаются своими рынками. Поставщиков для суперниш по конкурентным преимуществам признают «звездами» среди скрытых чемпионов. По относительной рыночной доле они в три раза сильнее своих основных конкурентов; а иногда являются единственными поставщиками выпускаемой продукции [5]. Поставщики для суперниш встречаются по всему миру, включая американскую St. Jude Medical, доля которой на рынке искусственных сердечных клапанов составляет 60 %, и она примерно в 10 раз превосходит своего основного конкурента — Sulzermedica (Carbomedix) из Швейцарии. Поскольку они работают для клиентов, предъявляющих самые высокие требования в мире, то сами обретают «мировой класс», и эта стратегия гарантирует компании то, что она остается на высоте.

Под широтой ассортимента понимается многообразие продуктов в ассортименте одной фирмы. Глубина ассортимента означает множество модификаций одного продукта, или полноту решения проблемы на узко определенном рынке. Большинство скрытых чемпионов предпочитает узкую и глубокую стратегию. Поскольку требования клиентов в разных сегментах рынка различны, разрабатываются разнообразные продукты одного вида и смежные товары. Например, рынок промышленных посудомоечных машин был менее 5 %, однако Winterhalter определила сферу своей деятельности как поставщик чистого стекла и посуды; в ассортимент включены установки

для снижения жесткости воды и собственное моющее средство; это позволило увеличить до более 15–20 % долю мирового рынка в сегменте отелей и ресторанов; и на этом «частичном» рынке уже никто не смог тягаться с Winterhalter. Существуют и немногие владельцы рынка, создавшие свою рыночную нишу, которые благодаря долгосрочной уникальности продукта, непреодолимым рыночным барьерам для входа на рынок сумели отстоять свои монопольные позиции [5]. Небольшой объем такой рыночной ниши делает ее непривлекательной для крупных конкурентов, к тому же продукт может быть защищен патентами. Фирма Fischertechnik имеет 5 500 патентов (на техническую модульную систему, состоящую из конструктивных элементов, из которых можно собирать разные предметы), и ее продукция продается более чем в 100 странах мира. Среди стратегий владельцев рынка следующие: создание рынка (Fishertechnik, Hein “Pustefix”); сохранение особой позиции, барьеров против имитации (Steiff, Hummel, Fischertechnik); технологическое превосходство (Karl Mayer, Convac); предложение суперпродуктов по высоким ценам (Sckemohle / Kasselmann Germina); маркетинг отношений, привязка клиента через неформальные связи, клубы, движения коллекционеров. Обычным предприятиям трудно или невозможно копировать эти стратегии рыночного преобладания. Успешные владельцы рынка встречаются во многих отраслях и странах по всему миру (например, автомобили «Роллс-Ройс» или вина Mouton Rothschild).

Однако лучший путь овладения рынком — создание его с самого начала. В идеале рынок не существовал до этого и появляется или определяется лишь с новым продуктом. Исключительность продукта надо суметь сохранить, постоянно его обновлять и отстаивать. Для этого используются следующие меры: художественное оформление (например, Ritzenhoff), авторитетный товарный знак (Steiff), патентная защита (Fishertechnik) или особые отношения с клиентами и доверительность (Giesecke & Devrient) [5]. Продукты могут целенаправленно сохраняться в дефиците (например, фигурки шмеля), что создает в глазах пристрастных клиентов особую ценность. Большинство скрытых чемпионов специализируется на узких рынках и компетенциях: около 70 % оборота они получают в основном на таких рынках и значение главного рынка будет возрастать. Клиффорд и Каванах в исследовании наиболее быстрорастущих компаний США выявили, что их небольшие рынки-ниши имеют более высокие показатели ROI. Растущему значению рынка для поставщиков соответствует и сильная зависимость от них покупателей, которые зачастую имеют лишь ограниченные возможности выбора. Зависимость от одного рынка

создает риск, который можно уменьшить через выбор главного направления деятельности. Неудачи фирм в диверсификации наводят на мысль, что общий риск стратегии фокусирования может быть меньше, чем риск стратегии диверсификации.

Формирование и реализация стратегии интернационализации и освоения новых рынков приносит множество малоизвестных преимуществ. Прежде всего, соперничество на зарубежных рынках с лучшими конкурентами вызывает необходимость опережающего самосовершенствования управления и организации труда. Это особенно актуально для «трудных» рынков (японского и североамериканского) со многими передовыми конкурентами. С расширением освоенных рынков, стран и регионов увеличивается и экономия на масштабах, когда подъем зарплаты перестает быть сдерживающим фактором экономического роста и может способствовать большей мотивации. Так, при обоснованно высокой в мире зарплате сотрудников компании Mercedes, зарплатоемкость ее совершенствуемой продукции минимальна. Такие фирмы выигрывают в самых неблагоприятных экономических условиях и становятся лучше подготовленными к конкурентной борьбе в будущем. В условиях экономического спада (1989–1994 гг.) их среднегодовые темпы роста составляли 6,5 %, а в годы экономического бума (середины и конца 1980-х гг.) — 16 % в год, создавая много рабочих мест. Глобальное присутствие компании на многих

рынках имеет ряд преимуществ (включая нивелирование колебаний конъюнктуры); обеспечивает фирмам непрерывное, более устойчивое развитие, что непривычно для отраслей, сильно зависящих от конъюнктуры.

Таким образом, взаимосвязанные стратегии интернационализации бизнеса, выявления и создания новых рынков способствуют усилению международной конкурентоспособности не только крупных корпораций, но и многих малых и средних предприятий развитых и развивающихся стран. Сфокусированное освоение новых рынков и суперниш имеет ряд экономических и мотивационных преимуществ, включая большую экономию на масштабах и подготовленность к устойчивому развитию даже в неблагоприятных социально-экономических условиях, ускоренное совершенствование продукции/услуг, управления/труда с опережением конкурентов. Рост числа компаний, создающих новые рынки, способствует расширению и развитию психологического лидерства, интеллектуального предпринимательства, передовых компетенций и улучшению платежного баланса страны. Эти познания, стратегии и их множественные малоизвестные преимущества могут быть полезны менеджерам любой организации. Хотя лидеры видят, познают и осваивают мировой рынок по-разному, скрытые и явные чемпионы, вероятно, находятся на более целенаправленном и успешном пути.

Библиографический список

1. Макграт, Р. Г. Конец конкурентного преимущества / пер. с англ. В.Н. Егорова. М.: Бином, 2014. 248 с.
2. Daveni, R. A., Gunther, R. E. Hypercompetition: managing the dynamics of strategic maneuvering. New York, Toronto.: The Free Press, 1994.
3. Boisot, M. Information Space: A framework for learning in organizations, institutions and culture. London, New York.: Routledge, 1995.
4. MacMillan, I. C., McGrath, R. G. Market Busters: 40 Strategic Moves That Drive Exceptional Business Growth. Boston.: Harvard Business School Press, 2005.
5. Саймон, Г. Скрытые чемпионы / Пер. с нем. М.: Дело, 2005. 288 с.
6. Ohmae, Knichi. Triad Power: the coming shape of global competition, New York.: The Free Press, 1985.
7. Hamel, G., Prahalad C.K. Competing for the Future. Boston.: Harvard Business School Press, 1994.

References

1. McGrath R. G. Konets konkurentnogo preimushchestva [The end of competitive advantage. How to keep your strategy moving as fast as your business], Boston: Harvard Business Review Press, 2013.
2. DAVeni R. A., Gunther R. E. Hypercompetition: managing the dynamics of strategic maneuvering. New York, Toronto.: The Free Press, 1994.
3. Boisot M. Information Space: A framework for learning in organizations, institutions and culture. London, New York.: Routledge, 1995.
4. MacMillan I. C., McGrath R. G. Market Busters: 40 Strategic Moves That Drive Exceptional Business Growth, Boston: Harvard Business School Press, 2005.
5. Simon H. Skrytye chempiony [Die heimlichen Gewinner. Hidden Champions], Munchen.: Wilhelm Heyne Verlag, 2000.
6. Ohmae, Knichi. Triad Power: the coming shape of global competition, New York.: The Free Press, 1985.
7. Hamel G., Prahalad C. K. Competing for the Future. Boston: Harvard Business School Press, 1994.

Факторы роста и значимость теневой экономики в африканских странах

Алхассан Тиджани Форго¹, Блохина Татьяна Костантиновна²

¹аспирант, ФГАОУ ВО «Российский Университет Дружбы Народов», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-8979-1587, e-mail: atijaniforgor@yahoo.com

²д-р экон. наук, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-7099-0631, e-mail: tk24@list.ru

Аннотация

В статье рассмотрены факторы, вызывающие быстрое расширение теневой (неформальной) экономики в развивающихся странах, особенно в Африке к югу от Сахары. Теневой сектор экономики является крупнейшим и быстрорастущим сектором в регионе, поэтому существует необходимость в изучении и выработке политических рекомендаций в целях развития. Авторы изучили некоторые определения теневой экономики известных авторов и обозначили суть данных определений. Рассмотрены факторы, тормозящие развитие сектора, и изучены причины низкого финансового доступа среди этих предприятий. Выявлено, что одной из главных проблем является информационная асимметрия, которая ограничивает доступ к финансам фирмами теневой экономики. Следовательно, небольшой (ограниченный) доступ к финансам, ограничивает инновационную деятельность малых и средних предприятий, с помощью которой эти фирмы производят товары и услуги для удовлетворения местных нужд.

Однако, нельзя не учитывать роль теневой экономики, поскольку этот сектор обеспечивает более 55 % занятости, а также вносит более 50 % в валовой внутренний продукт региона. Таким образом, это в большей степени способно задушить малые и средние предприятия в теневом секторе экономики и их инновационные проекты, что способно замедлить технологическую индустриализацию и развитие экономики региона. Обоснована позиция автора в отношении мер по решению проблем финансовой доступности и доступа теневых малых и средних предприятий к финансовым ресурсам в регионе. Таким образом, необходимо большее внимание политиков и бизнес-сообщества к решению проблем, обозначенных в статье, что содействует экономическому и инновационному развитию региона.

Ключевые слова: теневая экономика, неформальная экономика, экономический рост, НИОКР, информационная асимметрия, инновационная деятельность.

Цитирование: Алхассан Т.Ф., Блохина Т.К. Факторы роста и значимость теневой экономики в африканских странах // Управление. 2019. № 2. С. 48–56.

Growth factors and the importance of the shadow economy in African countries

Alhassan Tijani Forgo¹, Blokhina Tatiana²

¹Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0002-8979-1587, e-mail: atijaniforgor@yahoo.com

²Doctor of Economic Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0002-7099-0631, e-mail: tk24@list.ru

Abstract

The factors, causing the rapid expansion of the shadow economy (informal economy) in developing countries, especially in sub-Saharan Africa have been considered in the article. The shadow economic sector is the largest and fast growing sector in the region, therefore, it is necessary to study and make policy recommendations for development. The authors have studied some definitions of the shadow economy of well-known authors and outlined the essence and background of these definitions. Furthermore, the factors, dragging the development of the sector have been considered. The reasons behind low financial access among these enterprises have been studied. It has been revealed, that information asymmetry is one of the main problems, which limits access to finance by firms of the shadow economy. Consequently, small, (lower) access to finance limits the innovation activities of small and medium-sized enterprises, through which these firms produce goods and services to address (meet) local needs.

However, the role of the shadow economy cannot be overlooked as the sector provides more than 55 % of employ and also contributes more than 50 % of the region's gross domestic product. Thus, it is more able to stifle small and medium-sized enterprises in the informal sector of the economy and their innovative projects, which can slow down the technological industrialization and economic development of the region. The author's position on measures to solve the problems of financial accessibility and access of shadow small and medium-sized enterprises to financial resources in the region has been substantiated. Thus, there is need of great attention of policy makers and the business community in tackling the problems, designated in this article, because it contributes to the economic and innovative development of the region.

Keywords: shadow economy, informal economy, economic growth, R&D, information asymmetry, innovative activity.

For citation: Alhassan T.F., Blokhina T.K. Growth factors and the importance of the shadow economy in african countries (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 48–56. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-48-56

Теневая экономика (неформальный сектор экономики) представляет собой сложную конструкцию и не поддается простым и легким определениям. Несмотря на этот факт, по данной теме есть достаточное количество литературы, многие исследователи практикуют то, что можно назвать «слоном в темной комнате, и каждый описывает его на основе той части, которой они коснулись». Неформальная экономика давно привлекла внимание многих ученых разных стран (Харт, Фортуна и Пратэ, Кастельс и Портес) [12; 9; 5].

Неформальный сектор экономики Африканского региона выбран авторами на основе теоретических и эмпирических данных, касающихся жизненно важной роли, которую неформальная экономика играет в развивающихся странах и в том числе в странах к югу от Сахары. Фортуна и Пратэ утверждают, что определение неформальной экономики всегда было трудным и проблематичным, а определения неформального сектора имеют эвристическую ценность с меньшей теоретической легитимностью [8]. Например, неформальная экономика определяется экономистами ЛаПорта и Шлейфером как «экономическая деятельность, которая осуществляется как незарегистрированными фирмами, так и зарегистрированными фирмами, но скрывающими свои доходы от налогообложения» [16, с. 1]. Согласно Венкатеш неформальная экономика – такая экономическая деятельность, которая характеризуется незаконной

практикой (продукт или процессы) или незаконными обменах [18]. В то время как социологи Кастельс и Портес утверждают, что этот сектор экономики «характеризуется одним из центральных элементов, неформальная экономика не регулируется институтами общества, как правовой, так и социальной среды, в которых регулировались бы подобные мероприятия» [5, с. 12]. Еще один социолог, Чэнь, считает, что неформальный сектор включает в себя все формы занятости, то есть занятости без труда или социальной защиты как в пределах, так и за пределами неформальных предприятий, включая самозанятость в небольшом незарегистрированном предприятии и подработки в незащищенных рабочих местах [6]. Еще один большой вклад в экономическую литературу по неформальной экономике внес Харт, которому приписывают использование терминологии «неформальной экономики». Он отметил, что моделирование экономической деятельности как формальной, так и неформальной, заставило исследователей принять категорию за реальность, которую она идентифицирует [10]. Таким образом, сложный характер реальной экономической деятельности затрудняет возможность классификации как формальной, так и неформальной экономики. Несколько исследователей и ученых (в различных областях, таких как социология, право и экономика) дали разные определения термину «неформальная экономика», некоторые из определений даны в таблице 1.

Таблица 1

Определения неформальной экономики
Table 1. Definitions of the informal

Автор	Год	Определение неформальной экономики	Суть
Международная организация труда (далее – МОТ)	1972	Неструктурированный сектор, который возник в городских центрах в результате неспособности современного сектора абсорбировать новых участников [14]	Это понимание было сделано в связи с появлением теневой экономики, которая возникла в результате безработицы в городах
МОТ	1993	Неформальный сектор можно широко охарактеризовать как состоящий из единиц, занимающихся производством товаров или услуг, основной целью которых является создание рабочих мест и доходов для соответствующих лиц [13]	Это определение дано на основе мотивов неформальной экономической деятельности
МОТ	2002	Теневая экономика является частными неинкорпорированными предприятиями, которые производят хотя бы часть своих товаров и услуг для продажи или обмена, имеющие менее 5 оплачиваемых сотрудников, не зарегистрированные и, чаще всего, занимающиеся несельскохозяйственной деятельностью, включая профессиональные или технические услуги [15]	Это расширенное объяснение МОТ точно описывает характер и деятельность неформального сектора экономики
Всемирный Банк	2009	Предприятия теневой экономики обычно растут медленнее, имеют ограниченный доступ к кредитам и нанимают меньше работников, а работники данного сектора остаются вне защиты трудового законодательства [20]	Это объясняет трудности или проблемы, сталкивающиеся предприятия теневой экономике
Бухен и Шнейдер	2012	Характеризуется «весь рынок на основе легального производства товаров и услуг, которые намеренно скрываются от органов государственной власти» [4, с. 139]	Это определение смотрит на характер работы сектора
Фарази, С.	2014	Это «рыночное производство товаров и услуг, будь то законным или незаконным, которое не поддается обнаружению в официальных оценках ВВП» [7, с. 2]	Определение Фарази описывает правовые рамки такого бизнеса

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Эта статья дополнит литературу, определив причины неформальности в экономике, и то, как это влияет на технологические инновации фирм и индустриализацию в менее развитых странах. Деятельность в неформальном секторе является преобладающей в странах Африки к югу от Сахары.

Неформальная экономика получила «полное внимание» в начале 1970-х гг. (Фокс, Гаал) [10]. В основных критериях анализа была обеспечена большая гибкость за счет исключения сельскохозяйственного сектора в некоторых странах, поскольку сельское хозяйство служит основным источником занятости для некоторых стран в развивающемся мире, таких как Мали, где около 80–90 % населения занято в сельском хозяйстве. Тем не менее, сектор находится глубоко в тени формальной экономики. Фирмы в неформальной экономике сталкиваются с жесткой враждебностью со стороны властей, которые закрывают свои операции без какого-либо уведомления. Это происходит из-за страха конкуренции со стороны фирм в формальном секторе, имеющих политическое влияние, в результате чего неформальные предприятия остаются в тени или идут путем «подкупа» для перекрытия их дел.

Липтон упомянул, что определенные стратегии развития, проводимые некоторыми африканскими правительствами, были просто предвзятым отношением к большим городам [19]. На развитие этих городов тратили много ресурсов за счет местных районов. Кроме того, внедрение программ развития концентрировано в больших городах, что связано со стремлением местных правительств сохранить власть и их амбициями быть переизбранными. Таким образом, эти политически необъективные решения впоследствии приводят к увеличению миграции (перемещения) из сельских (местных) районов в города для получения наилучших жизненных условий, таких как хорошее образование, здравоохранение и работа. Однако, неспособность городов поглотить это весьма растущее число людей, ищущих работу, приводит к быстрому расширению теневого бизнеса. Кроме того, Шнейдер и Клихсмаир отметили, что трудовое законодательство в городских районах способствовало росту теневого экономики, поскольку законы о минимальной заработной плате, как правило, препятствуют расширению фирм и удерживают их от перехода в формальный сектор [23]. Также последствия войны являются еще одной причиной роста теневого деловой активности. Сетхураман заметил, что в 1980-х гг. разумное увеличение числа перемещенных лиц, в основном, молодых людей из сельской местности в городские центры, раздираемые

Анголой и Мозамбиком, в поисках работы, позже вынуждало их заниматься теневой деятельностью для выживания в результате неадекватной формальной занятости [22]. Следует отметить, что Политика Структурной Перестройки в этих странах в 1980-х и 1990-х гг. способствовала развитию неформального сектора, так как огромное число людей, как правило, остается без работы в государственном секторе из-за условий Всемирного Валютного Фонда, которые требуют от правительств сократить расходы в государственном секторе (одним из которых является сокращение рабочих мест или запрет нанять новых работников) (Лее, Виуварелли) [20]. При изучении литературы по данному вопросу выяснилось, например, что в случае с Кенией, Икиара и Ндунгю утверждают, что между 1970 г. и 1994 г. теневой сектор увеличился там с 4 % до 50 %, в то время как в Гане из-за введения данной программы с 2014 г. по 2019 г. выпускникам пришлось заниматься неформальными бизнес-делами, чтобы свести концы с концами [12]. И наконец, недружественные правила или законы по ведению бизнеса в этих странах не позволяют предпринимателям регистрировать свой бизнес. Согласно данным Всемирного банка выяснилось, что там, где регулирование особенно обременительно, уровни неформальности выше. В списке Всемирного банка «Ведение бизнеса» в Африке к югу от Сахары для создания нового бизнеса потребовалось наибольшее количество процедур лицензирования и дней (целых 63), для строительства склада требуется в среднем 20 процедур лицензирования, а для получения лицензии потребуется в среднем 251 день. Эти и еще другие формальности являются причиной быстрого расширения теневого экономического сектора в развивающихся странах, особенно в странах Африки к югу от Сахары [19].

Бекк, Демиргюч-Кунт и Максимович заявили, что, как правило, малые предприятия сталкиваются с более серьезными финансовыми проблемами. Как упомянуто ранее, около 90 % африканских предприятий в основном являются малыми и средними предприятиями, и большинство из них находится в теневом секторе, следовательно, либо не охвачены банковскими услугами, либо недостаточно обеспечены ими [3]. Эта проблема затрагивает деятельность по развитию на уровне предприятий в регионе. Проблема низкого доступа к финансам на уровне домохозяйств в Африке не отличается от уровня фирм. Исследования роли финансовой интеграции в продвижении благосостояния, роста и развития домохозяйств и отдельных лиц до недавнего времени не рассматривались,

хотя еще многое предстоит сделать, чтобы выяснить, каким образом доступ к финансовым ресурсам может уменьшить бедность и неравенство, а также способствовать повышению благосостояния. Тем не менее, в настоящее время, проблема финансовой доступности на уровне домохозяйств является острой темой в политических и учебных дискуссиях. Но, традиционная причина асимметричной информации между кредиторами и заемщиками, состоит в том, что вложения в физические лица и домохозяйства обычно считаются рискованными и сопряжены с высокими операционными издержками. Это связано с отсутствием документов, подтверждающих личности, в результате неразвитой местной инфраструктуры в регионе, что вызывает больше рисков и недоверия. Инфраструктура в любой экономике играет ключевую роль в содействии росту и индустриализации, однако в странах Африки к югу от Сахары, в значительной степени имеется дефицит инфраструктуры государственного сектора. По данным Африканского банка развития, потребности в инфраструктуре оценивают в 130–170 млрд долл. США в год, тогда как дефицит финансирования составляет около 68–108 млрд долл. США [1; 2]. Тем не менее, проблема информационной асимметрии в отношении риска и отдачи таких проектов оставляет финансирование этих проектов крайне ограниченным государственными ресурсами, что приводит к низкому уровню инновационных проектов на уровне компаний и индустриализации на национальном уровне. Кроме того, торговля в перспективе экономических преобразований, подтвержденных теориями и эмпирическими данными как один из факторов, способствующих развитию и индустриализации, практически не развивается. Поэтому африканский континент все еще отстает в плане своего вклада в глобальную и внутрирегиональную торговлю, поэтому неудивительно, что континент входит в число наименее развитых регионов мира. Есть ряд факторов, способствующих сдерживанию развития торговых показателей в регионе, среди которых выделяется ограниченное финансирование торговли. Нехватка денежных средств для увеличения торговой деятельности делает фирмы неспособными участвовать в конкурентной борьбе на международных рынках, что влечет за собой огромные издержки, включая эксплуатационные расходы. Эти ограничения в торговле аналогичны тем, которые возникают у частных лиц, малых предприятий и т. п., поскольку требования к финансированию торговли на международном уровне, безусловно,

будут гораздо более обременительными, чем требования фирм на внутренних рынках.

Некоторые ученые придерживаются пессимистического взгляда, подчеркивая, что неопределенность, связанная со специфическими чертами инновационных технологий, особенно научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, делает банки менее подходящими для предоставления средств фирмам. Отмечены причины, которые объясняют данный взгляд: активы, связанные с нестабильностью денежного потока этих фирм, который не соответствует требованиям погашения банковских кредитов; нехватка или отсутствие необходимых навыков у финансовых учреждений для оценки преждевременных технологий; неготовность банков предоставлять средства из-за опасений, что это может снизить стоимость обеспечения существующих кредитов по старым технологиям. Другие ученые оптимистично утверждают, что длительные отношения с фирмами являются одним из основных мандатов банков и благодаря этому могут лучше понять бизнес-планы и связанные с ними инновационные технологии заемщиков. Также подчеркивают, что имитация существующих технологий соответствует риск-аппетиту большинства финансовых учреждений, и это может способствовать распространению технологий среди их заемщиков. Наконец, утверждается, что предоставление краткосрочных займов фирмам может облегчить их внутренний капитал, который в дальнейшем может быть использован для их инновационных целей. Это подтверждается данными широкого круга развитых стран о том, что фирмы обычно предпочитают использовать внутренние ресурсы для финансирования своих инноваций, помимо внешних средств.

В теории и практике предполагается, что фирмы, которые нуждаются в кредитах, решают не подавать заявку на кредиты из-за страха быть отклоненными. Информационная асимметрия является одной из основных причин этой экономически неловкой ситуации, связанной с финансовым ограничением. Влияние информационной асимметрии на развитие и эффективность финансовых рынков хорошо изучено в литературе (Стиглицз, Веисс) [24]. Информационная асимметрия между заемщиками и кредиторами привела к высокой степени отклоненных заявок или издержек при оформлении кредита, что очень распространено среди африканских мелких фирм, несмотря на их огромную роль в экономике. Тем не менее, с годами выяснилось, что является первопричиной информационной асимметрии и какие необходимые меры вмешательства могут смягчить такую ситуацию. Информационная асимметрия возникает,

когда кредитор или финансовое учреждение предполагает, что заемщик (фирма) имеет дополнительную предварительную информацию, которая может негативно повлиять на доходы (выгоды) проекта или погашение кредита. Итак, проблема, связанная с асимметрией информации, — воспринимаемая проблема низкой вероятности погашения или возвратов, высокой транзакции, что увеличивает высокий риск. Асимметричная информация — реальная проблема, которая в африканском контексте чаще всего неправильно истолковывается или недооценивается. Следует отметить, что при анализе информационных провалов в странах Африки к югу от Сахары нельзя игнорировать перспективные и социально-экономические контексты данной проблемы. С одной стороны, то, что можно назвать информационной асимметрией, может возникать из-за недостатка знаний и понимания ситуации кредитором или неправильного суждения микропредприятий банками, с другой стороны, асимметрия может возникать в результате недоверия и неправильных суждений, основанных на подозрении, вызванном деятельностью предприятий из-за недостаточного знания или понимания кредитных требований фирмами. Следовательно, это может привести к порочному циклу углубления информационного разрыва или провала (со стороны заемщика) и росту подозрений и недоверия (со стороны кредитора). Таким образом, информационная асимметрия может стать шире и в результате привести к ограниченному доступу к кредитам. Кроме неверно воспринимаемой асимметричной информации существуют и другие проблемы в индустрии высоких технологий из-за риска, связанного с их инвестициями. Де Беер и др. разъяснили это путем дифференциальных механизмов присвоения знаний и классифицировали их на три, а именно: 1) формальными являются формально закрепленные, формальные механизмы присвоения интеллектуальной собственности, в том числе такие права интеллектуальной собственности, как патенты, товарные знаки, промышленные образцы и авторские права; 2) полуформальные бывают косвенными средствами присвоения с меньшей степенью юридической формальности, такие как секретность, публикация, неконкурентные положения, соглашения о неразглашении и контракты; 3) неофициальные это прямые и неформальные, такие как время выполнения, послепродажное обслуживание и другие услуги, лояльность клиентов наряду с механизмами общества, в соответствии с наказаниями сообщества в форме остракизма за копирование (имитация) [6]. Таким образом, трудность доступа к финансам усугубляется в неформальном секторе, как отмечено в работе

Годфрей, теневая «фирма, это которая работает в неформальной экономике и не может в полной мере воспользоваться преимуществами..., финансовыми и маркетинговыми выгодами, которые, в принципе,... предложены банковскими и экономическими системами страны» [9, с. 232], потому что Лондон и Харт заявили, что «в развивающихся странах..... для многих предпринимателей просто слишком дорого или сложно войти в формальную экономику, а отношения в формальном секторе экономики основаны на социальном, а не на юридическом договоре» [17], поскольку в теневой экономике, согласно Худсон и Вехрелл избегают различных нормативных актов, такие нормативы как трудовое законодательство, касающееся заработной платы и безопасных условий труда; регистрации предприятий; ограничения зонирования в отношении коммерческих мест; лицензионных требований различного рода; и даже налоговых обязательств по регулированию бизнеса [11]. Исходя из этого, доступ к финансовым услугам по-прежнему остается дорогостоящим для теневых фирм и только учитывается тогда, когда преимущества, связанные с финансированием, перевешивают расходы или любые подозрения. Таким образом, это объясняет, почему доступ к финансовым ресурсам является дорогостоящим и/или недоступным для теневых предприятий, что препятствует их росту и деятельности в области технологических инноваций на уровне фирм, индустриализации на национальном уровне.

Недостаточный доступ к финансовым ресурсам делает фирмы развивающихся стран неспособными, в полной мере, использовать имеющуюся возможность адаптации существующей научно-исследовательской и опытно-конструкторской разработки, разработанную фирмами технологически развитых стран. Это заставляет фирмы оставаться в тупике и ограничиваться медленным ростом и малопродуктивной деятельностью, что приводит к сохраняющимся широким разрывам в развитии или дивергентному росту во всем мире, особенно в экономических регионах. Итак, отметим, что финансирование экономического развития требует подхода, который переведет специфику проектов или решения проблем в более культурный и социально-экономический контекст трансформации. Инновационные подходы необходимы для финансирования фирм, домашних хозяйств, инфраструктурных проектов и государственного сектора в рамках культурного, социально-экономического и экономического развития соответствующей экономики. Однако, в этой области, Африке еще многое предстоит

сделать, и это нельзя игнорировать, учитывая влияние финансов на рост экономики региона. Органы власти африканских стран, бизнес-сообщество и финансовые учреждения должны изменить стратегическое вмешательство в финансирование экономической деятельности, уделяя большое внимание экономическим структурам и формам бизнеса; социально-культурному и экономическому контексту

страны; домашним хозяйствам и фирмам, а также их проблемам развития в контексте соответствующей бизнес-среды. Однако, по определению, автор разделяет мнение Бухна и Шнейдера о возникновении деятельности формальных предприятий, однако и частично разделяет позицию Фарази, который говорит о пути исключения незаконных операций [4; 7].

Библиографический список

1. African Development Bank (AfDB). Africa's infrastructure: great potential but little impact on inclusive growth. AfDB publication, 2018. P. 30. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2018AEO/African_Economic_Outlook_2018_-_EN_Chapter3.pdf (дата обращения 15.04.2019).
2. Alhassan T. F. Financialization in developing countries and the global economic crisis//Journal of Financial Economics. 2018. V. 5(1). P. 3–10.
3. Beck, T., Demirgüç-Kunt, A., Maksimovic, V. Financial and legal constraints to firm growth: Does size matter?//Journal of Finance. 2005. V. 60. P. 137–177.
4. Buehn, A., Schneider, F. Shadow economies around the world: Novel insights, accepted knowledge, and new estimates//International tax and public finance. 2012. V. 19(1). P. 139–171.
5. Castells, M., Portes, A. A. World underneath: The origins, dynamics, and effects of the informal economy / The Informal economy: studies in advanced and less developed countries; ed. A. Portes, M. Castells, L. A. Benton. Baltimore: Johns Hopkins, University Press, 1989. P. 11–37.
6. Chen, M. Rethinking the informal economy: Linkages with the formal economy and the formal regulatory environment//DESA Working Paper 2007, No. 46. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/esa/desa/papers/2007/wp46_2007.pdf (дата обращения 14.04.2019)
7. De Beer, J., Fu, K., Wunsch-Vincent, S. The informal economy, innovation and intellectual property — concepts, metrics and policy considerations//Economic Research Working Paper. 2013. No. 10. WIPO Economics and Statistics Series [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wipo.int/export/sites/www/econ_stat/en/economics/pdf/wp10.pdf (дата обращения 12.04.2019).
8. Farazi, S. Informal firms and financial inclusion: Status and determinants//Journal of International Commerce, Economics and Policy. 2014. V. 5. I. 3. P.1–28. doi:10.1142/S1793993314400110.
9. Fortuna, J. C., Prates, S. Informal sector versus informalized labor relations in Uruguay / The informal economy: Studies in advanced and less developed countries. In A. Portes, M. Castells, L. A. Benton (Eds.). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 78–94.
10. Fox, M. L., Gaal, M. S. Working Out of Poverty, Africa Region / World Bank. 2008. Washington, D.C. [Элект-

References

1. African Development Bank (AfDB). Africa's infrastructure: great potential but little impact on inclusive growth. AfDB publication, 2018, p. 30. Available at: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2018AEO/African_Economic_Outlook_2018_-_EN_Chapter3.pdf (accessed 15.04.2019).
2. Alhassan T. F. Financialization in developing countries and the global economic crisis, Journal of Financial Economics. 2018, vol. 5(1), pp. 3–10.
3. Beck T., Demirgüç-Kunt A., Maksimovic V. Financial and legal constraints to firm growth: Does size matter? Journal of finance, 2005, vol. 60, pp. 137–177.
4. Buehn A., Schneider F. Shadow economies around the world: Novel insights, accepted knowledge, and new estimates. International tax and public finance, 2012, No. 19 (1), pp. 139–171.
5. Castells M., Portes A. A. World underneath: The origins, dynamics, and effects of the informal economy, In the informal economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries, ed. A. Portes, M. Castells, L. A. Benton. Baltimore: Johns Hopkins, University Press, 1989, pp. 11–37.
6. Chen M. Rethinking the informal economy: Linkages with the formal economy and the formal regulatory environment. DESA Working paper 2007, No. 46. Available at: http://www.un.org/esa/desa/papers/2007/wp46_2007.pdf (accessed 14.04.2019).
7. De Beer J., Fu K., Wunsch-Vincent, S. The informal economy, innovation and intellectual property — concepts, metrics and policy considerations. Economic research working paper 2013, No. 10. WIPO, Economics and statistics series. Available at: http://www.wipo.int/export/sites/www/econ_stat/en/economics/pdf/wp10.pdf (accessed 12.04.2019).
8. Farazi S. Informal firms and financial inclusion: Status and determinants. Journal of international commerce, Economics and policy, 2014, 5(3), 1–20. doi:10.1142/S1793993314400110.
9. Fortuna J. C., Prates S. Informal sector versus informalized labor relations in Uruguay. In A. Portes, M. Castells, L. A. Benton (eds), The informal economy: Studies in advanced and less developed countries. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989, pp. 78–94.
10. Fox, M. L., Gaal, M. S. Working out of poverty, Africa region, World Bank, 2008, Washington, D.C. Available at: <http://hdl.handle.net/10986/6434> (accessed 14.04.2019).

- ронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10986/6434> (дата обращения 14.04.2019).
11. Godfrey, P. C. Toward a theory of the informal economy// *The Academy of Management Annals*, 2011, V. 5, No. 1. P. 231–277. doi.org/10.1080/19416520.2011.585818.
 12. Hart, K. Bureaucratic form and the informal economy / *Linking the formal and informal economy*. Eds. B. Guha-Khansnobis, R. Kanbur, E. Ostrom, Oxford, England: Oxford University Press, 2006, P. 21–36.
 13. Hudson, R., Wehrell, R. Socially responsible investors and the microentrepreneur: A Canadian case//*Journal of Business Ethics*. 2005. V. 60(3). P. 281–292.
 14. Ikiara, G. K., Ndung'u N. S. Adjustment, Employment and Missing Institutions in Africa / ILO, van der Geest, W., R. van der Hoeven (eds.). Geneva, and James Currey Ltd, Oxford, 1999. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://agris.fao.org/agris-search/search.do?recordID=XF2015034689> (дата обращения 11.04.2019).
 15. ILO. Statistics of employment in the informal sector / Report for the XVth International Conference of Labour Statisticians — Geneva, 19–28 January, 1993. 91 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_087484.pdf (дата обращения 10.04.2019)
 16. International Labor Office. Employment, incomes and equality: a strategy for increasing productive employment in Kenya, ILO, Geneva, 1972, pp. 1-593. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/1972/72B09_608_engl.pdf (дата обращения 14.04.2019)
 17. International Labour Office. Decent work and the informal economy / Report of the director-general, International labour conference, 90th Session, Report VI, ILO, 2002, P. 1–20. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_policy/documents/publication/wcms_210442.pdf (дата обращения 11.04.2019).
 18. LaPorta, R., Schleifer, A. The unofficial economy and economic development. Working paper series. Washington, DC: National bureau of economic research, 2008, pp. 1–75.
 19. Lipton, M. Why Poor People Stay Poor: Urban Bias in World Development. Boston: Harvard University Press, 1977. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dokumente.unibw.de/pub/bscw.cgi/d10747735/8-1%20Lipton,%20Michael_Why%20Poor%20people%20Stay%20Poor.%20Urban%20Bias%20in%20World%20Development,%20London%201977.pdf (дата обращения 11.04.2019).
 20. Lee, E., Vivarelli, M. (eds.). *Understanding Globalization, Employment and Poverty Reduction*, New York: Palgrave Macmillan, 2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@integration/documents/meetingdocument/wcms_080767.pdf (дата обращения 11.04.2019).
 21. London, T., Hart, S. L. Reinventing strategies for emerging markets: Beyond the transnational model//*Journal of International Business Studies*. 2004. No. 35(5), P. 350–370.
 22. Sethuraman, S. V. Urban Poverty, and the Informal Sector: A Critical Assessment of Current Strategies, 1997. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ilo.org/public/english/employment/recon/eiip/publ/1998/urbpover.htm> (accessed 13.04.2019).
 23. Schneider, F. and R. Klingrnair. *Shadow Economies Around the World: What do we Know?*, University of Link
 11. Godfrey P. C. Toward a theory of the informal economy, *The Academy of Management Annals*, 2011, No. 5:1, pp. 231–277. doi.org/10.1080/19416520.2011.585818.
 12. Hart K. Bureaucratic form and the informal economy, In *Linking the formal and informal economy*, B. Guha-Khansnobis, R. Kanbur, E. Ostrom (eds), Oxford, England: Oxford University Press, 2006, pp. 21–36.
 13. Hudson R., Wehrell R. Socially responsible investors and the microentrepreneur: A Canadian case, *Journal of business ethics*, 2005, no. 60(3), pp. 281–292.
 14. Ikiara G. K., Ndung'u N.S. Adjustment, employment and missing institutions in Africa, In van der Geest, W. and R. van der Hoeven (eds.), ILO, 1999, Geneva, and James Currey Ltd, Oxford. Available at: <http://agris.fao.org/agris-search/search.do?recordID=XF2015034689> (accessed 11.02.2019).
 15. ILO. Statistics of employment in the informal sector, Report for the XVth International conference of labour statisticians — Geneva, 1993, 19–28 January, 91 p. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_087484.pdf (accessed 10.04.2019)
 16. International Labor Office. Employment, incomes and equality: A strategy for increasing productive employment in Kenya, ILO, Geneva, 1972, pp. 1-593. Available at: https://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/1972/72B09_608_engl.pdf (accessed 14.04.2019)
 17. International Labour Office. Decent work and the informal economy, Report of the director-general, International Labour Conference, 90th Session, Report VI, ILO, 2002, pp. 1–20. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_policy/documents/publication/wcms_210442.pdf (accessed 11.04.2019).
 18. LaPorta R., Schleifer A. The unofficial economy and economic development, Working paper series. Washington, DC: National bureau of economic research, 2008, pp. 1–75.
 19. Lipton, M. Why poor people stay poor: Urban bias in world development. Boston: Harvard University Press, 1977. Available at: https://dokumente.unibw.de/pub/bscw.cgi/d10747735/8-1%20Lipton,%20Michael_Why%20Poor%20people%20Stay%20Poor.%20Urban%20Bias%20in%20World%20Development,%20London%201977.pdf (accessed 11.04.2019).
 20. Lee, E., Vivarelli M. (eds). *Understanding globalization, employment and poverty reduction*, New York: Palgrave Macmillan, 2004. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@integration/documents/meetingdocument/wcms_080767.pdf (accessed 11.04.2019).
 21. London T., Hart S. L. Reinventing strategies for emerging markets: Beyond the transnational model. *Journal of International Business Studies*, 2004, no. 35(5), pp. 350–370.
 22. Sethuraman, S. V. Urban poverty, and the informal sector: A critical assessment of current strategies, 1997. Available at: <http://www.ilo.org/public/english/employment/recon/eiip/publ/1998/urbpover.htm> (accessed 13.04.2019).
 23. Schneider, F., Klingrnair R. *Shadow Economies Around the World: What do we Know?* University of Link Department of Economics Working Paper, 2004, No. 0403, pp.1–60. Available at: <http://ftp.iza.org/dp1043.pdf> (accessed 13.04.2019).
 24. Stiglitz, J., Weiss, A. Credit rationing in markets with imperfect information, *American Economic Review*, 1981, V. 71 (3), pp. 393–410.
 25. Venkatesh S. *Off the books: The underground economy of the urban poor*. Cambridge, MA: Harvard University

- Department of Economics Working Paper, 2004, No.0403, pp.1-60. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ftp.iza.org/dp1043.pdf> (дата обращения 11.04.2019).
24. Stiglitz, J., Weiss, A. Credit rationing in markets with imperfect information. *American Economic Review*, 1981, V. 71(3), P. 393–410.
25. Venkatesh, S. *Off the books: The underground economy of the urban poor*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. P. 23–182. doi: <https://doi.org/10.1080/10428232.2012.666724>.
26. World Bank. *Doing Business 2010*, Washington, DC: World Bank, 2009. <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2010> (accessed 14.04.2019).
27. World Bank. *Alleviating unemployment and poverty under adjustment. Report of an ILO? JASPA employment advisory mission*, Addis Ababa, 2009. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/463121480932724605/pdf/110730-REPLACEMENT-WP-thEthiopiaEconomicUpdatevweb-PUBLIC.pdf> (accessed 11.04.2019).

Перспективы сотрудничества финансовой корпорации и компаний, работающих в сфере цифровых технологий

Ефремов Виктор Степанович¹, Пилишвили Анатолий Суликоевич²

¹д-р экон. наук, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: efremov_vs@pfur.ru

²аспирант, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail: apilishvili@gmail.com

Аннотация

В статье исследованы проблемы развития новых цифровых технологий, которые, в свою очередь, оказывают влияние на деятельность крупных финансовых институтов Российской Федерации. Целью исследования является анализ современной ситуации в экономике, связанной с ростом рынка цифровых продуктов, их интеграцией в существующую модель предоставления финансовых услуг клиентам, а также поиск решений в вопросах совместной деятельности финансовых корпораций и финансово-технологических компаний. В статье даны определения и основные направления деятельности финансовых корпораций и финтех-стартапов. Выделены преимущества и недостатки крупной финансовой корпорации и развивающихся компаний, работающих в сфере цифровых технологий, а также положительные результаты объединения их ресурсов. Приведены позитивные примеры мирового опыта сотрудничества двух видов этих организаций и отношение главного регулятора – Центрального Банка России – к развитию и внедрению финансовых технологий в экономику страны.

Проанализированы проблемы и возможности высокой конкуренции в борьбе за современного потребителя, которые приводят к стремительному развитию всего рынка финансовой индустрии. Результаты исследования показали, что ежедневно по всему миру финтех-компании тестируют значительное количество цифровых продуктов, различных инструментов открытой архитектуры, способы передачи информации через технологии блокчейн, оптимизируются и интегрируются в действующие системы новые программы ведения клиентской базы, которые полностью меняют основные бизнес-процессы крупных компаний и оказывают значительное влияние на основного потребителя – человека. Это свидетельствует о необходимости проведения дальнейших исследований, направленных на изучение и анализ интеграции финансовых корпораций с технологическими компаниями, изменение существующей бизнес-модели, поиск современных подходов к современному потребителю и созданию новой стратегии развития организации в условиях цифровой экономики страны.

Ключевые слова: финансовая корпорация, финансовые технологии, финтех-компании, диджитализация экономики, цифровая экономика, цифровой человек как клиент.

Цитирование: Ефремов В.С., Пилишвили А.С. Перспективы сотрудничества финансовой корпорации и компаний, работающих в сфере цифровых технологий // Управление. 2019. № 2. С. 57–64.

Prospects for cooperation between the financial corporation and companies, working in the field of digital technologies

Efremov Viktor¹, Pilishvili Anatolii²

¹Doctor of Economics Sciences, RUDN University, Moscow, Russia, e-mail: efremov_vs@pfur.ru

²Postgraduate Student, RUDN University, Moscow, Russia, e-mail: apilishvili@gmail.com

Abstract

The problems, associated with the development of new digital technologies, which, in turn, have an impact on the activities of large financial institutions of the Russian Federation, have been examined in the article. The aim of the study is to analyze the current situation in the economy, related to the growth of the market for digital products, their integration into the existing model of providing financial services to clients, as well as finding solutions to the joint activities of financial corporations and financial and technological companies. The definitions and main activities of financial corporations and fintech startups have been given in the article. The advantages and disadvantages of a large financial corporation and developing companies, operating in the field of digital technologies, as well as the positive results of combining their resources, have been highlighted. Positive examples of world experience in cooperation between the two types of these organizations and the attitude of the main regulator of the Central Bank of Russia to the development and implementation of financial technologies in the country's economy have been adduced.

The problems and opportunities of high competition in the struggle for the modern consumer, which lead to the rapid development of the entire financial industry market, have been analyzed. The results of the study have showed, that every day, worldwide, fintech companies test a significant number of digital products, various open architecture tools, methods of transferring information through blockchain technologies, and optimize and integrate into the existing systems new client base programs, that completely change the main business processes of large enterprises and have a significant impact on the main consumer - a person. This indicates the need for further research aimed at studying and analyzing the integration of financial corporations with technology companies, changing the existing business model, finding new approaches to the modern consumer and creating a new organization development strategy in the digital economy of the country.

Keywords: financial corporation, financial technologies, fintech companies, digitalization of the economy, digital economy, digital person as a customer.

For citation: Efremov V.S., Pilishvili A.S. Prospects for cooperation between the financial corporation and companies, working in the field of digital technologies (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 57–64. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-57-64

В настоящее время мировая глобализация экономических процессов приводит к прогрессивному развитию инструментов менеджмента компаний, работающих в финансовом секторе. Таким образом, актуальность исследования состоит в том, что цифровизация современной экономики вносит изменения в существующий порядок взаимоотношений между контрагентами, работающими в отрасли. Каждый день на рынок выходят принципиально иные игроки, которые приносят новейшие технологии и продукты для искушенного потребителя финансовых услуг. Проблема исследования заключается в том, что с такими игроками крупным коммерческим и кредитным организациям приходится конкурировать за новых клиентов, за удержание существующей клиентской базы, за развитие новых каналов реализации продуктов, которые приводят к ускорению бизнес-процессов, а значит и к повышению эффективности самого бизнеса. Цель исследования — анализ современной ситуации в экономике, связанной с развитием цифровых технологий и их внедрением в существующий рынок оказания финансовых услуг клиентам, а также поиск решений в вопросах коллаборации деятельности финансовых институтов и стартап-проектов. Развитие такого взаимодействия приведет к необходимости гибкой адаптации в условиях внешней среды, а также потребует максимально возможного сокращения времени на проведение операций и преодоления разрывов между современным состоянием компании и цифровым производством [6]. В статье приведены определения и основные направления деятельности финансовых корпораций и финтех-стартапов, рассмотрены потенциальные возможности сотрудничества этих организаций, представлен мировой опыт, раскрывающий результаты и этапы становления их взаимодействия, описан современный потребитель цифровых услуг и продуктов. Нами проанализировано отношение основного регулятора страны к развитию новых цифровых технологий, новые вызовы и угрозы, которые с этим связаны, также приведены основные выводы и направления дальнейших исследований, поскольку тема исследования является достаточно актуальной, принимая во внимание переход страны на цифровую экономику.

Финансовая корпорация и финтех-компания на пути к сотрудничеству

Под финансовой корпорацией авторы понимают юридическое лицо, в состав которого входит определенное количество организаций, функционирующих в рамках финансового сектора экономики. Таким образом, финансовая корпорация ведет основную деятельность в области долгосрочного

и краткосрочного заимствования и кредитования; может включать коммерческие банки, финансовые инвестиционные компании, лизинговые и факторинговые организации, страховые компании, пенсионные фонды, тем самым финансовая корпорация является одним из уровней реализации экономической интеграции [5]. Финтех-компания, в свою очередь, ведет бизнес через создание и предоставление финансовых услуг с помощью новейших технологий, используя различные виды продуктов и каналы сбыта. Финтех-компания — это, как правило, стартап с ограниченными ресурсами, важнейшими факторами для которого становятся быстрое создание, проверка бизнес-модели, доработка продукта и расширение масштаба деятельности [3].

Вышедшие на рынок несколько лет назад компании, которые работают в сфере финансовых технологий, создают новые виды продуктов и услуг, вынуждая крупные корпорации менять свои бизнес-процессы и устоявшийся подход к клиентам. Активная борьба за новых клиентов, потребности и запросы которых меняются каждый день, приводит к попыткам совместной работы финансовых институтов и начинающих стартап-проектов, так как одни имеют свою долю рынка, бренд и многолетний опыт, а другие готовы разработать и внести в эту отрасль совершенно новые решения и продвинуть первых на другой уровень [2]. У финансовых корпораций возникает практическая необходимость в повышении эффективности своей деятельности и в реализации новейших решений для оптимизации систем расчетов, расширения продуктовой линейки, внедрения систем риск-менеджмента и увеличения комиссионных доходов. Современный потребитель изменил свой взгляд на получение инвестиционных, кредитных и транзакционных услуг благодаря развивающимся сервисам, работающим на стыке финансовых технологий, цифрового банкинга и электронной коммерции. Подобные сервисы за счет минимальных издержек и отсутствия посредников становятся конкурентноспособными по отношению к крупным банковским и инвестиционным организациям [7].

Результаты исследования показывают, что в последний год крупные финансовые организации либо начинали сотрудничать с подобными новыми компаниями на различных условиях, либо открывали свои проекты внутри своего штата для создания новых продуктов и каналов их реализации [9]. Новые идеи и подходы в обмен на ресурсную и клиентскую базы приводят к положительным результатам и подобная коллаборация становится выгодной для всех сторон. Как пример такого сотрудничества в России

следует привести заключенную сделку в 2018 г. между «Яндексом» и Сбербанком о создании совместного предприятия на базе «Яндекс.Маркета» под названием «Беру», что напоминает американского ритейлера Amazon. Поисковая система в данном случае выступает в роли финтеха, а банк — в роли поставщика инфраструктуры. Оба варианта говорят нам об одном — необходимо оперативно принимать решения о сотрудничестве, так как в будущем это будет напрямую влиять на прибыльность компании и ее конкурентоспособность.

Ниже в списке приведены основные направления совместного сотрудничества крупной финансовой корпорации и развивающихся компаний, работающих в сфере цифровых технологий. Если представить себе, что преимущества обеих сторон смогут компенсировать их недостатки, то появляется возможность прогнозирования появления нового вида финансовой, инвестиционной или кредитной организации.

Основные направления сотрудничества финансовой корпорации и финтех-компаний включают в себя следующие параметры:

- кибербезопасность. Масштаб бизнеса крупной финансовой корпорации требует постоянной работы над усилением уровня безопасности существующих бизнес-процессов, что напрямую влияет на увеличение издержек. В свою очередь, финтех-компании способны с самого начала проекта интегрировать свои новейшие разработки в вопросах безопасности систем и защиты пользователей, что приведет к оптимизации бизнеса;
- продукты и сервисы. Создание новых продуктов и улучшение клиентского сервиса в деятельности финтех-компаний является одной из основных задач, что помогает увеличивать клиентский портфель. В свою очередь, финансовая корпорация имеет более диверсифицированный портфель в видах деятельности — брокерском бизнесе, лизинге, сфере управления активами, работе в розничном секторе и с малым бизнесом. Интеграция и масштабирование процессов начинающих компаний в существующий бизнес корпораций является одной из главных задач в совместной работе;
- ресурсы и лидогенерация. Клиентская база в крупных корпорациях значительно превышает ресурсы финтех-компаний, однако последние на рынке имеют преимущество в инструментах, решающих вопрос лидогенерации новых клиентов и удержании имеющихся. Также гораздо оперативнее выполняются задачи с охватом всех интересующих целевых аудиторий в бизнесе финтех-компаний;
- цифровизация процессов. Облачные технологии, которые активно используют финтех-компании при

интеграции в бизнес финансовых корпораций могут значительно оптимизировать имеющийся документооборот и повысить уровень защиты коммерческой тайны.

Сотрудничество двух видов этих организаций может привести к следующим положительным результатам:

- 1) увеличение скорости обслуживания и проведения операций с банковскими счетами;
- 2) активный рост клиентской базы во всех целевых сегментах;
- 3) повышение уровня безопасности для организации и для потребителя услуг;
- 4) совмещение капитала, многочисленной клиентской базы, современных разработок приведет к увеличению скорости создания инновационных решений для всего финансового рынка;
- 5) интегрирование цифровых технологий в действующие банковские процессы приведут к снижению стоимости финансовых услуг, а значит к сокращению издержек;
- 6) шаг навстречу со стороны Центрального Банка Российской Федерации (далее — ЦБ РФ), как непосредственного бенефициара в развитии этого сектора и повышения качества продуктов и безопасности услуг;
- 7) повышение качества обслуживания клиента, которое выражается в персональном подходе, высокой доступности всех продуктов и услуг, удобства использования современных технологий.

По исследованиям компании MasterCard, в будущем в мире более 90 % коммерческих банков и 75 % финтех-компаний рассматривают тесное сотрудничество и партнерство; 58 % банков отметили, что готовы к внедрению финансовых и технологичных решений в свою действующую бизнес-модель, а 71 % банкиров считают правильным решением отслеживать и приобретать интересные и перспективные финтех-решения. Подобные выводы отражены в исследовании PricewaterhouseCoopers, где в результате опроса 1 300 финансовых организаций, 82 % сообщили, что имеют в планах ближайших 3–5 лет начать сотрудничество с финтех-компаниями [1].

Мировой опыт сотрудничества финансовых институтов и технологических компаний

Анализ подобного взаимодействия крупных финансовых учреждений и технологических компаний в развитых странах говорит примерно о тех же проблемах, которые происходят и в России. Мировые банковские гиганты, такие как JPMorgan Chase и Wells Fargo, начиная сотрудничать с некоторыми финтех-компаниями, либо поглощали их, развивая

различные проекты, либо разрывали отношения из-за их низкой эффективности. Большое количество компаний в США, которые работают с цифровыми технологиями, занимаются дистанционным открытием чековых счетов клиентов и размещением их средств, что приносит невысокую прибыль. На пути таких организаций стоит развитие услуг кредитования для физических лиц с соблюдением всех условий безопасности и конфиденциальности. В крупнейших немецких и британских финтех-компаниях для открытия счета необходимо дистанционно сфотографировать и выслать свои документы или показать их через видеочат сотруднику банка-партнера после подтверждения заявки по электронной почте. В свою очередь роботизированные сервисы собственного производства запустили крупнейшие мировые управляющие компании из США Vanguard и Fidelity, а за разработку систем робо-эдвайзинга взялись такие банки, как Morgan Stanley, Barclays, Lloyds и Royal Bank of Scotland [1].

Результаты исследования показывают, что ежедневно по всему миру финтех-компаниями тестируется значительное количество цифровых продуктов, различных инструментов открытой архитектуры, способы передачи информации через технологии блокчейн, оптимизируются и интегрируются в действующие системы новые программы CRM, которые полностью меняют основные бизнес-процессы крупных компаний, что оказывает значительное влияние на основного потребителя – человека в новой цифровой среде. Высокая конкуренция за потребителя приводит к стремительному развитию всего рынка финансовой индустрии. В мире порядка 6,7 млрд пользователей сотовой связи, и 80 % из них генерируют 13 % глобального интернет-трафика, или 1,3 эксабайта данных ежемесячно [13]. Если к этому добавить объемы трафика домашнего интернета, данные свободной сети wi-fi в общественных местах, информацию из e-commerce, то при обработке таких данных с помощью Big Data и Machine Learning финансовые корпорации и технологичные компании получают всю необходимую информацию о своем потенциальном клиенте, которую они применяют в разработке для него персонального предложения по кредитованию, вложению денежных средств или возможности забрать свою новую дебетовую карту в том офисе банка (партнера), мимо которого он проходит ежедневно на работу в 15 км от его домашнего адреса. В свою очередь, испанский банк Bankinter регулярно моделирует более 5 млн ситуаций кредитных рисков для оценки финансового «здоровья» своих клиентов, а кредитный банк Великобритании, после того, как отдел управления рисками применил

методы имитационного моделирования, стал обрабатывать в 13 раз больше клиентских данных для анализа и формирования предложения [14].

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод, что клиент выступает основным фактором, который решает, быть той или иной новейшей технологии или нет, оправдана ли дорогая инфраструктура финансовой корпорации в отдельном регионе или местному потребителю достаточно качественного интернета и удобного приложения на сотовом телефоне. В центре конкуренции или совместной работы корпораций и финтех-стартапов стоит сам потребитель. В вопросах получения финансовых услуг и продуктов клиент становится искушенным. Быстрый доступ в интернет и высокая скорость обработки информации сформировали новый подход к выбору поставщика продуктов, связанных с кредитованием, инвестированием, страхованием, онлайн-переводами и обычным размещением средств. Удачно оформленный интерфейс личного кабинета мобильного банка способен принести компании больше новых клиентов, чем рекламная акция, запущенная по телевидению или в виде наружной рекламы.

С появлением и развитием интернета современный человек научился непосредственно коммуницировать с компаниями. Находясь на сайте компании, клиент может написать боту-помощнику сообщение, оставить отзыв о любом процессе или услуге, выбрать и приобрести понравившийся продукт, зарегистрироваться в каком-либо опросе, оставить свои контактные данные, принимать участие в конкурсе и получить подарок. Таким образом, между человеком и организацией возникают «отношения», которые переходят в форму персонального подхода к каждому клиенту, повышения лояльности и тесному сотрудничеству [7]. В связи с этим финансовые корпорации, крупные кредитные банки и финтех-компании, обмениваясь опытом, технологиями и ресурсами, способны прийти к новому уровню сотрудничества и достижению высоких целей, ориентируясь на запросы конечного потребителя.

Центральный банк и развитие финансовых технологий

Как показывают результаты исследования, важную роль в вопросе продуктивного сотрудничества институтов играет главный регулятор финансового сектора страны – ЦБ РФ. Последние несколько лет эксперты государственной организации исследуют финансовые технологии как новый вызов для современной экономики страны и подробно рассматривают решения

и способы интеграции их в существующую финансовую, инвестиционную, банковскую и страховую сферы. ЦБ РФ анализирует зарубежный опыт коллег, на постоянной основе организуются конференции по обмену опытом и решениям различных регулятивных вопросов. На официальном сайте ЦБ РФ существует «регулятивная площадка» как механизм для пилотирования новых финансовых технологий и сервисов, где каждая команда может представить свой проект, а экспертная группа определяет эффективность данных разработок. После успешных испытаний составляют план о принятии нормативно-правовой базы для внедрения этой разработки на рынок. ЦБ РФ, являясь основным регулятором банковского сектора в России, в первую очередь, заинтересован в развитии новейших финансовых продуктов и технологий в сотрудничестве с крупнейшими финансовыми институтами при условии соблюдения необходимого уровня безопасности.

В начале 2018 г. ЦБ РФ опубликовал документ, в котором отражено видение перспектив развития российского рынка финансовых технологий: «Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов» [10]. Основными направлениями ЦБ РФ считает разработки Big Data, мобильных технологий, искусственного интеллекта (AI), роботизации, биометрии, блокчейн, облачных сервисов, RegTech и SupTech, Smart Data [4].

Согласно этому документу Банк России ставит перед собой следующие цели:

- содействие развитию конкуренции на финансовом рынке;
- повышение доступности, качества и ассортимента финансовых услуг;
- снижение рисков и издержек в финансовой сфере;
- повышение уровня конкурентоспособности российских технологий [11].

Таким образом, препятствия со стороны Центрального Банка к развитию рынка цифровых услуг в вопросе регулирования отсутствуют, что дает возможность начинающим компаниям заниматься разработкой и внедрением своих решений.

Заключение

Результаты проведенного исследования дают возможность сделать определенные выводы, которые затронут перспективы совместного сотрудничества крупнейших финансовых институтов и перспективных компаний, занимающихся разработками в сфере цифровых технологий. Анализ существующей ситуации в мире, который касается совместного развития этих организаций, показывает основные проблемы, преграды и возможности для создания

нового типа финансовой корпорации, которая, используя значительные накопленные ресурсы, будет применять новейшие цифровые технологии, увеличивая, тем самым, масштаб своего бизнеса, совершенствуя существующие бизнес-процессы, сокращая издержки, повышая безопасность и обеспечивая стабильный рост клиентской базы. К решению этих проблем и использованию возникающих возможностей стремится большинство компаний, работающих в финансовом секторе, чему способствует поддержка государства в лице основного регулятора — Центрального Банка России, который принимает активное участие в обеспечении продвижения и интеграции новых технологий в существующую экономику страны. Отрасль финансовых технологий не разрушает действующую модель банков, финансовых организаций, а лишь заполняет пробелы [12]. Исследование деятельности крупнейших финансовых институтов в вопросах взаимодействия с технологическими стартапами позволяет сделать выводы о взаимной заинтересованности и успешном сотрудничестве, несмотря на возникающие трудности в создании диалога и возможном конфликте интересов [8]. Полная интеграция технологических стартапов и крупных компаний невозможна, так как у последних присутствует возможность использования собственных разработок и решений для диджитализации бизнес-модели и трансформации бизнеса под современного потребителя [15]. В этой ситуации человек, как основной потребитель финансовых продуктов и услуг будет сотрудничать с теми компаниями, которые смогут полностью удовлетворить его потребности и завоевать доверие. Дальнейшие исследования будут направлены на изучение и анализ интеграции финансовых корпораций с технологическими компаниями, изменение существующей бизнес-модели, поиск новых подходов к современному потребителю и созданию новой стратегии развития организации в условиях цифровой экономики страны.

Библиографический список

1. Бабкин, А. В., Буркальцева, Д. Д., Костень, Д. Г., Воробьев, Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития//Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. № 3. С. 9–25.
2. Бойко, И. П., Евневич, М. А., Колышкин, А. В. Экономика предприятия в цифровую эпоху//Российское предпринимательство. 2017. № 7. С. 1127–1136. doi: 10.18334/rp.18.7.37769.
3. Ваганова, Г. В. Банк как участник и пользователь цифровых финансов//Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 1 (109). С. 54–58.
4. Гадасина, Л. В., Пивень, Г. И. Цифровизация – угроза или возможность развития для менеджмента?//Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 4. С. 565–574.
5. Ефремов, В. С., Владимирова, И. Г. Подходы к оценке эффективности международных интеграционных процессов компаний//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2016. № 3. С. 57–67.
6. Зозуля, Д. М. Цифровизация российской экономики и индустрия 4.0: вызовы и перспективы//Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8. № 1. С. 1–14. doi: 10.18334/vinec.8.1.38856.
7. Катрич, А. С. Финтех – через трансформацию к новой экономике//Глобальные рынки и финансовый инжиниринг. 2017. Т. 4. № 1. С. 65–72. doi: 10.18334/grfi.4.1.38025.
8. Никонов, А. А., Стельмашенок, Е. В. Анализ внедрения современных цифровых технологий в финансовой сфере//Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 4. С. 111–119. doi: 10.18721/JE.11408.
9. Цалкин, Р. А. Банк как IT-компания: развитие «банков без отделений»//Глобальные рынки и финансовый инжиниринг. 2017. Т. 4. № 2. С. 107–114. doi: 10.18334/grfi.4.2.38033.
10. Доклад Центрального банка Российской Федерации «Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statichtml/file/36231/on_fintex_2017.pdf (дата обращения: 09.03.2019).
11. Финтех: развитие и проекты. Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/fintech/> (дата обращения: 21.04.2019).
12. Banking beyond banks and money. A guide to banking services in the twenty-first century. Tasca P., Aste T., Pelizzon L., Perony N. (Eds.). N. Y.: Springer, 2016. 316 p.
13. Preimesberger C. Hadoop, Yahoo, 'Big Data' Brighten BI Future//Eweek, August 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eweek.com/storage/hadoop-yahoo-big-data-brighten-bi-future> (дата обращения: 21.04.2019).
14. Schueffel P. Taming the Beast: A Scientific Definition of Fintech//Journal of Innovation Management. 2016. Том 4. № 4. С. 32–54. doi: 10.2139/ssrn.3097312.

References

1. Babkin A. V., Burkal'tseva D. D., Kosten' D.G., Vorob'ev Yu.N. Formirovanie tsifrovoi ekonomiki v Rossii: sushchnost', osobennosti, tekhnicheskaya normalizatsiya, problemy [Formation of the digital economy in Russia: the essence, features, technical normalization, development problems], razvitiyaNauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki [Scientific and technical statements SPb-GPU. Economics], 2017, no. 3, pp. 9–25.
2. Boiko I. P., Evnevich M. A., Kolyshkin A. V. Ekonomika predpriyatiya v tsifrovuyu epokhu [Enterprise Economics in the Digital Age], Rossiiskoe predprinimatel'stvo [Russian business]. 2017, no. 7, pp. 1127–1136. doi: 10.18334/rp.18.7.37769.
3. Vaganova G.V. Bank kak uchastnik i pol'zovatel' tsifrovyykh finansov [Bank as a participant and user of digital finance], Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [News of St. Petersburg State University of Economics]. 2018, no. 1(109), pp. 54–58.
4. Gadasina L. V., Piven' G. I. Tsifrovizatsiya – ugroza ili vozmozhnost' razvitiya dlya menedzhmenta? [Digitalization – a threat or development opportunity for management?], Voprosy innovatsionnoi ekonomiki [Issues of innovative economy], 2018, vol. 8, no. 4, pp. 565–574.
5. Efremov V. S., Vladimirova I. G. Podkhody k otsenke effektivnosti mezhdunarodnykh integratsionnykh protsessov kompanii [Approaches to assessing the effectiveness of international integration processes of companies], Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, Seriya: Ekonomika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economy], 2016, no. 3, pp. 57–67.
6. Zozulya D. M. Tsifrovizatsiya rossiiskoi ekonomiki i industriya 4.0: vyzovy i perspektivy [Digitalization of the Russian economy and industry 4.0: challenges and prospects], Voprosy innovatsionnoi ekonomiki [Issues of innovative economy], 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1–14. doi: 10.18334/vinec.8.1.38856.
7. Katrich A. S. Fintekh – cherez transformatsiyu k novoi ekonomike [Fintech – through transformation to a new economy], Global'nye rynki i finansovy inzhiniring [Global markets and financial engineering]. 2017, vol. 4, no. 1, pp. 65–72. doi: 10.18334/grfi.4.1.38025.
8. Nikonov A. A., Stel'mashonok E.V. Analiz vnedreniya sovremennykh tsifrovyykh tekhnologii v finansovoi sfere [Analysis of the introduction of modern digital technologies in the financial sector], Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki [Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economics], 2018, vol. 11, no. 4, pp. 111–119. doi: 10.18721/JE.11408.
9. Tsalkin, R. A. Bank kak IT-kompaniya: razvitie «bankov bez otdelenii» [Bank as an IT company: development of “banks without branches”] Global'nye rynki i finansovy inzhiniring [Global markets and financial engineering], 2017, vol. 4, no. 2, pp. 107–114. doi: 10.18334/grfi.4.2.38033.
10. Doklad Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii «Osnovnyye napravleniya razvitiya finansovykh tekhnologii na period 2018–2020 godov» [The report of the Central Bank of the Russian Federation “The main directions of development of financial technologies for the period 2018–2020”. Available at: https://www.cbr.ru/statichtml/file/36231/on_fintex_2017.pdf (accessed 09.03.2019).

15. Popper N. The “Neo-Banks” are finally having their moment//The New York Times. November, 2018. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/11/20/technology/finance-start-ups-neo-banks.html> (дата обращения: 21.04.2019).
11. Fintekh: razvitie i proekty. Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii [*Fintech: development and projects. Central Bank of the Russian Federation*]. Available at: <https://www.cbr.ru/fintech/> (accessed 21.04.2019).
12. Banking beyond banks and money. A guide to banking services in the twenty-first century. Tasca P., Aste T., Pelizzon L., Perony N. (Eds.). N. Y.: Springer, 2016, 316 p.
13. Preimesberger C. Hadoop, Yahoo, ‘Big Data’ Brighten BI Future. Eweek, August, 2011. Available at: <http://www.eweek.com/storage/hadoop-yahoo-big-data-brighten-bi-future> (accessed 21.04.2019).
14. Schueffel P. Taming the Beast: A Scientific Definition of Fintech, Journal of Innovation Management. 2016, V. 4, no. 4, pp. 32-54. doi: 10.2139/ssrn.3097312.
15. Popper N. The “Neo-Banks” are finally having their moment. The New York Times. November, 2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/11/20/technology/finance-start-ups-neo-banks.html> (accessed 21.04.2019).

Изменение характеристик трудового потенциала при переходе к техногенному социуму

Тетцоева Ольга Алексеевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5519-8585, e-mail: o.a.2442@yandex.ru

Аннотация

В статье исследованы вопросы изменения характеристик трудового потенциала при переходе к техногенному социуму в условиях постиндустриального общества, для которого характерны процессы дальнейшей урбанизации и развития мегаполисов. Техногенный социум рассмотрен как общество, основу которого определяет снижение зависимости личности от социальных групп, усиление индивидуального начала в творческой деятельности, изменение структуры мотивации, высокая скорость социальных изменений, изменение форм межличностных коммуникаций. Изменение количественных характеристик трудового потенциала связано со снижением рождаемости, увеличением доли старших возрастных групп, изменением объемов миграции в сторону их снижения. Тенденции изменения качественных характеристик предопределяются широкими возможностями непрерывного обучения и самообучения. Это, в свою очередь, приводит к изменению ситуации на рынке труда, где неквалифицированная рабочая сила становится неконкурентоспособной. Высокая квалификация коренным образом меняет мотивацию работника: снижается роль материальных стимулов, внешняя мотивация меняется на внутреннюю, на первое место выходит содержательность труда, самостоятельность выполнения работы, ответственность за принятые решения.

Переход к новой культуре техногенного социума предопределяет необходимость изменения коммуникаций, как межличностных, так и профессиональных. Коммуникационная среда все более смещается в виртуальную сферу. Вместе с тем, отмечается необходимость выделять риски техногенного социума, связанные с увеличением доли присутствия человека в виртуальном пространстве, и управлять ими. Риски техногенного социума связаны с зависимостью человека от киберпространства, что отрицательно воздействует на его психическое здоровье, а постоянное пользование техническими средствами предопределяет риски ухудшения его физического здоровья. Цифровая трансформация социума требует обратить повышенное внимание на безопасность присутствия в виртуальном пространстве как с точки зрения обеспечения анонимности идентифицирующей отдельного человека персонифицированной информации, так и геолокационного обнаружения его присутствия в географических координатах реального пространства. В условиях виртуализации всех сторон жизни человека возрастают риски изменения отношения к семейным ценностям, составляющим мировоззренческую основу функционирования социума. Техногенный социум привносит риски осознанного одиночества, отказа от семейных ценностей. Эти риски будут катастрофическими для существования человеческого общества.

Ключевые слова: виртуальное пространство, коммуникации, мегаполисы, миграция, мотивация, риски техногенного социума, техногенный социум, трудовой потенциал, урбанизация.

Цитирование: Тетцоева О.А. Изменение характеристик трудового потенциала при переходе к техногенному социуму // Управление. 2019. № 2. С. 65–70.

Changing of the characteristics of the labor potential in the transition to the technogenic society

Tetsoeva Olga

Candidate of Economic Sciences, State University of Management, Moscow,
Russia, ORCID ID: 0000-0001-5519-8585, e-mail: o.a.2442@yandex.ru

Abstract

The issues of changing the characteristics of labor potential in the transition to the technogenic society in the post-industrial community, which the processes of further urbanization and development of mega-cities are typical for, – have been examined. The technogenic society has been considered as the community, the basis of which is characterized by reducing dependence of a person on social groups, amplification of personality in creative work, changing of motivation pattern, high pace of social changes, alteration of interpersonal communication models. The movement of quantitative characteristics of labor potential is due to decreasing birth rates, the increasing share of older age groups, the downward changing of migration scale. Trends in the qualitative characteristics are pre-determined by the possibility of continuous learning and self-education. This in turn leads to changing of the situation in the labor market, where low-skilled workers are becoming non-competitive. High qualification fundamentally change an employee's motivation: the significance of material incentives decreases, external motivation changes for the internal one, the meaningfulness of work, the independence of work performance, the responsibility for decisions taken, become an issue of the highest priority.

The transition to the new culture of the technogenic society requires alteration of both professional and personal communications. The communication environment moves increasingly into the virtual world. However, a need is noted to lay emphasis upon the risks of the technogenic society, that relate to the increased scale of a person's presence in the virtual world and to manage such risks. The risks of the technogenic society are connected with a person's dependence on cyberspace, which has a negative impact on his or her mental health, and permanent using of electronic devices pre-determines risks of deteriorating his or her physical health. The digital transformation of the society requires the special attention to the safety of presence in cyberspace not only from the point of view of anonymizing of the personalized content, that identifies a particular person, but also taking into account the geolocation of his or her physical presence in the geographical coordinates of the real space. With the virtualization of all aspects of a person's life, there are the increased risks of changing attitude towards the family values, forming the fundamental basis of the society's functioning. The technogenic society contributes the risk of conscious single life, rejection family values. This risks will be catastrophic for the existence of humanity.

Keywords: virtual space, communications, megalopolises, migration, motivation, risks of technogenic society, technogenic society, labor potential, urbanization.

For citation: Tetsoeva O.A. Changing of the characteristics of the labor potential in the transition to the technogenic society (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 65–70. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-65-70

Развитие техники и технологий на основе инновационных процессов в производственной сфере, интеграция инноваций в технико-технологические процессы становится основой обеспечения жизнедеятельности общества на постиндустриальных этапах его развития. Это предопределяет переход к новому типу развития, который основан на ускоряющихся изменениях среды обитания человека, что, в свою очередь, приводит к изменению социальных связей людей. Возникает новый тип социума, для которого характерны активные трансформации социальных связей, новые типы коммуникаций, изменение типов личностей и образа жизни людей.

Техногенная цивилизация, возникшая и развивающаяся на основе индустриального и постиндустриального общества, является не только динамичной и быстроизменяющейся в контексте временных параметров, но и агрессивной, активно меняющей традиционное общество на основе формирования новой системы ценностей. В новой системе ценностей возникает особый тип личности — автономно функционирующий человек, не привязанный к корпоративным связям, легко строящий коммуникации и меняющий их в соответствии с изменением своих интересов, адаптированный к разным культурным традициям и разным социальным слоям общества [1].

Техногенный социум — общество, для которого характерно снижение зависимости личности от социальных групп, усиление индивидуального начала в творческой деятельности, высокая скорость социальных изменений на основе интенсивного развития информационных ресурсов, интенсификация материальной базы общества на основе научно-технического прогресса.

Техногенное общество предполагает повышение значимости информационной составляющей научно-технического прогресса как важнейшего фактора развития и трансформации социума. Функциональность его жизнедеятельности все больше становится зависимой от количества, качества и своевременности поступления информации. Это предопределило создание индустрии информационных технологий как основы изменения жизни социума. Информация стала новым, особым ресурсом наряду с материальными, финансовыми и другими ресурсами. Информатизация связана с развитием цифровых технологий, предопределяющих переход к новым требованиям образовательных стандартов подготовки специалистов, с точки зрения учета изменения интеллектуальной составляющей профессиональной деятельности на основе ее технологизации. Одним из важнейших показателей уровня

развития страны является интенсивность информатизации и степень ее географического распространения по территориям.

Следствием интенсификации процессов информатизации является повышение интеллектуального уровня человеческого капитала, ускорение социально-экономического развития и формирование новой информационной системы техногенного общества. Одной из главных предпосылок перехода к техногенному обществу является свободный обмен информацией в глобальном мире на основе реформирования как общественного сознания в целом, так и системы его ценностей, основанной на непрерывности образования, придания знаниям статуса наиболее ценного капитала общества, превращения его в основную производительную силу [3].

Переход к техногенному обществу предполагает изменение структуры трудового потенциала, информатизацию всех процессов, связанных с управлением трудом, как с точки зрения потребностей производства, так и с точки зрения потребностей отдельных личностей в условиях перехода к автономности функционирования работника, изменения форм коммуникаций в направлении развития виртуального взаимодействия работников, организации коллективного обмена информационными потоками при решении рабочих задач.

Коренным образом изменяются основные характеристики трудовых ресурсов, как количественные, так и качественные. К количественным характеристикам трудового потенциала относятся показатели общей численности населения, численности населения в трудоспособном возрасте, численности экономически активного населения, численности трудовых ресурсов и ее изменения. К основным факторам, определяющим количественные характеристики трудового потенциала, относится продолжительность трудоспособного возраста, уровень жизни населения, соотношение различных возрастных групп в численности населения, миграция населения.

Настоящий этап развития социума характеризуется изменением демографической структуры населения, что предопределяет изменение структуры трудовых ресурсов, прежде всего, с количественной точки зрения. В структуре населения страны увеличивается количество населения, выходящего за пределы трудоспособного возраста. Это происходит на фоне снижения рождаемости, что свидетельствует о сокращении общей численности трудовых ресурсов. Постарение населения наблюдалось в крупнейших городах страны еще со второй половины прошлого века и было обусловлено так называемым «эффектом агломерации»,

когда не обеспечивалось даже простое воспроизводство населения. «Эффект агломерации» характеризовался, прежде всего, снижением рождаемости в крупных городах и общим старением их населения. Таким образом, количество трудовых ресурсов имело устойчивую тенденцию к снижению, которая усилится при переходе к техногенному социуму [4].

Для техногенного общества в постиндустриальном периоде характерен переход к разрастанию урбанистических систем, возникающих в результате развития городов, и превращение их в мегаполисы. Важнейшей особенностью современной урбанизации является усиление концентрации населения в крупнейших городах, где обеспечиваются более комфортные условия жизни, возможности для полной реализации творческого потенциала личности [2]. Это приводит, с одной стороны, к дальнейшему снижению уровня рождаемости, а с другой, к увеличению продолжительности жизни, поскольку структура мегаполиса включает инфраструктурные объекты, способствующие сохранению и поддержанию здоровья человека. Кроме того, повышается общий интеллектуальный уровень трудового потенциала, чему способствует концентрация в крупных городах инфраструктурных объектов образовательной сферы.

Дальнейшее развитие урбанистических систем приведет к резкому снижению миграционных потоков извне и устранил зависимость развития экономики от их наличия. Однако объемы маятниковой миграции будут возрастать. Кроме того, повышение интеллектуального потенциала трудовых ресурсов мегаполиса изменит ситуацию на рынке труда, когда неквалифицированная рабочая сила, составляющая основу миграционных потоков извне, станет неконкурентоспособной, что также будет отражаться на интенсивности притока трудовых ресурсов со стороны.

Качественная характеристика трудового потенциала имеет три составляющие: физическую, интеллектуальную и социальную. Физическая составляющая трудового потенциала это физическое и психологическое здоровье трудовых ресурсов, основными факторами которых являются уровень жизни, качество жизни, уровень здравоохранения, состояние окружающей среды, условия труда и т. д. Интеллектуальная составляющая трудового потенциала проявляется в накоплении людьми знаний и опыта по различным аспектам профессиональной деятельности. Факторами интеллектуальной составляющей трудового потенциала являются, помимо врожденных способностей отдельных людей и их развития, уровень и система образования, восприимчивость к новым достижениям техногенного общества, непрерывное образование и самообразование на базе информационных

технологий. Социальная составляющая трудового потенциала проявляется в восприимчивости трудовых ресурсов к факторам техногенного социума, к которым относится новая социальная среда, предполагающая автономность человека, как в рабочей сфере, так и в сфере организации отдыха, освоение новых виртуальных форм коммуникации, принятие новой мировоззренческой системы.

Изменяется ситуация на рынке труда, где неквалифицированная рабочая сила становится неконкурентоспособной, поскольку новая техника и технологии требуют не только высокой квалификации работников, но и постоянного обновления знаний в системе непрерывного обучения и самообучения. Повышается общий интеллектуальный уровень трудового потенциала, чему способствует концентрация в мегаполисах инфраструктурных объектов образовательной сферы.

Информационные технологии получают широкое распространение в сферах образования. Одной из основных задач при переходе к техногенному социуму является изменение системы образования на основе компьютеризации изучения профессиональных дисциплин с использованием новейшего программного обеспечения, переход к дистанционным формам обучения, основанным не только на передаче знаний с использованием специальных программ в разные регионы страны, но и предполагающим внедрение технологий обмена знаниями в глобальной системе Интернета, предоставляющего огромные возможности не только доступа к информации по различным вопросам, но и оперативного участия в конференциях, семинарах и учебно-тренировочных системах в режиме реального времени [2].

Это принципиально изменит подход к передаче знаний в сфере образования, в направлении активного изучения и использования иностранных языков. Развитие коллективного интеллекта — такой же естественный процесс, как и развитие интеллекта индивидуального. Обмен информацией между людьми приводит не только к увеличению совокупного интеллекта, но и к формированию основы техногенного общества и переходу к техногенной цивилизации.

Компьютеризация и переход к цифровой экономике предопределяют возникновение нового типа культуры, обеспечивающей, с одной стороны, интеграцию национальных сообществ и культур, а с другой — разъединение людей, выводя межличностные контакты в виртуальное пространство. Человек не только получает возможности образования и самообразования в виртуальном мире, но и свой досуг также проводит преимущественно там, общаясь в социальных сетях, различных сайтах по интересам

и разнообразных форумах. Киберпространство дает возможность расширить границы реальности, но вместе с тем виртуальная реальность начинает восприниматься как реальная. Кроме того, обезличенность человека в виртуальной реальности способствуют невиданному росту дезинформации, что оказывает противоречивое психологическое воздействие на социум, его индивидов [2].

Переход к высоким технологиям требует высокой квалификации, что коренным образом меняет уровень мотивации человека. Высокоинтеллектуальный, образованный работник мотивирован не только на получение определенной суммы денежных средств за свой труд в виде заработной платы. На первое место выходит содержательность труда, самостоятельность выполнения работы, ответственность за принятые решения. Происходит постепенное вытеснение материальных стимулов и замена их на возможности в творческой самореализации. Структура мотивации изменяется посредством замены внешних стимулов на внутренние.

Переход к новой культуре техногенного социума предопределяет необходимость изменения коммуникаций, как профессиональных, так и личностных. Изменяются функции коммуникаций, их структура. Если реализация коммуникации базировалась, главным образом, на ее невербальной составляющей, то виртуализация общения усилит вербальную составляющую коммуникативного взаимодействия, в том числе в профессиональной сфере.

Умение работать с базами данных, скорость и объем освоения информации, способность генерировать новые идеи в условиях цифровизации всех сфер жизни социума становится фактором престижа, условием включения человека в состав доминирующих социальных групп. При этом происходит трансформация целей в направлении его приобщения к новой, более интересной жизни.

Дополнительным стимулом становится способность работника усваивать информацию и на ее основе продуцировать новые знания, что предопределяет необходимость поиска новых форм коммуникаций для организации диалога с другими, развития своих коммуникационных навыков.

На основе моделирования последствий цифровизации, предопределяющей переход к техногенному социуму, автором сделан вывод и впервые поставлен вопрос о необходимости оптимизации этого процесса с точки зрения определения допустимых пределов цифровизации, позволяющих сохранить социум, как объединение людей с общими моральными устоями, обеспечив каждому его члену комфортность существования в техногенной среде. Таким

образом, возникает необходимость определения, учета и управления рисками, сопутствующими процессу перехода к техногенному социуму.

Можно отметить высокие социальные риски, обусловленные прямой зависимостью от киберпространства, которое, наряду с повышением уровня комфортности существования человека, делает его зависимым от виртуальной реальности, техническое ограничение доступа к которой оказывает отрицательное воздействие на его психическое здоровье. При этом страдает и его физическое здоровье, поскольку основное время человек проводит перед монитором, что не может заменить мышечные тренировки посредством физических нагрузок на разные группы мышц.

Кроме того, киберпространство предопределяет риски манипуляции сознанием человека. Уже сейчас люди выгружают свое сознание в виртуальное пространство посредством ведения дневников, написания постов, участия в различных группах, объединяющих людей по интересам в виртуальной реальности, посредством «лайков» определенных высказываний, выражающих мысли и настроения отдельных представителей и групп виртуального сообщества. Сбор и анализ подобной информации дает возможности сознательного воздействия на психику и поведение отдельного человека, которые тот изменяет не только в киберпространстве, но и приносит в реальную жизнь.

Успешная цифровая трансформация социума требует обратить повышенное внимание на безопасность присутствия в виртуальном пространстве. Безопасность должна быть встроена непосредственно во все приложения, обеспечивающие доступ к различным сервисам и услугам. Во-первых, проблема безопасности возникает не только на уровне компании, но и на уровне отдельных пользователей. Кибератаки в контексте цифровой трансформации существования социума увеличивают риски снижения сохранности коммерческой информации как отдельных компаний, так и каждого пользователя, хранящего в виртуальном пространстве свою финансовую информацию, в частности, в процессе оплаты потребляемых услуг. Во-вторых, возникает проблема безопасности, как с точки зрения обеспечения анонимизации идентифицирующей отдельного человека персонифицированной информации, так и геолокационного обнаружения его присутствия в географических координатах реального пространства.

Необходимо учитывать экологические риски, обусловленные техногенной деятельностью человека и его вмешательством в природные процессы, связанные с причинением значительного ущерба окружающей среде, риски экологических катастроф,

влекущие за собой социальные риски ухудшения здоровья, качества жизни и безопасности существования социума [5].

Увеличиваются риски, связанные и с новой техникой и технологиями непосредственно в производственных процессах. Помимо экологических рисков, которые наступают в связи с возможным отказом электронных систем, контролирующих производственные процессы, особенно на опасных производствах, сами электронные устройства несут риски ухудшения здоровья при наблюдении за работой технико-технологических процессов. Это связано с излучением, действием электромагнитных и электрических полей на состояние работника и его здоровье.

Как упомянуто выше, для техногенного социума характерно снижение зависимости личности от социальных групп, усиление индивидуального начала в творческой деятельности. В связи с этим возникает и новая группа рисков, связанных с отделением человека от социума как такового. Люди становятся независимыми от социальных связей, которые замещаются связями виртуальными. Техногенный социум представляет собой социум виртуально взаимодействующих личностей, которым не требуется реальное коммуникационное взаимодействие.

В условиях сокращения рождаемости, под воздействием виртуализации всех сторон жизни человека возрастают риски изменения отношения к семейным ценностям, составляющим мировоззренческую основу функционирования социума. Техногенный социум приносит риски осознанного одиночества, отказа от семейных ценностей. Эти

риски будут катастрофическими для существования человеческого общества.

Таким образом переход к техногенному социуму обуславливает изменение характеристик трудового потенциала, трансформацию коммуникационного пространства, изменение профессиональных и межличностных форм взаимодействия людей. Это, в свою очередь, предопределяет риски, связанные с виртуализацией производственной и социальной жизни человека. Возникает необходимость оценки как самих рисков, так и уровня влияния их последствий на существование и функционирование социума.

Оптимизация процесса цифровизации позволит сохранить фундаментальные основы существования социума, повысив при этом уровень жизни каждого его члена не только с точки зрения комфортности жизни, но и обеспечивая при этом практически безграничные возможности для получения информации и новых знаний. В качестве отправной точки этого процесса должно быть ограничение виртуальных коммуникаций вне рабочего процесса, которое у значительной части социума сформировало устойчивую привычку, порой мешающую эффективному выполнению должностных обязанностей. Локально это решается руководством организации посредством ограничения доступа к социальным сетям. При этом расширение доступа к информационным ресурсам и базам знаний глобального интернета обеспечит возможность постоянного обновления стремительно устаревающих знаний и непрерывного личностного самосовершенствования.

Библиографический список

1. Белов, С. В. Техногенные системы и экологический риск: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. 434 с.
2. Дергачёва, Е. А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональной трансформации / дисс. на соискание ученой степени кандидата философских наук. Брянск, 2005. 195 с.
3. Дергачёва, Е. А. Техногенное общество: новые грани исследования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/05610.htm> (дата обращения: 10.05.2019).
4. Жичкин, А. М., Белоусов, В. Л., Волков, Г. М., Исида, О. Н., Калгина, Т. Г., Обухова, Г. С., Обухов И. В., Тетцоева О. А. Менеджмент и маркетинг. Том 2. Учебник / под ред. А. М. Жичкина. М.: Европейский центр по качеству, 2002. 200 с.
5. Касьянов, В. В. К вопросу о влиянии научно-технического прогресса на личность и социум // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2. С. 49–54.

References:

1. Belov S. V. Tekhnogennye sistemy i ekologicheskii risk [Technogenic systems and environmental risks]. Moscow, Urayt, 2018. 205 p.
2. Dergacheva E. A. Tekhnogennoe obshchestvo i protivorechivaya priroda ego ratsional'noi transformatsii. Kand. Diss. [Technogenic society and controversial nature of its rational transformation. Cand. Diss.]. Bryansk, 2005. 195 p.
3. Dergacheva E. A. Tekhnogennoe obshchestvo: novye grani issledovaniya [Technogenic society: the new dimensions of investigation]. Available at: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/05610.htm> (accessed 10.05.2019).
4. Zhichkin A. M., Belousov V. L., Volkov G. M., Isida O. N., Kalgina T. G., Obukhova G. S., Obukhov I. V., Tetsoeva O. A. Menedzhment i marketing. Tom 2 [Management and marketing. Volume 2]. Moscow, Evropeiskii tsentr po kachestvu, 2002. 200 p.
5. Kas'yanov V. V. K voprosu o vliyaniy nauchno-tehnicheskogo progressa na lichnost' i sotsium [Towards the influence of the scientific-technological progress on individuals and society], Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogics], 2011, no. 1–2, pp. 49–54.

Макроэкономическая модель безопасного функционирования национальной экономики Азербайджана в дальнесрочном периоде

Эйюбов Мазаддин Рауф

ведущий научный сотрудник, Институт экономики Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку, Республика Азербайджан, e-mail: mazaddin.eyyubov@gmail.com

Аннотация

В 90-е гг. XX в. в связи образованием новых самостоятельных государств в постсоветском пространстве, а также изменением конституционных основ стран восточной Европы, перед правительствами возникла задача обеспечения экономической безопасности стран.

В научной литературе выделяется три основные парадигмы решения этой задачи: национальных интересов страны; независимого и самостоятельного развития национальной экономики; устойчивого развития национальной экономики. Экономическая система страны со свойственным ей механизмом функционирует в циклическом режиме, состоящем из четырех этапов: развития; замедления темпов развития и застоя (кризиса); спада и депрессии; стабилизации. Необходимо иметь инструментарий (методику), позволяющий предвидеть время наступления и завершения всех этапов цикла функционирования экономики страны в дальнесрочном периоде сроком упреждения более 30 лет. Структурное и конъюнктурное уравнение такого цикла может быть использовано для определения времени возникновения экономических угроз в национальной экономике.

В основу макроэкономической модели безопасного функционирования национальной экономики страны заложено разработанное автором уравнение циклического функционирования национальной экономики как динамической системы, уравнение цикла функционирования национальной экономики страны на дальнесрочном периоде. На основе данного уравнения, разработанного для экономики Республики Азербайджан, определено время начала замедления темпов развития национальной экономики республики. Предложены три основных условия безопасного функционирования национальной экономики. На основе разработанной автором методики, определены основные условия безопасного функционирования национальной экономики Азербайджана.

Ключевые слова: экономическая безопасность страны, модель безопасного функционирования национальной экономики, циклическое функционирование национальной экономики, уравнение циклического функционирования экономики страны, этап замедления темпов развития национальной экономики, условия безопасного функционирования национальной экономики.

Цитирование: Эйюбов М.Р. Макроэкономическая модель безопасного функционирования национальной экономики Азербайджана в дальнесрочном периоде // Управление. 2019. № 2. С. 71–86.

Macroeconomic model of safe functioning of the national economy of Azerbaijan in the long-term period

Ayyubov Mazaddin Rauf

Leading Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Republic of Azerbaijan, e-mail: mazaddin.eyyubov@gmail.com

Abstract

In the 90s of the twentieth century, due to the formation of new independent states in the post-Soviet space, as well as a change in the constitutional foundations of Eastern European countries, the governments of the countries were faced with the task of ensuring economic security of the countries.

In the scientific literature, there are three main paradigms for solving the problem of the country's economic security: the paradigm of the country's national interests; the paradigm of independent and independent development of the national economy; paradigm of sustainable development of the national economy. The economic system of the country, with its characteristic mechanism, operates in a cyclical mode, consisting of four stages: development, slowdown in development and stagnation (crisis), recession and depression, stabilization. It is necessary to have a toolkit (methodology), allowing one to foresee the onset and completion of all stages of the functioning cycle, the lead-time of more than 30 years. The structural and conjuncture equation of the country's economy functioning cycle in the long-term period, with a lead-time of more than 30 years, can be used to determine the time of occurrence of economic threats in the national economy.

The basis of the macroeconomic model of safe functional organization of the national economy of the country has been laid the equation of the cyclic functioning of the national economy, as a dynamic system, developed by the author, the equation of the cyclic functioning of the national economy of the country on the long-term period. Based on the equation of the cyclical functioning of the national economy of Azerbaijan, the time of the beginning of the slowing down rate of development of the national economy of the Republic has been determined. Three basic conditions for the safe functioning of the national economy have been offered. Based on the method, developed by the author, the basic conditions for the safe functioning of the national economy of Azerbaijan have been determined.

Keywords: economic security of the country, model of safe functioning of the national economy, cyclical functioning of the national economy, equation of cyclical functioning of the national economy, stage of slowing down the development of the national economy, conditions for the safe functioning of the national economy.

For citation: Ayyubov M.R. Macroeconomic model of safe functioning of the national economy of Azerbaijan in the long-term period (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 71–86. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-71-86

В 90-е гг. XX в. в связи образованием новых самостоятельных государств в постсоветском пространстве, а также изменением конституционных основ стран восточной Европы перед правительствами стран возникла задача обеспечения экономической безопасности стран.

Понятие экономической безопасности страны в ведущих, экономически развитых странах Евросоюза, США, а также в Японии в 1980–1990 гг., рассматривают в контексте внешнеэкономических связей и в контексте промышленного шпионажа. Как пишет О. Арин: «По сути дела теория и практика политики экономической безопасности до начала 90-х годов была на вооружении одной страны мира — США. Как удалось установить, ни страны Западной Европы, ни Япония не выделяли «экономическую безопасность» из общей внешнеэкономической политики, хотя внешнеэкономический блок иногда присутствовал как отдельный компонент более общей доктрины «комплексной национальной безопасности», например, во внешнеполитической практике Японии начала 80-х годов. В таком же качестве этот блок входит в каждую из трех концепций национальной безопасности КНР, которые все вместе составляют то, что в Китае называют теорией Дэн Сяопина» [14, с. 65].

В официальных государственных документах Российской Федерации (далее — РФ) содержание экономической безопасности страны рассматривается в контексте национальной безопасности. Так, в государственном документе «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» система национальной безопасности страны охватывает безопасность государства, общественную, экономическую, продовольственную, энергетическую, технологическую, экологическую, информационную безопасности, безопасность личности, а также безопасности нескольких других сфер. Таким образом, в официальных государственных документах РФ понятие экономической безопасности рассматривается как способность страны обеспечивать достойное проживание своих граждан, сохранение социальной, политической и военной стабильности в стране, а также, потенциальные возможности и способность государства противостоянию внутренним и внешним угрозам [1].

В Азербайджане в официальных государственных документах экономическая безопасность республики рассматривается в контексте возникающих угроз к национальным интересам страны. В законе «О национальной безопасности» Азербайджанской Республики к экономическим угрозам национальной безопасности отнесены:

- истощение или неэффективное использование экономического потенциала государства; образование финансовой и технологической зависимости национальной экономики от других стран; нарушение работы трубопроводов, других коммуникационных и транспортных коридоров;
- разобщенность государственной системы регулирования экономических связей, непропорциональное развитие экономики;
- нарушение финансово-кредитной системы, незаконный вывоз материальных и финансовых средств из страны;
- ограбление и неэффективное использование природных и материальных богатств;
- ослабление инвестиционной активности;
- изоляция экономики республики от мировой экономики [2].

Парадигмы сущности экономической безопасности страны

В 90-е гг. XX в., а также в начале XXI столетия проблема обеспечения экономической безопасности страны стала популярной темой в России, республиках СНГ, Восточноевропейских странах — Болгарии, Польше и др. [3; 19; 10; 11; 7; 23; 28; 12; 13].

Академик РАН Л. И. Абалкин характеризует понятие экономической безопасности страны как совокупность факторов, обеспечивающих самостоятельность, стабильность и устойчивость национальной экономики. По мнению академика РАН А. И. Илларионова, экономическая безопасность страны — совокупность политических, экономических и правовых условий, обеспечивающих максимальное производство экономических благ в стране. С. А. Афонцев, проанализировав опубликованные труды научно-методологического характера, посвященные проблеме экономической безопасности страны, сгруппировал эти концепции в следующие три парадигмы:

- парадигма национальных интересов страны;
- парадигма независимого и самостоятельного развития национальной экономики;
- парадигма устойчивого развития национальной экономики.

Последние 10–15 лет в новых трудах по проблемам экономической безопасности страны содержится повторение уже опубликованных сути и содержания понятий экономической безопасности в различных интерпретациях. Также в литературе содержится анализ состояния экономической безопасности страны по критериям, предложенным С. Ю. Глазьевым. Суть методики оценки состояния экономической безопасности страны, согласно критериям Глазьева,

заключается в анализе десятков социально-экономических показателей страны и сравнение их с так называемыми «пороговыми значениями». Если расчетный показатель лучше, чем «пороговое значение», то по данному показателю считается, что состояние экономики страны безопасно.

Несостоятельность методики оценки состояния экономической безопасности страны по «пороговым значениям» С. Ю. Глазьева выявлена А. Н. Илларионовым [11]. Проанализировав десятки стран мира, Илларионов пришел к выводу, что предложенная методика анализа по «пороговым значениям» не в полной мере отражает реальное состояние экономической безопасности страны.

По методике оценки состояния экономической безопасности страны по «пороговым значениям» С. Ю. Глазьева, С. И. Гумбатовой изучена динамика индикаторов экономической безопасности Азербайджана [18]. Но автор не смог определить уровень состояния экономической безопасности Азербайджана в силу несовершенства методологии анализа.

С начала нового столетия в Азербайджане не опубликовано серьезных трудов по проблеме экономической безопасности страны в научно-методологическом плане. Опубликованные труды по экономической безопасности Азербайджана по существу были интерпретацией опубликованных работ в РФ [8; 24; 7; 30; 33].

Среди трудов по проблеме экономической безопасности страны, опубликованных в республике, в некоторой степени интерес представляет статья Б. А. Алиева по определению сущности экономической безопасности страны. Автор статьи, основываясь на законе «О национальной безопасности Азербайджана», пишет: «Экономическая безопасность — это состояние экономики, при котором обеспечивается достаточно высокий и устойчивый экономический рост, то есть эффективное удовлетворение экономических потребностей, контроль государства за движением и использованием национальных ресурсов, защита экономических интересов страны на национальном и международном уровнях. Составной частью национальной безопасности является ее фундамент и материальная основа. Объектом экономической безопасности выступает как экономическая система, взятая в целом, так и ее составляющие элементы: природные богатства, производственные и непроизводственные фонды, недвижимость, финансовые ресурсы, хозяйственные ресурсы, семья, личность» [25, с. 17]. В другой работе Алиев пишет: «Экономическая безопасность страны — это защищенность экономических отношений, определяющих прогрессивное

развитие экономического потенциала страны обеспечивающих повышение уровня благосостояния всех членов общества, его отдельных социальных групп, и формирующих основы обороноспособности страны от опасностей и угроз. Учитывая, что основой экономического развития в современном мире является научно-технический прогресс и переход к передовым технологиям, то стержнем экономической безопасности в современных условиях являются техническая и экономическая независимость» [26, с. 22].

Таким образом, опубликованные работы по проблеме экономической безопасности страны в основном содержат повторение объяснения сущности этого понятия. Существуют работы по изучению состояния национальной экономики, а также состояния экономической безопасности различных регионов РФ и в некоторых отраслей национальной экономики по методике «пороговых значений (индикаторов)», предложенной С. Ю. Глазьевым.

Фактически, в настоящем отсутствует инструментарий (методика) определения состояния экономической безопасности страны, как в настоящем, так и в будущем.

Парадигма безопасного функционирования экономики страны в долгосрочном периоде

Экономика страны, как динамическая система обладает сбалансированным свойством функционирования. По определению общей теории систем, сбалансированное состояние функционирования экономической системы страны заключается в ее способности сохранять свое равновесное состояние сколь угодно долго как при воздействии внешних и внутренних сил, так и при прекращении воздействий этих сил.

Также экономика страны, как динамическая система, обладает устойчивым свойством функционирования. По определению общей теории систем, устойчивое состояние функционирования экономической системы заключается в способности восстановить свое сбалансированное состояние в случае утери равновесного состояния под воздействием внешних и внутренних сил. Однако в случае восстановления равновесного состояния экономика страны переходит в другое равновесное состояние, отличающееся от прежнего. Переход экономической системы страны в новое равновесное состояние объясняется ее способностью адаптироваться к новым условиям окружающей социально-экономической и политической среды, а также новым условиям равновесного состояния внутренних сил. В случае

невосстановления нового равновесного состояния экономическая система страны разрушается, возрождается новая экономическая система страны с новым механизмом (правилами и порядками) функционирования (на пример распад экономики СССР в период 1989–1992 гг.).

Экономическая система страны со свойственным ей механизмом функционирует в циклическом режиме, состоящем из четырех этапов:

- развития;
- замедления темпов развития и застоя (кризиса);
- спада и депрессии;
- стабилизации. Каждый цикл начинается с этапа развития. Через определенное время наступает спад темпов развития, а затем застойный (кризисный) период. За кризисным периодом наступает период спада и депрессии. Этот период завершается стабилизацией воспроизводственных процессов. После наступления стабилизационного периода и его завершения, экономика страны переходит на новый цикл своего функционирования. Начинается этап развития в новом цикле функционирования экономики страны. Циклический характер функционирования экономики страны свойственным ему механизмом управления, имея периодичность и постоянно повторяясь, является экономическим законом.

Угрозы в экономике страны в долгосрочном периоде формируются на этапе замедления темпов роста и застоя (кризиса). Этап застоя и кризиса характеризуется:

- снижением коэффициента саморазвития α национальной экономики;
- сокращением ежегодных темпов роста выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения;
- увеличением импорта товаров, сокращением экспорта отечественной продукции;
- уменьшением эффективности вложенных инвестиций в экономику страны;
- отсутствием новых рабочих мест и возникновения безработицы в стране;
- формированием инфляционных процессов и повышением цен на потребительские товары;
- уменьшением доходов населения, увеличением доли бедной и нищей части населения;
- и проявление других негативных социально-экономических явлений.

При несвоевременном устранении этих угроз они усиливаются, и в экономике страны формируется застой во всех каналах товарно-денежного обращения. Поэтому основной задачей для обеспечения безопасного функционирования экономики страны является определить (предсказать) время

наступления замедления темпов роста общего выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения, а также начала времени этапа спада и депрессии цикла функционирования экономики страны в долгосрочном периоде.

Уравнение цикла функционирования национальной экономики на долгосрочном периоде.

Наряду с макроэкономическими моделями общеэкономического равновесия в экономической теории изучают макроэкономические динамические модели экономического роста страны признанных мировых ученых-экономистов Е. Домара, Р. Харрода, Солоу [21; 35; 36]. Однако эти макроэкономические динамические модели экономического роста характеризуют один из четырех этапов цикла функционирования — этап развития экономики страны.

По нашему мнению, необходимо иметь инструментарий (методику), позволяющий предвидеть наступление и завершение времени всех этапов цикла функционирования: этапа развития, этапа замедления темпов роста и застоя (кризиса), этапа спада и депрессии, а также этапа стабилизации функционирования национальной экономики страны в долгосрочном периоде сроком упреждения более 30 лет. Считаем, что структурное и конъюнктурное уравнение цикла функционирования экономики страны на долгосрочном периоде со сроком упреждения более 30 лет может быть использовано для определения времени возникновения экономических угроз в национальной экономике страны.

Нами предлагается уравнение цикла функционирования национальной экономики страны на долгосрочном периоде со сроком упреждения более 30 лет в целях предвидения периода возникновения угроз в национальной экономике страны.

Уравнение цикла функционирования национальной экономики страны на долгосрочный период составлено на основе принципа цикличности. Ряд, имеющий циклический характер, можно выразить тригонометрическим уравнением Фурье, имеющим период 2π :

$$F(t) = a_0 / 2 + \sum (a_k \cos kt + b_k \sin kt), \quad (1)$$

$$k = 1, 2, 3, \dots, m,$$

где t — период в радианах; k — число гармоний, приближающее ряд Фурье к эмпирическому ряду. Преобразования циклических функций в ряд Фурье считается задачей гармонического анализа [9]. Во многих случаях ряд Фурье выражается уравнением:

$$\left. \begin{aligned} F(t) &= a_0 / 2 + \sum A_k \sin(kt + \varphi_k), \\ k &= 1, 2, 3, \dots, m, \end{aligned} \right] \quad (2)$$

где $A_k = \sqrt{a_k^2 + b_k^2}$; $\operatorname{tg} \varphi_k = a_k / b_k$; $\varphi_k = \operatorname{arctg}(a_k / b_k)$. Задача аналитического сбалансирования динамических рядов, имеющих циклический характер, и метод ее решения известны в теории статистики [15].

Нами установлено, что динамические циклы функционирования экономики страны по показателю общего объема выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения на долгосрочном периоде можно рассчитать структурно и конъюнктурным уравнением:

$$\left. \begin{aligned} Y &= L + F(t) = c + yT + F(t) \quad \text{или} \\ Y &= c + yT + a_0 / 2 + \sum (a_k \cos kt + b_k \sin kt). \end{aligned} \right] \quad (3)$$

Параметры уравнения (3) рассчитывают по следующим соотношениям:

$$\left. \begin{aligned} a_0 &= \sum Y / n; \\ a_k &= (2 \sum Y \cos kt) / n; \\ b_k &= (2 \sum Y \sin kt) / n, \end{aligned} \right] \quad (4)$$

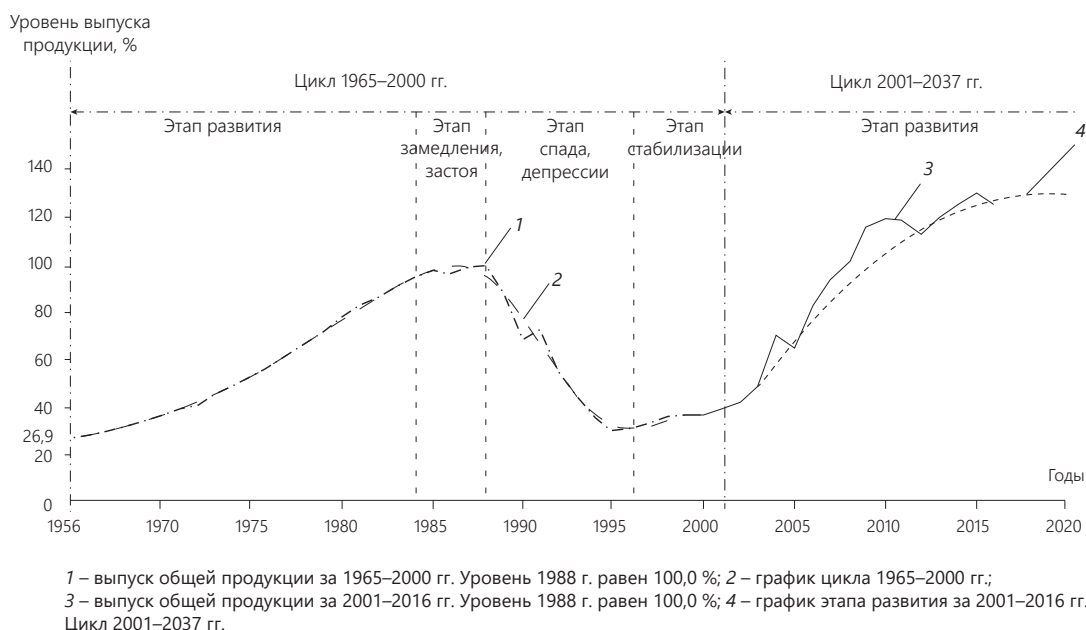
где $\sum Y$ – сумма уровней эмпирического ряда; n – количество элементов эмпирического ряда; T – время

цикла (годы); t – время цикла в радианах, $t = (0; 2\pi/n; 2 \cdot 2\pi/n; 3 \cdot 2\pi/n; \dots; (n-1) \cdot 2\pi/n; 2\pi)$.

Уравнение цикла функционирования национальной экономики Азербайджана на долгосрочном периоде

Автором настоящей статьи в начале 2000-х гг. было составлено уравнение цикла функционирования национальной экономики страны по показателю общего объема выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения и апробировано по статистическим данным Азербайджана за 1965–2001 гг. [37; 38; 39]. На основе модели циклического функционирования экономики страны, разработанной автором, написан ряд статей, связанных с проблемой безопасного функционирования национальной экономики Азербайджана за период 2000–2016 гг. [31; 32]. Также разработан и опубликован прогноз (взгляд) возможного состояния национальной экономики Азербайджана до 2030 гг. [34].

Нами разработана методика (алгоритм) расчета уравнения циклического функционирования национальной экономики. На основе этой методики рассчитано уравнение циклического функционирования национальной экономики Азербайджана за 1965–2000 гг. В методике расчета уровень выпуска общей продукции за 1988 г., в ценах 2000 г., равной на 100 % принято за базу расчетов (рис. 1).

Составлено автором по материалам [37; 38; 39; 40; 41; 42; 43] / Compiled by the author on the materials [37; 38; 39; 40; 41; 42; 43]

Рис. 1. График циклического функционирования национальной экономики Азербайджана (цикл 1965–2000 гг.; этап развития цикла 2001–2037 гг.)

Figure 1. Schedule of cyclic functioning of the national economy of Azerbaijan (cycle 1965–2000; stage of development of the cycle 2001–2037)

Расчеты показали, что за 1965–1984 гг. экономика Азербайджана устойчиво функционировала на этапе развития. За эти годы рост выпуска общей продукции во всех каналах товарно-денежного обращения составил 3,3 раза. За этот период ежегодный прирост по сравнению предыдущим годом в среднем составил 3,7 %.

Однако, начиная с 1984 г., ежегодные темпы роста выпуска общей продукции стал снижаться, экономическая система национальной экономики Азербайджана вышла из состояния равновесия. Функционирование национальной экономики Азербайджана перешло на этап застоя и кризиса. Расчеты показывают, что за 1984–1990 гг. ежегодное снижение выпуска общей продукции, по сравнению с предыдущим годом, в среднем составило -4,3 %. В 1990 г. объем общего выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения приравнялся уровню 1979 г.

С 1991 г. в связи с распадом экономики СССР система национальной экономики Азербайджана, как часть национальной экономики СССР, потеряв устойчивость начала функционировать на этапе спада и депрессии. Расчеты показывают, что за 1991–1996 гг. объем общего выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения в экономике республики снизился в 2,3 раза. За этот период ежегодное снижение объема общего выпуска продукции по сравнению прошлым годом в среднем составило -11,5 %. В 1996 г. объем общего выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения в экономике Азербайджана приравнялся к уровню 1967 г.

Обладая способностью к самоорганизации, система национальной экономики Азербайджана к 1997 г. восстановила устойчивое функционирование и с 1997 г. начала функционировать на этапе стабилизации. Также к 2000 г. в республике было принято более 30 государственных законодательных актов, регулирующих механизм функционирования национальной экономики республики. В 2000 г. объем общего выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения приравнялся к уровню 1970 г. прошлого столетия.

В результате проведения нами исследований цикла функционирования экономики Азербайджана на долгосрочном периоде по уточненным расчетам установлено, что:

- за 1965–2000 гг. уравнение циклического функционирования экономики Азербайджана по выпуску общей продукции во всех каналах товарно-денежного обращения выражается уравнением:

$$Y^* = -14,138 + 7,319\cos t + 17,834\sin t + 2,778\cos 2t - 29,467\sin 2t - 3,652\cos 3t - 0,061\sin 3t - 2,679\cos 4t - 4,538\sin 4t; \quad (5)$$

- период одного цикла функционирования национальной экономики страны в среднем составляет 36 лет;
- экономика Азербайджана в среднем 20 лет функционирует на этапе развития, в среднем 6 лет на этапе застоя и кризиса, в среднем 6 лет на этапе спада и депрессии, в среднем 4 года на этапе стабилизации;
- в прошлом столетии национальная экономика Азербайджана функционировала в трех циклах.

Особенности функционирования экономики Азербайджана в новом цикле с начала XXI века

Начиная с 2001 г., экономика Азербайджана функционирует в новом цикле свойственного ей нового механизма на этапе развития. Расчеты показывают, что на этапе развития с 2001 г. по 2016 г. общий объем выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения увеличился в 3,2 раза, что почти равно (2,9 раз) приращению общего объема за период 1965–1980 гг. этапа развития последнего цикла прошлого столетия. Среднегодовой темп прироста за 2001–2016 гг. составил 15,7 %, что в 1,2 раза опережало среднегодовой темп прироста за 1965–1980 гг. (см. рис. 1).

Национальная экономика Азербайджана за период 2001–2010 гг. развивалась более высокими темпами. За рассматриваемый период общий выпуск продукции по всем каналам товарно-денежного обращения вырос в 3 раза при ежегодном приросте в среднем на 24,3 %. Однако, начиная с 2011 г., среднегодовые темпы роста замедлились, и развитие национальной экономики начало терять устойчивость.

Так, в 2011 г. снижение объема общего выпуска продукции во всех каналах товарно-денежного обращения, по сравнению с 2010 г. составило -0,6 %, а в 2012 г. по сравнению с 2011 г. — -5,2 %. Однако в 2013 г. прирост общего выпуска продукции по всем каналам товарно-денежного обращения по сравнению с 2012 г. составил 6,7 %; в 2014 г. по сравнению с 2013 г. — 4,0 %; в 2015 г. по сравнению с 2014 г. — 4,0 %; в 2016 г. с 2015 г. составил -3,7 %.

Таким образом, начиная с 2010 г., национальная экономика Азербайджана функционирует неустойчиво, в режиме колебаний. Существует опасность возникновения внешних и внутренних социально-экономических явлений, способствующих выводу

функционирования экономики Азербайджана из равновесного состояния.

Основные макроэкономические условия безопасного функционирования национальной экономики страны

Базу макроэкономических условий безопасного функционирования национальной экономики страны составляет условия саморазвития системы национальной экономики, а также макроэкономические условия сбалансированного функционирования национальной экономики страны. Национальная экономика, как динамическая система, функционирует в безопасном режиме в нижеперечисленных основных условиях.

Первое основное условие

Если коэффициент саморазвития национальной экономики α имеет положительное значение в интервале $0 < \alpha \leq 1,0$, то национальная экономика страны обладает способностью функционировать в безопасном режиме.

Национальная экономика как динамическая система также обладает способностью к саморазвитию. Способность к саморазвитию системы характеризует возможности ее развития за счет внутреннего потенциала без воздействий со стороны. Сущность механизма саморазвития национальной экономики заключается в нижеследующем.

В национальной экономике из общего дохода, образованного во всех каналах товарно-денежного обращения, часть средств направляется на возмещение материальных затрат в целях воспроизводства общего выпуска продукции. Другая часть из общего дохода, возвращается собственником капитала (основных фондов) в качестве амортизации вложенных средств в основные фонды в объеме, рассчитанном по ежегодным нормам, установленным правительством. Оставшаяся часть общего дохода

как чистый национальный доход страны является вновь созданным богатством страны, образованным национальной экономикой.

Методика определения коэффициента саморазвития национальной экономики α основана на принципе акселерации в экономике [5; 6]. Коэффициент способности к саморазвитию национальной экономики α показывает ту часть прироста $\Delta Y_{B(t-1)}$ вновь созданного богатства в экономике страны в прошлом периоде, составляющей прирост инвестиций, вложенных в развитие национальной экономики в настоящем периоде ΔY_{It} :

$$\alpha = \Delta Y_{It} / \Delta Y_{B(t-1)}. \quad (6)$$

Из соотношения (5) следует:

$$\Delta Y_{It} = \alpha \Delta Y_{B(t-1)}. \quad (7)$$

При $0 < \alpha \leq 1,0$ национальная экономика обладает способностью к саморазвитию за счет вновь созданного богатства в экономике страны. Притом от каждой единицы прироста вновь созданного богатства в национальной экономике в прошлом периоде $(t-1)$, часть α составляет прирост инвестиций, вложенных в развитие национальной экономики в настоящем периоде t .

При $\alpha \leq 0$ национальная экономика не обладает способностью к саморазвитию за счет вновь созданного богатства в экономике страны. Прирост инвестиций, вложенный в развитие национальной экономики в настоящем периоде t , не зависит от прироста вновь созданного богатства в национальной экономике страны в прошлом периоде $(t-1)$.

Проведенные исследования за 2011–2016 гг. по данным Госкомстата республики показали, что в экономике Азербайджана за 2010–2015 гг. среднегодовой

Таблица 1

Расчетные показатели коэффициента способности саморазвития национальной экономики Азербайджана, за 2011–2016 гг. в млрд AZN

Table 1. Calculated indicators of the self-development ability coefficient of the national economy of Azerbaijan for 2011–2016 in billion AZN

Год	Изменение вновь созданного богатства страны, $\Delta Y_{B(t-1)}$	Изменение внутренних инвестиций, ΔY_{It}	Коэффициент способности саморазвития национальной экономики, α
2011	9,330	2,6998	0,289
2012	2,166	1,9494	0,900
2013	2,901	1,0305	0,355
2014	-0,551	-0,4639	0,841
2015	-5,258	-3,6565	0,695
2016	6,178	-2,4061	-0,389

Источник: [43, табл.13] / Source : [43, table 13]

темпа снижения прироста вновь созданного богатства Азербайджана составил -1,185 млрд AZN. За 2011–2016 гг. среднегодовой темп снижения прироста внутренних инвестиций составил -1,523 млрд AZN. Расчеты показали, что значения коэффициента α за 2011–2016 гг. колебались в интервале $(-0,389; 0,900)$ и имело тенденцию к снижению. За исследуемый период среднегодовой темп снижения коэффициента способности саморазвития национальной экономики Азербайджана составил $(-0,101)$ (табл. 1).

За определенный период способность к саморазвитию национальной экономики страны исследуется в виде уравнения регрессии:

$$\Delta Y_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 \Delta Y_{B(t-1)}, \quad (8)$$

где α_0 — показатель прироста инвестиций за рассматриваемый период за счет других источников финансирования; α_1 — коэффициент саморазвития национальной экономики за рассматриваемый период.

Исследования показали, что за 2011–2016 гг. уравнение регрессии определения коэффициента способности саморазвития национальной экономики Азербайджана выражается соотношением:

$$\Delta Y_{it} = 0,301 \Delta Y_{B(t-1)} - 0,882. \quad (9)$$

Регрессионное уравнение (9) показывает, что за 2011–2016 гг. коэффициент α в среднем составил 0,301. Условие $\alpha = 0,301 > 0$ показывает, что в 2011–2016 гг. национальная экономика Азербайджана обладала способностью к саморазвитию. За рассматриваемый период 30,1 % прироста вновь созданного богатства использован на расширение общественного воспроизводства, а 69,9 % прироста — на потребление и накопление.

Второе основное условие

Если сальдо внешнеторговых операций Y_{NX} имеет положительное значение, то есть:

$$Y_{NX} = Y_{NE} - Y_{NI} \geq 0, \quad (10)$$

где Y_{NE} — объем экспортируемой продукции, а Y_{NI} — объем импортируемой продукции, то национальная экономика страны обладает способностью функционировать в безопасном режиме.

В экономике страны одна часть произведенной продукции направляется на внутренний рынок, другая часть экспортируется из страны. Угрозы в экономике страны в долгосрочном периоде формируются на этапе замедления темпов роста и застоя (кризиса). На этапе замедления ежегодных темпов

роста общего выпуска продукции, в связи с уменьшением выпуска отечественной продукции, на внутреннем рынке увеличивается продукция, поступающая по импорту из зарубежных стран. Также в связи с уменьшением выпуска отечественной продукции уменьшаются экспортные поставки отечественной продукции из страны. Таким образом, на этапе кризиса, а также на этапе спада и депрессии сальдо баланса международной торговли страны становится отрицательным.

В увеличении богатства страны идея условий положительного сальдо денежного баланса и положительного сальдо товарного баланса в экспортно-импортных операциях принадлежит представителям меркантилистской школы в странах Европы в XVI–XVII вв. Взгляды представителей школы меркантилизма по путям увеличения богатства страны изложены в трактате «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства» (Т. Манн) [20]. Идеи школы меркантилизма были заложены в концепции абсолютных сравнительных преимуществ (А. Смит, Д. Риккардо) [4; 17]. В последующем условие положительного сальдо в международной торговле как источника увеличения доходов страны рассматривалось Э. Хекшером [22].

Как бы ни интерпретировались существующие экономические модели по международной торговле, все они в конечном итоге характеризуют условия обогащения одной страны и обнищания другой в конкурентной борьбе в международной торговле.

В США 2017 г. принят новый документ по национальной безопасности и обороне [16]. В новой стратегии национальной безопасности и обороны США считается, что экономическая безопасность страны является национальной безопасностью. Экономическая жизнеспособность, рост и процветание внутри страны абсолютно необходимы для обеспечения американской мощи и влияния ее за рубежом. Любая страна, которая меняет свое процветание на безопасность, в конечном итоге теряет и то, и другое. В документе национальной безопасности и обороне США также отмечено, что в мире сформировалась новая эра долгосрочной конкуренции. Эта связано с усилением России и Китая на международной арене они стремятся бросить вызов американскому влиянию, ценностям и богатству. Чтобы добиться успеха, предусматривается интегрировать все аспекты национальной мощи США с применением каждого инструмента государственной политики.

Таким образом, на основании второго условия можем сделать очень важный вывод. Все страны мира стремятся добиваться достижения положительного

сальдо в экспортно-импортных операциях с другими странами. Достижение положительного сальдо для одних стран сопровождается формированием отрицательного сальдо для других стран. Одни страны экономически богатеют, другие страны экономически обнищают. Рост богатства одной нации сопровождается обнищанием других наций. Причина жизни в достатке одной нации является следствием бедной жизни других наций. Возникшая причинно-следственная связь существует постоянно, как всемирный экономический закон. Этот всемирный экономический закон назван автором настоящей статьи законом о постоянном существовании бедных стран в мире [29].

В западной экономической литературе указывается множество причин существования бедных стран в мире — от технологического несовершенства процесса производства в экономике страны, до дееспособности нации в целом. Не ведя дискуссии о причинах, мы подтверждаем, что, независимо от множества причин, бедные страны постоянно будут существовать в условиях конкуренции между странами. Притом центры богатства и бедности могут переместиться из страны в страну, из региона в регион, из континента в континент. Это всемирный экономический закон является вечным экономическим законом и в превращенной форме выражает всемирный экономический закон выживания нации.

Проведенные исследования внешнеторгового баланса национальной экономики Азербайджана по данным Госкомстата республики за 2011–2016 гг. показали, что объем экспортных поставок продукции Y_{NE} в зарубежные страны имел устойчивую динамику снижения. Расчеты показали, что за 2011–2016 гг. объем экспортных поставок из республики ежегодно снижался в среднем на -13,4 %. Так, в 2012 г. объем экспортных поставок по сравнению с 2011 г. снизился на -0,7 %; в 2013 г. по сравнению с 2012 г. — на -3,9 %; в 2014 г. по сравнению с 2013 г. — на -8,0 %; в 2015 г. по сравнению с 2014 г. — на 45,1 %, а в 2016 г. по сравнению с 2015 г. — на -20,9 %. Уровень объема экспортных поставок продукции в зарубежные страны в 2016 г. по сравнению с 2011 г. снизился в 2,6 раз (табл. 2).

Исследованием также установлено, что за 2011–2016 гг. объем импортных поставок продукции из зарубежных стран в республику характеризуется неустойчивой динамикой. Расчеты показывают, что если в 2012 г. объем импортируемой продукции в республику по сравнению с 2011 г. уменьшился на -1,1 %, то в 2013 г. объем импортируемой продукции по сравнению с 2012 г. увеличился на 11,0 %. Также, если в 2014 г. объем

импортируемой продукции в республику по сравнению с 2013 г. уменьшился на -14,2 %, то в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличился на 0,3 %. А в 2016 г., объем импортируемой продукции в республику по сравнению с 2015 г. уменьшился на -7,4 %.

Таблица 2

Показатели внешнеторговых операций Азербайджана за период 2011–2016 гг.

Table 2. Indicators of Azerbaijan's foreign trade operations for the period 2011–2016

Год	Сальдо внешнеторговых операций, долл. США	Объем экспорта, долл. США	Объем импорта, долл. США
2011	24,650	34,406	9,756
2012	24,507	34,161	9,6529
2013	22,129	32,842	10,7125
2014	21,032	30,220	9,1877
2015	7,376	16,592	9,2167
2016	4,586	13,118	8,5324

Источник: [44, табл.1] / Source: [44, table 1]

Расчеты показывают, что за 2011–2016 гг., сальдо внешнеторговых операций Y_{NX} устойчиво снижался. Так, в 2012 г. сальдо внешнеторговых операций по сравнению с 2011 г. уменьшилось на -0,6 %; в 2013 г. по сравнению с 2012 г. — на -9,7 %; в 2014 г. по сравнению с 2013 г. — на -5,0 %; в 2015 г. по сравнению с 2014 г. — на -64,0 %; в 2016 г. по сравнению с 2015 г. — на -37,8 %. За исследуемый период среднегодовой темп снижения сальдо внешнеторговых операций составило -13,0 %. В 2016 г. объем сальдо внешнеторговых операций по сравнению с 2011 г. уменьшился в 5,8 раз.

Тождество среднегодового баланса сальдо внешнеторговых операций Y_{NX} за 2011–2016 гг. нами определено как:

$$1,000Y_{NX} = 0,002 + 1,547Y_{NE} - 0,549Y_{NI} \quad (11)$$

Регрессионное тождество (11) показывает, что за 2011–2016 гг. положительное сальдо внешнеторгового баланса в национальной экономике Азербайджана в сумме на 1,0 млрд долл. США, обеспечивался при объеме экспортных поставок продукции Y_{NE} на сумму 1,547 млрд долл. США и при объеме продукции по импорту из зарубежных стран Y_{NI} на сумму 0,549 млрд долл. США.

Таким образом, несмотря на то, что за 2011–2016 гг. сальдо внешнеторгового баланса в национальной экономике Азербайджана являлось положительным,

однако в течение 2011–2016 гг. устойчиво снижалось, формируя угрозу функционирования национальной экономики в целом.

Третье основное условие

Если сальдо внешнеторгового баланса национальной экономики страны Y_{NX} больше, сумма материальных затрат сырьевых отраслей национальной экономики A_{RC} и объема импортируемого сырья для производства конечной продукции в республике Y_{II}^I , то в национальной экономике формируется макроэкономическая прибыль P , и национальная экономика обладает способностью функционировать в безопасном режиме.

В экономической литературе понятие «макроэкономическая прибыль» не рассматривается. Этот термин впервые введен автором настоящей статьи в 2007 г. при изучении условий устойчивого функционирования национальной экономики страны. Макроэкономическая прибыль P в национальной экономике страны формируется при условии:

$$P_S = Y_{NX} - (A_{RC} + Y_{II}^I) > 0. \quad (12)$$

Условие (12) получено из баланса «производство – потребление» в национальной экономике страны [38; 41].

Нами рассчитан баланс образования макроэкономической прибыли в национальной экономике Азербайджана на основе статистических данных Госкомстата Азербайджана за 2011–2016 гг. как регрессионное тождество

$$1,000P_S = 1,641Y_{NX} - 0,538A_{RC} - 0,102Y_{II}^I \quad (13)$$

Соотношение (13) показывает, что за 2011–2016 гг. в национальной экономике Азербайджана в среднем каждый 1,0 млрд AZN макроэкономической прибыли P_S образовался при условиях:

1) сумма сальдо внешнеторговых операций Y_{NX} составляет 1,641 млрд AZN;

2) материальные затраты сырьевых отраслей национальной экономики A_{RC} составляют 0,538 млрд AZN;

3) сумма импортируемого сырья для производства конечной продукции в республике Y_{II}^I составляет 0,102 млрд AZN.

За период 2011–2016 гг. в национальной экономике Азербайджана сальдо внешнеторговых операций в национальной валюте AZN имело устойчивую тенденцию снижения. Так, в 2011 г. сальдо внешнеторговых операций в национальной валю-

те в фактических ценах составило 19,466 млрд AZN. В 2016 г. сальдо внешнеторговых операций в фактических ценах по сравнению с 2011 г. уменьшилось в 2,63 раз, составив 7,319 млрд AZN. Расчеты показали, что за рассматриваемый период объем сальдо внешнеторговых операций в фактических ценах ежегодно по сравнению с предыдущим годом снижался в среднем на -2,762 млрд AZN.

Материальные затраты сырьевых отраслей (сельское хозяйство, добывающая промышленность, выработка энергии, очистка воды и водоснабжение) национальной экономики Азербайджана за 2011–2016 гг. имели устойчивую динамику роста. Расчеты показывают, что за рассматриваемый период материальные затраты сырьевых отраслей в фактических ценах ежегодно по сравнению с предыдущим годом увеличивались на 0,183 млрд AZN или на 4,3 %. В 2016 г. рост материальных затрат сырьевых отраслей в фактических ценах по сравнению с 2011 г. составил 120,1 %.

Также за 2011–2016 гг. среднегодовой прирост импортируемого сырья для производства конечной продукции в республике, в фактических ценах, в среднем составил 17,5%. В 2016 г. рост импортируемого сырья для производства конечной продукции в республике в фактических ценах по сравнению с 2011 г. составил 159,3 % (табл. 3).

Таблица 3

Показатели условия образования макроэкономической прибыли в национальной экономике Азербайджана за период 2011–2016 гг. (фактические данные)

Table 3. Indicators of macroeconomic profit formation conditions in the national economy of Azerbaijan for the period 2011–2016 (actual data)

Год	Сальдо внешнеторгового баланса Y_{NX} , млрд AZN	Материальные затраты в сырьевых отраслях A_{RC} , млрд AZN	Импортируемое сырье Y_{II}^I , млрд AZN	Макроэкономическая прибыль P , млрд AZN
2011	19,466	4,290	0,713	14,463
2012	19,253	4,688	0,813	13,752
2013	17,360	4,582	0,799	11,979
2014	16,498	4,645	0,677	11,175
2015	7,568	5,360	0,838	1,371
2016	7,319	5,152	1,593	0,574

Источники: [43, табл. 13; 44, табл. 1] / Sources [43, table 13, 44, table 1]

Таким образом, за 2011–2016 гг. снижение сальдо внешнеторговых операций, а также рост материальных затрат сырьевых отраслей, рост импортируемого сырья для производства конечной продукции в республике, способствовали сокращению макроэкономической прибыли в национальной экономике Азербайджана.

Исследованием установлено, что за 2011–2016 гг. макроэкономическая прибыль, образованная в национальной экономике Азербайджана, устойчиво снижалась. За рассматриваемый период ежегодно макроэкономическая прибыль в фактических ценах снижалась в среднем на -3,068 млрд AZN или на -21,2 %. Анализы показывают, что в 2011 г. макроэкономическая прибыль в фактических ценах составила 14,463 млрд AZN. В 2015 г. макроэкономическая прибыль по сравнению с 2011 г в фактических ценах снизилась в 10,6 раз, составив 1,371 млрд AZN. А в 2016 г макроэкономическая прибыль по сравнению с 2011 г в фактических ценах снизилась в 25,2 раз, составив всего 0,574 млрд AZN.

Причинами сокращения макроэкономической прибыли за 2011–2016 гг. стало как снижение сальдо внешнеторгового баланса Y_{NX} , так и рост материальных затрат сырьевых отраслей национальной экономики A_{RC} и импортируемого сырья для производства конечной продукции Y_{II}^I .

Нами рассчитан баланс снижения макроэкономической прибыли в сумме в 1,0 млрд AZN как регрессионное тождество

$$-1,000\Delta P_S = -0,822\Delta Y_{NX} + (-0,117)\Delta A_{RC} + (-0,060)\Delta Y_{II}^I \quad (14)$$

Соотношение (14) показывает, что снижению макроэкономической прибыли P_S в национальной экономике Азербайджана за 2011–2016 гг. в сумме, в среднем на 1,0 млрд AZN, способствовали:

- сокращение сальдо внешнеторговых операций Y_{NX} в сумме -0,822 млрд AZN;
- рост материальных затрат сырьевых отраслей A_{RC} в сумме -0,117 млрд AZN;
- рост импортируемого сырья для производства конечной продукции в республике Y_{II}^I в сумме 0,060 млрд AZN.

Таким образом, снижение за 2011–2016 гг. макроэкономической прибыли формировало угрозу функционирования национальной экономики Азербайджана.

Заключение

По основным условиям макроэкономической модели безопасного функционирования национальной экономики страны получены следующие результаты:

- в начале нового цикла функционирования экономики Азербайджана (2001–2037 гг.) сформировался этап снижения темпов роста экономики и начала колебаний между этапами роста и застоя;

- значение коэффициента α способности к саморазвитию национальной экономики Азербайджана за 2011–2016 гг. колебалось в интервале (-0,389; 0,900) и имело тенденцию к снижению. За исследуемый период среднегодовой темп снижения коэффициента α составил (-0,101);
- за период 2011–2016 гг. сальдо внешнеторгового баланса в национальной экономике Азербайджана являлось положительным. Однако в течение 2011–2016 гг. сальдо внешнеторгового баланса ежегодно устойчиво, в среднем -17,5 % снижаясь, начало формировать угрозу функционированию национальной экономики республики в целом;
- ежегодное снижение за 2011–2016 гг. макроэкономической прибыли в среднем на -21,2 % начало формировать угрозу функционирования национальной экономики Азербайджана.

По нашему мнению, методы и инструментарии либеральной экономической политики государственного регулирования национальной экономики на этапе развития циклического функционирования, не способствуют устранению угроз экономике страны. Считаем, что на этапе замедления темпов роста и наступлении этапа застоя необходимо вмешательство государства в процесс функционирования национальной экономики в форме активного государственного управления в целях устранения ожидаемых экономических угроз.

Библиографический список

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утвержден Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 04.03.2019).
2. Закон Азербайджанской Республики «О национальной безопасности» [«Milli təhlükəsizlik haqqında» Azərbaycan Respublikasının Qanunu] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dtx.gov.az/pdf/qanunlar/> (дата обращения: 12.04.2019).
3. Абалкин, Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
4. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. (Вступит. Статья и коммент. канд. экон. наук Афанасьева В.С.) М., Соцэкгиз, 1962. 684 с.
5. Акселератор. БСЭ. Третье издание, Т.1. Москва, издательство «Советская энциклопедия», 1970 г., стр. 1 003–1 004.
6. Афталион, А. Периодические движения производства. Опыт построения теории / Периодические кризисы перепроизводства в 2-х т. Т.2. Перевод с французского проф. М.Н. Соболева М.–Л. ГИЗ, 1930. 248 с.
7. Афонцев, С. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 10. С. 30–39.
8. Бабаева, З. Г. Сущность и система экономической безопасности Азербайджанской Республики // Bakı Universitetinin xəbərləri, Sosial-siyasi elmlər seriyası. 2012. № 4. С. 118–126.
9. Бронштейн, И. Н., Семендяев, К. А. Справочник по математике для инженеров и студентов втузов. 13-е изд., исп. Москва, изд. Наука, гл. ред. физ.-мат. лит. 1986. С. 418–419.
10. Глазьев, С. Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал. 1997, № 1, С. 3–19.
11. Илларионов, А. Н. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 35–58.
12. Койчев, Н. Трансформации в Болгарии: результаты, ошибки, перспективы // Проблемы теории и практики управления, № 4, 2001, С. 28–34.
13. Куклинский, А. Экономические преобразования в Польше: опыт и перспективы (1990–2010) // Проблемы теории и практики управления. № 1. 2001. С. 27–31.
14. Арин, О. Россия на обочине мира: публицистика. М.: Лиор, 1999. 292 с.
15. Общая теория статистики. Под ред. засл. деят. н. РСФСР, проф. Боярского, А. Я. Москва, изд. Московского Университета, 1977. С. 165–170.
16. Речь президента Трампа США о стратегии национальной безопасности от 18 декабря 2017 года. Национальная безопасность и оборона [Электронный ресурс]. – Режим: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-administrations-national-security-strategy/> (дата обращения: 23.02.2019).

References

1. Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda. Utverzhdenn ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 12 maya 2009 g. № 537 [The national security strategy of the Russian Federation until 2020. Approved by the decree of the President of the Russian Federation dated on May 12, 2009 No. 537]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (accessed 04.03.2019).
2. Zakon Azerbaydzhanskoi Respubliki “O natsional’noi bezopasnosti” [Law of the Republic of Azerbaijan “On National Security”]. Available at: <http://www.dtx.gov.az/pdf/qanunlar/> (accessed 12.04.2019).
3. Abalkin L. I. Ekonomicheskaya bezopasnost’ Rossii: ugrozy i ikh otrazheniye [Russia’s economic security: threats and their reflection], Voprosy ekonomiki [Economic issues], 1994, no. 12, pp. 4–13.
4. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [Research on the nature and causes of the wealth of nations], Vstupit. Stat’ya i komment. kand. ekon. nauk Afanas’eva V. S. [Join Article and comments. Cand. econ Sciences Afanaseva V.S]. M., Sotsekgiz, 1962. 684 p.
5. Akselerator [Accelerator], BSE. Tret’e izdanie, T.1. Moskva, Izd-vo “Sovetskaya entsiklopediya”, Moscow, publishing house “Soviet Encyclopedia”, 1970, pp.1003–1004.
6. Aftalion A. Periodicheskie dvizheniya proizvodstva. Opyt postroeniya teorii [Periodic production movements. Experience building a theory], Periodicheskiye dvizheniya proizvodstva v 2-kh tt. T.2. Perevod s fr. prof. M. N. Soboleva. [Periodic crises of overproduction in 2 vols. T.2. Translation from French by prof. M. N. Sobolev], M.–L. GIZ 1930. 248 p.
7. Afontsev S. Natsional’naya ekonomicheskaya bezopasnost’: naputi k teoreticheskomu konsensusu [National Economic Security: Towards Theoretical Consensus], Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations], 2002, no. 10, pp. 30–39.
8. Babayeva Z. G. Sushchnost’ i sistema ekonomicheskoi bezopasnosti Azerbaydzhanskoi Respubliki [Essence and economic security system of the Republic of Azerbaijan], Bakı Universitetinin xəbərləri, Sosial-siyasi elmlər seriyası [News of Baku University, Sociopolitical sciences series], 2012, no. 4, pp. 118–126.
9. Bronshtein I. N., Semendyaev K. A. Spravochnik po matematike dlya inzhenerov i studentov vtuzov [Handbook of mathematics for engineers and students of technical colleges], 13-ye izd., isp. Moskva, izd. Nauka, gl. red. fiz.-mat. lit. 1986, pp. 418–419.
10. Glaz’ev S. Yu. Osnova obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti strany: al’ternativnyy reformatsionny kurs [The Basis for Ensuring the Economic Security of a Country: An Alternative Reforming Course], Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal], 1997, no. 1, pp. 3–19.
11. Illarionov A. N. Kriterii ekonomicheskoi bezopasnosti [Criteria of economic security], Voprosy ekonomiki [Economic issues], 1998, no. 10, pp. 35–58.
12. Koichev N. Transformatsii v Bolgarii: rezul’taty, oshibki, perspektivy [Transformations in Bulgaria: Results, Errors, Prospects], Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management], 2001, no. 4, pp. 28–34.
13. Kuklinskii A. Ekonomicheskiye preobrazovaniya v Pol’she: opyt i perspektivy (1990–2010 gg.) [Economic Transformations in Poland: Experience and Prospects (1990–2010)],

17. Риккардо, Д. О внешней торговле. Начало политической экономики и налогового обложения. Сочинения. Пер. под ред. член-корр. АН СССР М.Н. Смит. Т.1. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1955. С. 112–129.
18. Гумбатова, С. И.-гызы. Динамика индикаторов экономической безопасности Азербайджана. Экономические науки. 2012. № 1(86). С. 216–223.
19. Сенчагов, В. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России. Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 97–106.
20. Манн, Т. Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства / Хрестоматия по экономической теории. Составитель д.э.н., проф. Борисов, Е. Ф. М.: Юрист. 2000. С. 9–12.
21. Харрод, Р. К теории экономической динамики: новые выводы экономической теории и их применение в экономической политике. М.: Гелиос АРВ, 2011.
22. Хекшер, Э. Ф. Влияние внешней торговли на распределение дохода / Под ред. А. П. Киреева. Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. С. 154–173.
23. Гасанов, Р. Т. Конституционные основы рыночной модели социально-экономического развития Азербайджанской Республики. Баку, 1998. С. 241–244. (на азерб. яз.).
24. Аббасов, А. Ф. Стратегическая цель экономической безопасности страны и задачи структурной политики// Институт Экономики НАНА. Тезисы научно-практической конференции «Независимый Азербайджан в первом тысячелетии третьего тысячелетия», 26 мая 2001 г. Баку, 2001. 561 с. (на азерб. яз.).
25. Алиев, Б. А. Особенности экономической безопасности Азербайджанской республики в условиях перехода к рыночной экономике//Институт экономики НАНА. Сборник научных трудов. № 11. № 4. С. 15–21. (на азерб. яз.).
26. Алиев, Б. А. Экономическая безопасность основная составляющая национальной безопасности Азербайджанской Республики//Институт экономики НАНА. Сборник научных трудов. 2011. № 3. С. 19–23. (на азерб. яз.).
27. Асланов, Г. Г, Алиева, Н. И. Экономическая безопасность — основное достижение государственной независимости Азербайджана//Новости Бакинского университета. Серия: социологические и политические науки. 2012. № 4. С. 99–110. (на азерб. яз.).
28. Офинов, А. О. К вопросу об экономической безопасности Таджикистана//АХБОРИ ДДХБСТ. 2009. № 2 (38). С. 58–64.
29. Эйюбов, М. Р. Закон о постоянном существовании бедных стран в мире. Тезисы вступлений. Материалы международного научно-практического симпозиума: Турецкий мир, Азербайджан и Турция в направлении тенденций современного развития мира (на азербайджанском языке), АГЭУ и ЦИТМ, Баку, 2004. С. 21.
30. Гафаров, Ш. С. Политические и экономические интересы в условиях глобализации//Новости НАНА. Серия гуманитарных и социальных наук (экономика). 2008. № 4. Р. 9–11.
31. Эйюбов, М. Р. Циклическое функционирование экономической системы Азербайджана и прогнозирование будущего//Кавказ и Центральная Азия в процессе Problemy teorii i praktiki upravleniya [*Problems of Theory and Practice of Management*], 2001, no. 1, pp. 27–31.
14. Arin O. Rossiya na obochine mira: publitsistika [*Russia on the sidelines of the world: journalism*], M.: Linor, 1999. 292 p.
15. Obshchaya teoriya statistiki. Pod red. Zasl. Deyat. Nauki RSFSR, prof. Boyarskogo A.Ya. [*General theory of statistics. Ed. Acc. Do Sciences of the RSFSR, prof. A. Ya. Boyarsky*], Moscow, izd. Moskovskogo Universiteta, 1977, pp. 165–170.
16. Rech' Prezidenta Trampa SSHA o Strategii natsional'noi bezopasnosti ot 18 dekabrya 2017 goda [*US President Trump Speech on December 18, 2017 on National Security Strategies*], Natsional'naya Bezopasnost' i Oborona [*National Security and Defense*]. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-administrations-national-security-strategy> (accessed 23.04.2019).
17. Rikkardo D. O vneshnei torgovle. Nachalo politicheskoi ekonomii i nalogovogo oblozheniya [*On foreign trade. Beginning of political economy and taxation*], Writings Per. by ed. correspondent member USSR Academy of Sciences M.N. Smith. T.1., State publishing house of political literature. Moscow 1955, pp. 112–129].
18. Gumbatova S.I.-gyzy. Dinamika indikatorov ekonomicheskoi bezopasnosti Azerbaydzhana [*Dynamics of economic security indicators of Azerbaijan*], Ekonomicheskie nauki [*Economic Sciences*], 2012, 1 (86), pp. 216–223.
19. Senchagov V. O sushchnosti i osnovakh strategii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [*On the Essence and Basics of the Strategy of Economic Security of Russia*], Voprosy ekonomiki [*Economic issues*], 1995, № 1, pp. 97–106.
20. Mann T. Bogatstvo Anglii vo vneshnei torgovle, ili Balans nashei vneshnei torgovli kak reguliator nashego bogatstva [*The wealth of England in foreign trade, or the balance of our foreign trade as a regulator of our wealth*], Khrestomatiya po ekonomicheskoy teorii. Sostavitel' Den, prof. Borisov Ye.F. [*Reader on the economic theory. Compiled by Dan, prof. Borisov E.F.*], M.: Yurist, 2000, pp. 9–12.
21. Kharrod R. K teorii ekonomicheskoi dinamiki: novyye vyvody ekonomicheskoi teorii i ikh primenenie v ekonomicheskoi politike [*To the theory of economic dynamics: new conclusions of economic theory and their application in economic policy*], M.: Gelios ARV, 2011.
22. Kheksher E. F. Vliyaniye vneshnei torgovli na raspredeleniye dokhoda [*Impact of foreign trade on income distribution*], Pod red. A. P. Kireyeva, Vekhi ekonomicheskoi mysli [*Milestones of economic thought*], T. 6. Mezhdunarodnaya ekonomika. M.: TEIS, 2006. pp. 154–173.
23. Gasanov R. T. Kontseptual'nye osnovy rynochnoi modeli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Azerbaydzhanskoi Respubliki [*Conceptual basis of the market model of socio-economic development of the Republic of Azerbaijan*], pp. 241–244.
24. Abbasov A. F. Strategicheskaya tsel' ekonomicheskoi bezopasnosti strany i zadachi strukturnoi politiki [*The strategic objective of the country's economic security and structural policy objectives*], Azerbaydzhanskiy Institut Ekonomiki NANA. Tезisy nauchno-prakticheskoi konferentsii “Nezavisimyy Azerbaydzhan v pervom tysyacheletii tret'ego tysyacheletiya”, 26 maya 2001 g [*Azerbaijan Institute of Economics ANAS. Theses of the Scientific-practical conference on «Independent Azerbaijan in the first millennium of the third millennium». May 26, 2001*], Baku, 2001. 561 p.
25. Aliyev B. A. Osobennosti ekonomicheskoi bezopasnosti Azerbaydzhanskoi respubliki v usloviyakh perekhoda k rynochnoi ekonomike [*Features of economic security of the*

- глобализации. Экономические и международные отношения. Материалы II Международного научно-практического конгресса. Часть II, Кавказский университет. Баку, 2007, С. 693–699 (на азерб. яз.).
32. Эйюбов, М. Р. Особенности циклического характера функционирования экономики Азербайджана//Новости Национальной академии наук Азербайджана (НАНА). Экономическая серия 2013. № 3. С. 11–22.
 33. Самедова, В. М., Нифталиев, Н. Ф. Ситуация и направления развития экономической безопасности в Азербайджанской Республике//Институт экономики НАНА. Сборник научных трудов. 2010. № 3. С. 13–16.
 34. Ayyubov, M.R. Economic conceptual basic provisions of «Azerbaijan-2030: the State Program of sustainable development strategy»//International Journal of Economics and Society. 2016. V.2, I. 5 (March), ICES Foundation, Memphis USA, P. 122–127.
 35. Evsey, D. Domar Reviewed work(s)//The American Economic Review, 1944, V. 34. No. 4 (Dec.). P. 798–827.
 36. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth//The Quarterly Journal of Economics. 1956. February V.70, No.1. P. 65–94.
 37. Народное хозяйство Азербайджанской ССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. Азербайджанское Государственное Издательство. Баку 1982. 358 с.
 38. Народное хозяйство Азербайджана в 1987 году. Статистический ежегодник. Б.: Азернешр, 1988. 323 с.
 39. Народное хозяйство Азербайджана в 1990 году. Статистический ежегодник. Б.: Азернешр, 1988. 424 с.
 40. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. National accounts of Azerbaijan. Statistical yearbook 2001. Official publication. Baku, 2001. 309 p.
 41. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. National accounts of Azerbaijan. Statistical yearbook 2005. Official publication. Baku, 2005. 191 p.
 42. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. National accounts of Azerbaijan. Statistical yearbook 2011. Official publication. Baku, 2011. 159 p.
 43. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. National accounts of Azerbaijan. Statistical yearbook 2018. Official publication. Baku, 2018. 160 p.
 44. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. The foreign trade of Azerbaijan 2018. Official publication. Baku, 2018. 220 p.
 26. Aliyev B. A. Ekonomicheskaya bezopasnost' osnovnaya sostavlyayushchaya natsional'noi bezopasnosti Azerbaydzhanskoi Respubliki [*Economic security is the main component of the national security of the Republic of Azerbaijan*], AMEA İqtisadiyyat İnstitutu. Elmi əsərlər toplusu [*Institute of Economics of ANAS. Collection of scientific works*], 2011, no. 4, pp. 15–21.
 27. Aslanov G. G., Aliyeva N. I. Ekonomicheskaya bezopasnost' — osnovnoie dostizheniie gosudarstvennoi nezavisimosti Azerbaydzhana (na azerbaydzhanskom yazyke) [*Economic security is the main achievement of the state independence of Azerbaijan (in Azerbaijani language)*], Bakı Universitetinin xəbərləri, Sosial-siyasi elmlər seriyası [*News of Baku Univ., Series of Sociological and Political Sciences*], 2012, no. 4, pp. 99–110.
 28. Ofirov A. O. K voprosu ob ekonomicheskoi bezopasnosti Tadzhikistana [*On the issue of the economic security of Tajikistan*], AKHBORI DDKHBST [AHBORI DDHBST], 2009, no. 2 (38), pp. 58–64.
 29. Eyyubov M. R. Zakon o postoyannom sushchestvovanii bednykh stran v mire [*The law on the permanent existence of poor countries in the world*], Tezisy vstuplenii. Materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma: Turetskii mir, Azerbadzhan i Turtsiya v napravlenii tendentsii sovremennogo razvitiya mira (na azerbaydzhanskom yazyke) [*Abstracts of introductions. Materials of the international scientific-practical symposium: Turkish world, Azerbaijan and Turkey in the direction of the trends of the modern development of the world (in the Azerbaijani language)*], AGEU i TSITM, Baku, 2004, 21 p.
 30. Gafarov Sh. S. Politicheskie i ekonomicheskie interesy v usloviyakh globalizatsii [*Political and economic interests in the context of globalization*], Novosti NANA. Seriya humanitarnykh i sotsial'nykh nauk (ekonomika) [*News of ANAS. Series of Humanities and Social Sciences (Economics)*], 2008, no. 4, pp. 9–11.
 31. Eyyubov M. R. Tsiklicheskie funktsionirovaniye ekonomicheskoi sistemy Azerbaydzhana i prognozirovaniye budushchego [*Cyclical functioning of the economic system of Azerbaijan and forecasting the future*], Kavkaz i Tsentral'naya Aziya v protsesse globalizatsii. Ekonomicheskie i mezhdunarodnye otnosheniya. Materialy II Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kongressa. Chast' II, Universitet Kafkaz. (na azerbaydzhanskom yazyke) [*Caucasus and Central Asia in the globalization process. Economic and international relations. Materials of II International Science-practical congress. Part II, Qafqaz University. (in Azeri language)*], Baku, 2007, pp. 693–699.
 32. Eyyubov M. R. Osobennosti tsiklicheskogo kharaktera funktsionirovaniya ekonomiki Azerbaydzhana [*Features of a cyclical nature of the functioning of the economy of Azerbaijan*], Novosti Natsional'noy Akademii Nauk Azerbaydzhana. Ekonomicheskaya seriya [*News of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. Economy Series*], 2013, no. 3, pp. 11–22.
 33. Samedova V. M., Niftaliyev N. F. Situatsiya i napravleniya razvitiya ekonomicheskoi bezopasnosti v Azerbaydzhanskoi Respublike [*Situation and development directions of economic security in the Republic of Azerbaijan*], Institut ekonomiki NANA. Sbornik nauchnykh trudov [*Institute of Economics of ANAS. Collection of scientific works*], 2010, no. 3, pp. 13–16.
 34. Ayyubov M. R. Economic conceptual basic provisions of «Azerbaijan-2030: the State Program of sustainable development strategy» [Ayyubov M.R. Ekonomicheskiye kontseptual'nyye osnovnyye polozheniya «Azerbaydzhan-2030:

- Gosudarstvennaya programma strategii ustoichivogo razvitiya*”], *International Journal of Economics and Society* [Mezhdunarodnyy zhurnal ekonomiki i obshchestva], 2016, vol. 2, issue 5 (March), pp. 122–127.
35. Evsey D. Domar Otzyv o rabote (rabotakh) [*Domar Reviewed work(s)*], *The American Economic Review*, 1944, vol. 34, no. 4 (Dec.), pp. 798–827.
 36. Solow R. M. A contribution to the theory of economic growth, *The Quarterly Journal of Economics*, 1956, February, vol. 70, no. 1, pp. 65–94.
 37. Narodnoe khozyaistvo Azerbaydzhanskoi SSR za 60 let. Yubileinyi statisticheskiy yezhegodnik [*The national economy of the Azerbaijan SSR for 60 years. Jubilee statistical yearbook*], Azerbaydzhanskoye Gosudarstvennoe Izdatel'stvo. Baku 1982. 358 p.
 38. Narodnoe khozyaistvo Azerbaidzhana v 1987 godu [*The national economy of Azerbaijan in 1987*] Statisticheskiy yezhegodnik. B.: Azerneshr, 1988. 323 c.
 39. Narodnoe khozyaistvo Azerbaidzhana v 1990 godu [*The national economy of Azerbaijan in 1990*], Statisticheskiy yezhegodnik. B.: Azerneshr, 1988. 424 p.
 40. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. National accounts of Azerbaijan. Statistical yearbook 2001, Official publication. Baku, 2001, 309 p.
 41. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. National accounts of Azerbaijan. Statistical yearbook 2005, Official publication. Baku, 2005, 191 p.
 42. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. National accounts of Azerbaijan. Statistical yearbook 2011, Official publication. Baku, 2011, 159 p.
 43. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. National accounts of Azerbaijan. Statistical yearbook 2018, Official publication. Baku, 2018, 160 p.
 44. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. The foreign trade of Azerbaijan 2018, Official publication, Baku, 2018. 220 p.

Интеграция инвестиционных стратегий в систему стратегического планирования развития территорий

Кожевина Ольга Владимировна

д-р экон. наук, Институт экономики и антикризисного управления, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-5347-2253, e-mail: ol.kozhevina@gmail.com

Аннотация

Рассмотрены вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности на уровне субъектов Российской Федерации. Цель исследования – изучение стратегических документов в сфере инвестиционной деятельности субъектов Российской Федерации и нормативной базы. Объектом исследования является механизм стратегического планирования инвестиционного развития территорий. Как показало эмпирическое исследование реализации инвестиционных процессов в российских регионах, правовое регулирование неоднородно, но в целом хорошо представлено и позволяет улучшать инвестиционный климат и способствовать привлечению инвестиций, а также в определенной степени оказывать влияние на обеспечение экономической безопасности регионов. Изучен опыт функционирования специализированных организаций по привлечению инвестиций и работе с инвесторами, организации государственно-частного партнерства на региональном уровне. Представлен алгоритм утверждения инвестиционных проектов территориального развития.

На примере крупного российского региона – Алтайского края – рассмотрены положения и принципы инвестиционной декларации субъекта, такие как равенство субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности, вовлеченность субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности в инвестиционный процесс, прозрачность (открытость) информации, применение лучших практик работы с инвесторами. Определен комплекс внутренних мер и инструментов реализации эффективной инвестиционной политики на региональном уровне. Также уделено внимание актуальному вопросу заключения концессионных соглашений, как способу развития территорий и реализации инфраструктурных проектов. Предложены внутренние меры повышения инвестиционной привлекательности российских регионов, в частности необходимы трансформация делового климата, повышение ответственности региональных органов исполнительной власти за инвестиционное развитие территорий и создание благоприятного инвестиционного климата, обеспечение доступности источников долгосрочного финансирования при реализации инвестиционных проектов, развитие венчурного финансирования и краудфандинга.

Ключевые слова: инвестиции, правовое регулирование, стратегии, региональное развитие, инвестиционный климат, инвестиционная декларация, стратегическое планирование.

Цитирование: Кожевина О.В. Интеграция инвестиционных стратегий в систему стратегического планирования развития территорий//Управление. 2019. № 2. С. 87–94.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-010-00135.

© Кожевина О.В., 2019. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Integration of investment strategies in the system of strategic planning of territorial development

Kozhevina Olga

Doctor of Economic Sciences, Institute of Economics and Crisis Management, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0001-5347-2253, e-mail: ol.kozhevina@gmail.com

Abstract

The issues of legal regulation of investment activity at the level of the Federation entities of the Russian Federation have been considered. The purpose of the research is the study of strategic documents in the field of investment activities of the Federation entities of the Russian Federation and the regulatory framework. The object of the research is the mechanism of strategic planning of investment development of territories. An empirical study of the implementation of investment processes in Russian regions has showed, that legal regulation is heterogeneous, but in general, well presented and allows improving the investment climate and encouraging investment, as well as to some extent influencing the economic security of the regions. The experience of the functioning of specialized organizations to attract investment and work with investors, the organization of public-private partnership at the regional level has been studied. The algorithm of approval of investment projects of territorial development has been presented.

On the example of a large Russian region - the Altai Territory - the provisions and principles of the investment declaration of the subject, such as equality of the subjects of entrepreneurial and investment activities, involvement of subjects of entrepreneurial and investment activities in the investment process, transparency (openness) of information, the use of best practices of work with investors have been considered. A set of internal measures and instruments for the implementation of an effective investment policy at the regional level has been determined. Attention has been paid also to the relevant issue of concluding concession agreements as a way to develop territories and implement infrastructure projects. Internal measures have been proposed to increase the investment attractiveness of the Russian regions, in particular, are necessary the transformation of the business climate, increasing the responsibility of regional executive authorities for the investment development of territories and creating a favorable investment climate, ensuring the availability of long-term financing sources for investment projects, the development of venture financing and crowdfunding.

Keywords: investments, legal regulation, strategies, regional development, investment climate, investment declaration, strategic planning.

For citation: Kozhevina O.V. Integration of investment strategies in the system of strategic planning of territorial development (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 87–94. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-87-94

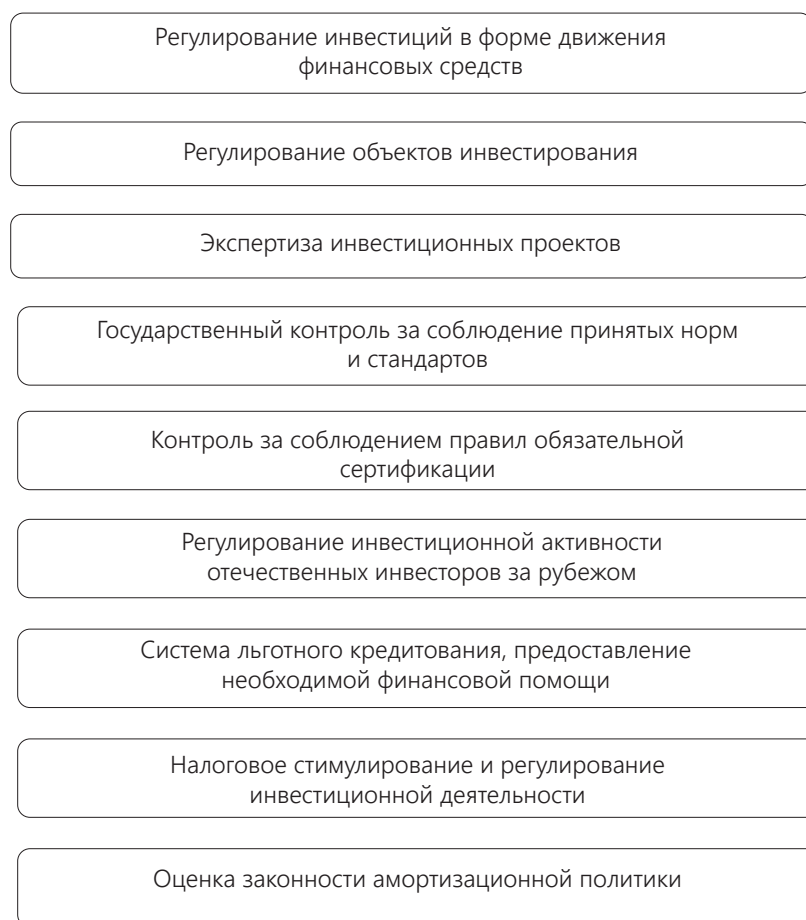
Инвестиции играют существенную роль в модернизации и обновлении материально-технической базы, повышении конкурентоспособности предприятий и отраслей, стимулировании экономического роста. Для инвесторов инвестиционный климат в России не является максимально благоприятным и привлекательным, и причины носят тройственный характер: во-первых, турбулентная макроэкономическая ситуация, продолжающиеся санкционные ограничения; во-вторых — институциональные: непрозрачность процедур, коррупции, несовершенстве правоохранительной системы; в-третьих — мотивационные: высокие риски долгосрочных вложений, длинный срок окупаемости капитальных вложений, низкая заинтересованность в развитии внутреннего рынка и высокая привлекательность зарубежных активов.

Законодательная база инвестиционной деятельности должна опираться на комплекс мер бюджетной, кредитной, налоговой, страховой политики, взаимовлияющих и взаимосвязанных при их реализации, а также на четкую систему организации

и управления инвестиционным процессом со стороны органов государственной власти [9; 10].

Методы правового регулирования инвестиционной деятельности в России представлены на рисунке 1.

Агентством стратегических инициатив в 2012 г. разработан Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации (далее — РФ) по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе [13]. На начало 2019 г. в 82-х регионах России завершили внедрение положения указанного стандарта. В 3-х регионах инвестиционная стратегия включена в стратегию социально-экономического развития субъекта в связи с вступившим в силу Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», которым определен исчерпывающий перечень документов стратегического планирования [1]. По состоянию на 1 апреля 2019 г., инвестиционная стратегия находится в стадии утверждения в Санкт-Петербурге, Республике Крым и г. Севастополе.

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

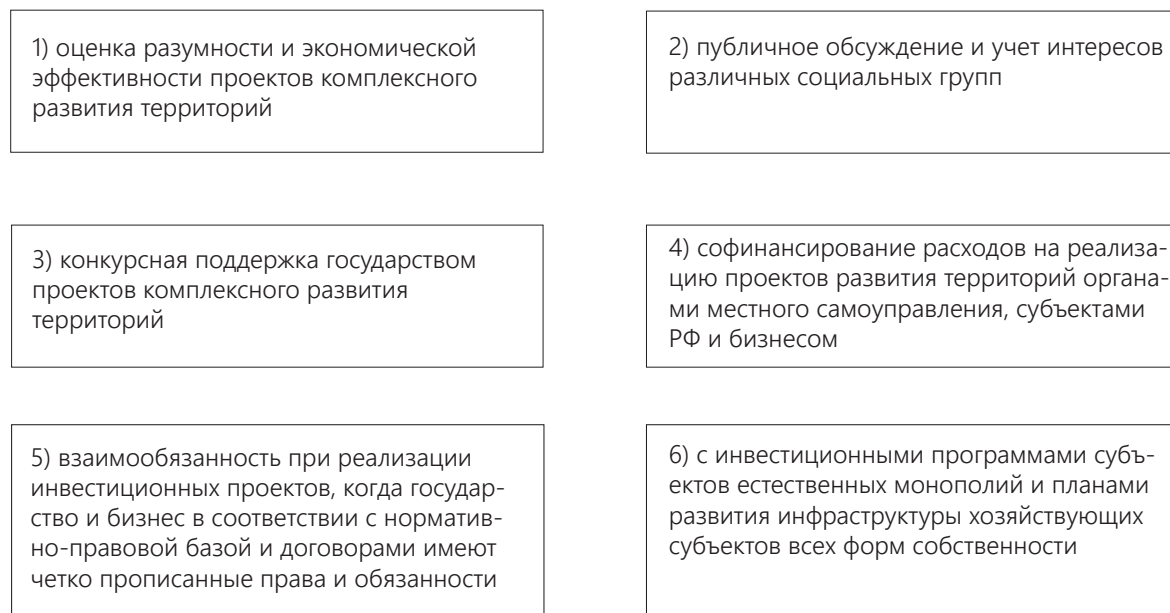
Рис. 1. Методы правового регулирования инвестиционной деятельности в России
Figure 1. Methods of legal regulation of investment activity in Russia

В российских регионах созданы специализированные организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами, организации государственно-частного партнерства. Так, например, это в Белгородской области ОАО «Корпорация развития»; в Брянской – ГБУ «Агентство по сопровождению инвестиционных проектов»; в Воронежской – ОГБУ «Агентство по инвестициям и стратегическим проектам»; в Ивановской – ГУП «Инвестиционное агентство Ивановской области»; в Московской – ОАО «Корпорация развития Московской области»; в Москве – ГБУ «Городское агентство управления инвестициями», ГБУ «Центр инновационного развития», ГБУ «Малый бизнес Москвы»; в Санкт-Петербурге – СПб ГБУ «Агентство стратегических инвестиций»; в Краснодарском крае – Некоммерческое партнерство «Агентство содействия инвестированию и развитию инноваций»; в Республике Ингушетия – АНО «Агентство инвестиционного развития Республики Ингушетия»; в Ставропольском крае – ГУП «Инвестиционного и инновационного развития Ставропольского края»; в Свердловской области – Инвестиционное агентство Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства, ОАО «Корпорация развития Среднего Урала»; в Новосибирской – ОАО «Агентство инвестиционного развития Новосибирской области»; в Алтайском крае – Краевое автономное учреждение «Алтайский центр государственно-частного партнерства и привлечения инвестиций»; в Приморском крае – АНО «Инвестиционное Агентство Приморского края»;

в Крыму – ГАУ Республики Крым «Центр инвестиций и регионального развития»; в Севастополе – ГКУ «Севастопольский центр инвестиций и развития» и другие.

В субъектах РФ должна быть формализованная процедура рассмотрения вопросов развития (девелопмента) территории, включая создание индустриальных парков и технопарков, представляющая алгоритм (рис. 2):

Инвестиционные декларации регионов, как правило, унифицированы. Например, основные положения инвестиционной декларации одного из регионов Сибирского федерального округа – Алтайского края, участвующего в реализации пилотных проектов повышения производительности труда, следующие: «инвестиционная декларация разработана в целях повышения инвестиционной привлекательности Алтайского края» и создания в регионе благоприятных условий ведения инвестиционной и предпринимательской деятельности [5]. Деятельность органов государственной власти региона по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе строится на основе следующих принципов: равенство субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности; вовлеченность субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности в инвестиционный процесс; прозрачность (открытость) информации; применение лучших практик работы с инвесторами.

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 2. Алгоритм утверждения инвестиционных проектов территориального развития
Figure 2. Algorithm of approval of investment projects of territorial development

В последнее время получили широкое распространение для реализации инфраструктурных инвестиционных проектов концессионные соглашения в рамках государственно-частного или муниципального-частного партнерства [2; 12]. Исходя из норм Федерального закона № 115-ФЗ от 21 июля 2005 г. «О концессионных соглашениях», целью государственно-частного партнерства является, с экономической точки зрения, стимулирование привлечения частных инвестиций в производство услуг, работ и потребительских товаров, которые должны быть обеспечены публично-правовыми образованиями за счет средств соответствующих бюджетов, а также сокращения участия государства в экономическом обороте, когда те же задачи могут быть выполнены бизнесом [2]. Государственно-частное партнерство на основе концессионных соглашений — один из способов развития общественной инфраструктуры, основанный на долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса, при котором частная сторона участвует не только в проектировании, финансировании, строительстве или реконструкции объекта инфраструктуры, но и в его последующей эксплуатации (предоставление услуг на созданном объекте) и (или) техническом обслуживании [11].

По данным Национальной ассоциации концессионеров и долгосрочных инвесторов в инфраструктуру на начало 2019 г. количество концессионных проектов в России составило 59 с суммарным объемом инвестиционных обязательств в размере 545,4 млрд рублей (рис. 3).

Общественно значимые инфраструктурные проекты сложны как с финансового, так и с формального (юридического, технического) аспектов. Несмотря на принятие Федерального закона № 115-ФЗ, требуется совершенствование данного инструмента внебюджетного финансирования, повышения прозрачности [2]. Нередки судебные споры, которые связаны с неурегулированным порядком предоставления концессионеру земельных участков из государственной (муниципальной) собственности под проекты, реализуемые на основании концессионных соглашений. Оптимизировать процесс отбора концессионеров для участия в конкурсах, выявлять опытных и ответственных лиц (компаний). В целях повышения привлекательности концессионного проекта для инвестора четко определить имущественные объекты, переходящие и нет в собственность концессионера при осуществлении деятельности по концессионному соглашению.

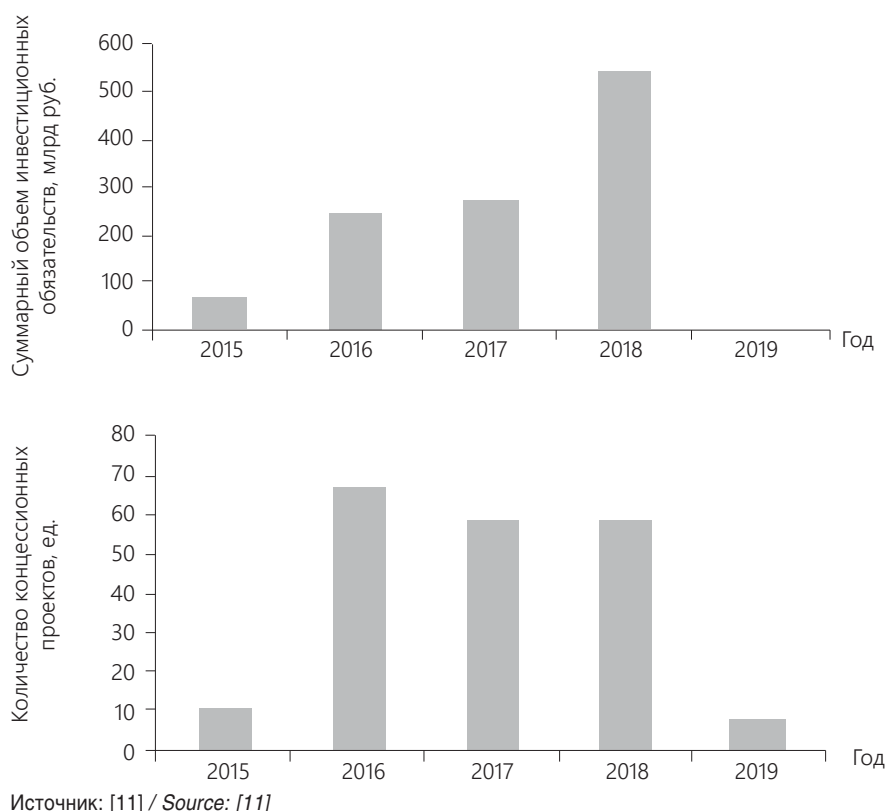

Рис. 3. Динамика заключения концессионных проектов в России за 2015–2019 гг.
Figure 3. Dynamics of concession projects in Russia for 2015–2019

Для достижения национальной цели «Вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов», обозначенной в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и основных направлениях деятельности Правительства РФ на период до 2024 г., необходимо повысить факторную производительность отраслей экономики, особенно системообразующих отраслей, а также обеспечить ускоренный рост инвестиций, в том числе посредством широкого использования инструментов государственно-частного партнерства [3]. В прогнозе социально-экономического развития РФ на период до 2036 г. в числе ключевых индикаторов — прирост промышленного производства 2,9 % ежегодно.

В рамках внутренних мер необходимы трансформация делового климата, повышение ответственности региональных органов исполнительной власти за инвестиционное развитие территорий и создание благоприятного инвестиционного климата, обеспечение доступности источников долгосрочного финансирования при реализации инвестиционных проектов и мегапроектов (групп проектов, связанных между собой; масштабных проектов), развитие венчурного финансирования и краудфандинга.

Трансформация делового климата и институтов развития

Согласно рейтингу Всемирного банка Doing Business по показателям «Легкость ведения бизнеса», «Получение кредитов», «Международная торговля», «Налогообложение» Россия занимает в 2018 г. по первому показателю 31 место, по второму — 22, по третьему — 99, по четвертому — 53, отставая от стран Сингапур, Дания, США, Канада, Великобритания, Германия, Грузия. Утвержден план мероприятий «Трансформация делового климата» (Распоряжение Правительства РФ от 17.01.2019 г. № 20-р), в котором предусмотрены смягчение контрольно-надзорных процедур, упрощение проверок, снижение административного давления и отчетности субъектов бизнеса, инициативы направлены на обеспечение устойчивого развития и создание условий экономического роста, экологическую безопасность [4; 6; 7; 8]. Наиболее важными вопросами трансформации делового климата являются цифровизация госуслуг, упрощение межведомственного взаимодействия и создание

условий для развития бизнеса и защиты предпринимательства, развитие человеческого капитала и повышение производительности труда. Данные мероприятия целесообразно широко обсуждать на площадках Торгово-промышленной палаты РФ (далее — ТПП РФ) с привлечением заинтересованных сторон, бизнес-сообщества, образовательных и исследовательских учреждений. Рассмотрим подробно следующие мероприятия.

1. Повышение ответственности региональных органов исполнительной власти (РОИВ) за инвестиционное развитие территорий и создание благоприятного инвестиционного климата, взаимодействие с региональными площадками АСИ, региональными ТПП РФ.

Бизнес-сообществом неоднократно отмечалось, что региональные власти несут личную ответственность за инвестиционный климат, внедрение успешных практик маркетинга территорий и привлечения инвестиций. В соответствии с Федеральным законом № 172-ФЗ в ряде регионов разработаны самостоятельные стратегии инвестиционного развития, но этот опыт не носит повсеместного характера [1]. При активном участии ТПП РФ необходимо инициировать вопросы разработки региональных законодательных актов, регулирующих инвестиционную деятельность субъекта РФ, систематизации и унификации документов стратегического планирования на уровне субъектов РФ, в частности инвестиционного планирования, достижения целевых показателей, а также разработки инвестиционных стратегий и паспортов регионов и муниципальных образований, так, ТПП РФ в 2012 г. подготовлены методические рекомендации по разработке стратегий инвестиционного развития муниципальных образований. В целях методического сопровождения инвестиционных управленческих решений на региональном уровне, целесообразно совместно с экспертами ТПП РФ разработать методические рекомендации по разработке стратегий инвестиционного развития субъектов РФ, определении регионального инвестиционного потенциала и рисков факторов, стратегически значимых количественных и качественных характеристик инвестиционного развития, источников финансирования и региональных институтов развития (специализированных организаций).

2. Обеспечение доступности источников долгосрочного финансирования при реализации инвестиционных проектов и мегапроектов. Направление средств Фонда национального благосостояния на финансирование социально и экономически значимых инвестиционных проектов. Совершенствование механизмов участия банков (ВТБ, Россельхозбанк, Росбанк и пр.) в финансировании проектов по ключевым направлениям

промышленно-технологического развития (рынки НТИ), инфраструктурных проектов.

Реализация инфраструктурных проектов способствует снижению производственных затрат, росту валового внутреннего/регионального продукта, усилению конкуренции, решению проблем занятости населения и смягчения пространственной поляризации, увеличению притока инвестиций, реорганизации землепользования, возможности развития труднодоступных территорий (арктическая зона России, Дальний Восток, степная зона России). Кумулятивный итог инфраструктурных инвестиций – увеличение производительности и экономической эффективности компаний, в России показатель «произведенный ВВП на одного рабочего» существенно ниже стран Организации экономического сотрудничества и развития.

3. Развитие венчурного финансирования.

В России законодательное регулирование венчурного финансирования слабо представлено относительно зарубежной практики, отсутствуют отдельные законодательные акты о венчурной деятельности. Законодательно не закреплены понятия «венчурный капитал», «венчурный инвестор», «венчурный инвестиционный фонд», «венчурная деятельность». В целом, несмотря на перспективность использования для развития наукоемких, высокотехнологичных производств и реализации уникальных инновационных проектов, венчурное инвестирование в России развито недостаточно. Кроме того, венчурное финансирование – высокорисковое с длительным

сроком окупаемости. Развитие венчурной индустрии способствует: активизации создания быстрорастущих инновационных предприятий; перераспределению финансовых ресурсов в экономике; созданию новых рабочих мест и занятости высококвалифицированных кадров в инновационно-технологической сфере; развитию фондового рынка. Необходимо нормативно-правовое регулирование в области венчурных инвестиций, создание российской нормативной базы в соответствии с мировыми стандартами осуществления коллективной инвестиционной деятельности.

Решению задачи ускорения роста инвестиций в основной капитал (капитальных вложений) будет способствовать активное взаимодействие Банка России, Министерства экономического развития России и ТПП РФ, которое предполагает синхронизацию интересов обеспечения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности всех субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Прежде всего, реализация инфраструктурных инвестиционных проектов в строительстве, транспорте, энергетике, жилищно-коммунальном хозяйстве, социальной сфере, развитии городской и цифровой инфраструктуры. В условиях изменения инвестиционного вектора России с США и Европы на страны Восточной Азии и Ближнего Востока, важно сбалансировать выгоды и риски привлечения инвестиций и выстраивания коммуникаций с крупными частными инвесторами и зарубежными финансовыми институтами.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 31.12.2017 №507-ФЗ)//СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 02.04.2019).
2. Федеральный закон от 02.07.2005 г. №115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (ред. от 27.12.2018)//СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 31.03.2019).
3. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»//СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 31.03.2019).
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.01.2019 г. № 20-р «Об утверждении плана мероприятий «Трансформация делового климата»//СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 04.04.2019).

References

1. Federal'nyi zakon ot 28.06.2014 g. № 172-FZ "O strategicheskoy planirovani v Rossiiskoi Federatsii" (red. ot 31.12.2017 №507-FZ) [Federal Law of the Russian Federation dated on 28 June 2014 No. 172-FZ "About strategic planning in the Russian Federation"]. Available: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (accessed 02.04.2019).
2. Federal'nyi zakon ot 02.07.2005 g. № 115-FZ "O kontsessionnykh soglasheniyakh" (red. ot 27.12.2018) [Federal Law of the Russian Federation dated on 02 July 2005 No. 115-FZ "About concession agreements"]. Available: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (accessed 31.03.2019).
3. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 g. № 204 "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda" [Presidential Decree of 07.05.2018, the number 204 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"]. Available: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (accessed: 31.03.2019)
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.01.2019 № 20-p "Ob utverzhdenii plana meropriyatii "Transformatsiya delovogo klimata", SPS "Konsul'tantPlyus" [Order of the Government of the Russian Federation of January 17, 2019,

5. Указ Губернатора Алтайского края от 19.04.2013 г. № 17 «Об инвестиционной декларации Алтайского края» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.altairegion22.ru/upload/DOC/news/invest.pdf> (дата обращения: 02.04.2019).
6. Вишняков, Я. Д., Киселева, С. П. Национальная идеология и эколого-ориентированное технологическое развитие России в XXI веке // Экология и промышленность России. 2016. Т. 20. № 4. С. 53–56.
7. Вишняков, Я. Д., Киселева, С. П. Национальная идеология — основа национального и технологического развития России // Эколого-ориентированное управление рисками и обеспечение безопасности социально-экономических и общественно-политических систем и природно-техногенных комплексов. Сборник материалов круглого стола, Государственный университет управления. М.: ГУУ, 2017. С. 41–44.
8. Мудрецов, А. Ф., Тулупов, А. С. Проблемы устойчивого развития России // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 5. С. 23–30.
9. Парфенова, Е. Н. Регулирование инвестиционных процессов в регионе: проблемы и перспективы // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 8 (179). Вып. 30/1. С. 18–25.
10. Терехова, Е. В. Правовое регулирование государственных инвестиций в Российской Федерации // Вопросы экономики и права. 2010. № 8. С. 31–37.
11. База данных о реализации концессионных соглашений в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://investinfra.ru/novosti/v-4-kvartale-2018-goda-v-rossii-zaklyucheno-10-koncessionnyh-soglasheniy-krupnoy-kategorii-na-obschuyu-summu-2408-mlrd-rublej.html> (дата обращения: 02.04.2019).
12. Рекомендации Минэкономразвития РФ по реализации проектов государственно-частного партнерства. Лучшие практики. М., 2016. 164 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://economy.gov.ru/minrec/resources/c94c77ec-5773-4544-88eb-9746d19a77e4/metodic_gchp.pdf (дата обращения: 01.04.2019).
13. Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе. М.: АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», 2012. 36 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://asi.ru/upload/medialibrary/91d/STD-v3-RUS_f.pdf (дата обращения 01.04.2019).
14. No. 20-p “On approval of the plan of measures “Transformation of the business climate”]. Available: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (accessed 04.04.2019).
15. Ukaz Gubernatora Altaiskogo kraya ot 19.04.2013 g. № 17 “Ob investitsionnoi deklaratsii Altaiskogo kraya” [Decree of the Governor of the Altai Region dated 19 April 2013 № 17 «On the investment declaration of the Altai Region»]. Available: <https://www.altairegion22.ru/upload/DOC/news/invest.pdf> (accessed 02.04.2019).
16. Vishnyakov, Y. D., Kiseleva, S. P. Natsional'naya ideologiya i ekologo-orientirovannoe tekhnologicheskoe razvitiye Rossii v XXI veke [National ideology and environmental-oriented technological development of Russia in the twenty-first century], Ekologiya i promyshlennost' Rossii [Ecology and Industry of Russia], 2016, vol. 20, no. 4, pp. 53–56.
17. Vishnyakov Y. D., Kiseleva S. P. Natsional'naya ideologiya — osnova natsional'nogo i tekhnologicheskogo razvitiya Rossii [National ideology — the basis of the national and technological development of Russia], Ekologo-orientirovannoe upravlenie riskami i obespechenie bezopasnosti social'no-ekonomicheskikh i obshchestvenno-politicheskikh sistem i prirodno-tekhnogennykh kompleksov [Ecologically-oriented risk management and ensuring the security of socio-economic and socio-political systems and natural and man-made complexes], Moscow, 2017, pp. 41–44.
18. Mudretsov A. F., Tulupov A. S. Problemy ustoichivogo razvitiya Rossii [Problems of sustainable development of Russia], Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management], 2016, no. 5, pp. 23–30.
19. Parfenova E. N. Regulirovanie investitsionnykh protsessov v regione: problemy i perspektivy [Regulation of investment processes in the region: problems and prospects], Nauchnye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Scientific statements. History series. Political science. Economy. Computer science], 2014, no. 8 (179), vol. 30/1, pp. 18–25.
20. Terekhova E.V. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennykh investitsii v Rossiiskoi Federatsii [Legal regulation of public investment in the Russian Federation], Voprosy ekonomiki i prava [Questions of economics and law], 2010, no. 8, pp. 31–37.
21. Baza dannykh o realizatsii kontsessionnykh soglashenii v Rossii [Database on the implementation of concession agreements in Russia]. Available: <https://investinfra.ru/novosti/v-4-kvartale-2018-goda-v-rossii-zaklyucheno-10-koncessionnyh-soglasheniy-krupnoy-kategorii-na-obschuyu-summu-2408-mlrd-rublej.html> (accessed 02.04.2019).
22. Rekomendatsii Minekonomrazvitiya RF po realizatsii projektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. Luchshie praktiki [Recommendations of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on the implementation of public-private partnership projects. Best practices], Moscow, 2016, 164 p. Available: http://economy.gov.ru/minrec/resources/c94c77ec-5773-4544-88eb-9746d19a77e4/metodic_gchp.pdf (accessed 01.04.2019).
23. Standart deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub'ekta Rossiiskoi Federatsii po obespecheniyu blagopriyatnogo investitsionnogo klimata v regione [The standard of activity of the executive authorities of the Russian Federation to ensure a favorable investment climate in the region]. Moscow: Agentstvo strategicheskikh initsiativ po prodvizheniyu novykh projektov, 2012. 36 p. Available: https://asi.ru/upload/medialibrary/91d/STD-v3-RUS_f.pdf (accessed 01.04.2019).

Оплата труда в обрабатывающей промышленности США

Петровская Наталья Евгеньевна

канд. экон. наук, ФГБУН «Институт США и Канады РАН», г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0002-5954-0656, e-mail: vitern@mail.ru

Аннотация

На основе данных официальной американской статистики рассмотрен вопрос оплаты труда в обрабатывающей промышленности США. Настоящее исследование является важным направлением изучения современных социально-экономических проблем США. Обрабатывающая промышленность играет важную роль для экономики США, так как создает материальную основу для всех других отраслей. В статье выявлены основные тенденции и проблемы в этой области. Для всестороннего анализа в работе использованы системный подход, экономико-статистические и логические методы исследования. Проведено комплексное исследование оплаты труда в важнейших отраслях народного хозяйства на основе данных Бюро трудовой статистики Министерства труда США.

Отдельное внимание уделено категории «производственные рабочие», доля которых составляет около 70 %. Приведены статистические данные по среднегодовой заработной плате производственных рабочих по отраслям согласно Североамериканской отраслевой системе промышленной классификации. Показано значение обрабатывающей промышленности в создании, сохранении и возвращении рабочих мест для экономики США. Проанализирована разница в оплате труда в зависимости от уровня образования, опыта работы и профессии. Приведены данные по самым высокооплачиваемым производственным профессиям. Показана неравномерность распределения обрабатывающей промышленности по штатам. Отмечено, что сокращение охвата профсоюзным движением американских рабочих является еще одним фактором, влияющим на уровень оплаты труда. В статье приведена корреляция между объемом производства и коэффициентом Джини в США в период с 1947 г. по 2014 г. Отмечено, что рост неравенства в доходах США и упадок обрабатывающей промышленности взаимосвязаны.

Ключевые слова: оплата труда, занятость, обрабатывающая промышленность, производственный рабочий, коэффициент Джини, США.

Цитирование: Петровская Н.Е. Оплата труда в обрабатывающей промышленности США // Управление. 2019. № 2. С. 95–103.

Wages in the U.S. Manufacturing industry

Petrovskaya Natalia

Candidate of Economic Sciences, Institute for U.S. and Canadian Studies RAS, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0002-5954-0656, e-mail: vitern@mail.ru

Abstract

Based on data from official American statistics, the issue of wages in the United States of America manufacturing industry has been considered. This study is an important area of study of modern social and economic problems of the United States. Manufacturing plays an important role in the economy of the US, because it creates a material basis for all other industries. The trends and problems in this area have been revealed in the article. For a comprehensive analysis a systematic approach, economic-statistical and logical research methods have been used in the paper. A comprehensive study of wages in the most important sectors of the national economy has been carried out, based on data from the Bureau of Labor Statistics of the US Department of Labor.

Separate attention has been paid to the category of “production workers”, whose share is about 70%. The statistical data on the average annual wage of production workers by industry according to the NAICS have been adduced. The significance of the manufacturing industry in creating, maintaining and returning jobs for the US economy has been shown. The difference in wages depending on the level of education, work experience and profession has been analyzed. The data on the highest paid industrial professions have been adduced. The uneven distribution of the manufacturing industry by states has been shown. It has been noted, that the reduction in the coverage of the trade union movement of American workers is another factor, affecting the level of wages. The correlation between production volume and Gini Coefficient in the USA in the period from 1947 to 2014 has been presented in the article. It has been noticed, that the growth of inequality in the US income and the decline of the manufacturing industry are interrelated.

Keywords: wages, employment, manufacturing industry, production worker, Gini coefficient, USA.

For citation: Petrovskaya N.E. Wages in the U.S. Manufacturing industry (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 95–103. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-95-103

Во втором десятилетии XXI в. обрабатывающая промышленность продолжает играть важнейшую роль для экономики США. Она создает материальную основу для всех других отраслей. Исследование оплаты труда в обрабатывающей промышленности является важным направлением изучения современных социально-экономических проблем США. Согласно Североамериканской отраслевой системе промышленной классификации в состав обрабатывающей промышленности входит 21 отрасль, состоящая из 86 подотраслей и более 350 тыс. предприятий – от самых мелких, в которых занято несколько десятков человек, до градообразующих, на которых работают десятки тысяч человек [10].

Согласно докладу «Возрождение американской промышленности» (Revitalizing American Manufacturing) Национального экономического совета, заработная плата работников обрабатывающей промышленности на 20 % больше, чем в среднем по стране. В докладе отмечается важность обрабатывающей промышленности как источника технологического развития всей экономики США. Делается акцент на тенденции роста численности научно-технических работников, причем около 60 % всех исследовательских кадров в США заняты именно в обрабатывающей промышленности, благодаря чему в стране формируется высокотехнологичный промышленно-информационный комплекс [16].

Средняя заработная плата в обрабатывающей промышленности составляет 59 351 тыс. долл. США в год, причем средняя зарплата мужчин – 64 тыс. долл. США в год, женщин – 47,7 тыс. долл. США. Средний возраст работников обрабатывающей промышленности – 43,7 года. Возраст 80 % производственных работников составляет 45–65 лет [5].

По состоянию на январь 2019 г. количество занятых в обрабатывающей промышленности США составило 12 822 тыс. человек [6]. Доля занятых в обрабатывающей промышленности в целом по стране составляет 4,31 %. В некоторых штатах этот показатель выше более чем в 2 раза.

Исторически, обрабатывающая промышленность давала хорошо оплачиваемые рабочие места для работников без высшего образования, особенно для мужчин. Работа главы семьи оплачивалась достаточно хорошо, чтобы женам с маленькими детьми не приходилось работать. Профсоюзы были сильны, и промышленники не хотели рисковать из-за забастовок на своих заводах потерями больших капиталовложений.

В XXI в. такие рабочие места стали менее доступны в США, хотя они остаются доступными в Германии, Швейцарии и Японии, что приводит к призывам

вернуть эти рабочие места из-за рубежа, установить протекционизм и сократить иммиграцию [15]. Создание или сохранение рабочих мест в производственном секторе стало важной темой президентских выборов 2016 г. в США.

Как отмечает В. Б. Кондратьев (д-р. экон. наук, профессор, ИМЭМО РАН имени Е. М. Примакова), стоимость рабочей силы – один из ключевых факторов растущих конкурентных преимуществ США в обрабатывающей промышленности. Они обладают одним из самых гибких рынков труда среди развитых стран (имеются в виду правила найма и увольнение рабочей силы, продолжительность рабочего дня, условия трудовых контрактов и т. п.). Кроме того, здесь достигнут максимальный уровень производительности труда в отрасли. Поэтому трудовые издержки в США с учетом производительности на 20–54 % ниже, чем в странах Западной Европы и Японии [1].

С целью повышения конкурентоспособности и содействия в подготовке рабочей силы для обрабатывающей промышленности в США создана сеть институтов – Manufacturing USA. На сегодняшний день сеть включает 14 институтов, каждый из которых имеет специализированную технологическую направленность. Институты ставят одну общую цель: обеспечить будущее производство в США посредством инноваций, сотрудничества и образования.

В таблице 1 представлены данные по отраслям обрабатывающей промышленности о количестве занятых и отдельно выделена категория – производственные рабочие, показана их среднегодовая заработная плата. К производственным рабочим относят сотрудников, непосредственно занятых изготовлением продукции. Как видно из представленных данных, их доля составляет около 70 % от общей численности занятых в обрабатывающей промышленности. В отдельных отраслях, например, в текстильной промышленности – 81 %, в производстве продуктов питания – 79 %, тогда как в химической – 59 %, в электронном машиностроении – 46 %. Анализ официальной американской статистики показывает, что в целом происходит снижение доли производственных рабочих по отраслям, причем наиболее значительные в электронном машиностроении. Среднегодовая заработная плата производственного рабочего в обрабатывающей промышленности в целом в США в 2016 г. составила 47 197 долл. США. Самые высокие зарплаты были у производственных рабочих в нефтеперерабатывающей и угольной отраслях – 91 257 долл. США в год. А самые низкие в швейной и обувной отраслях – 26 413 долл. США и 28 794 долл. США в год соответственно (табл. 1).

Таблица 1

Занятость и среднегодовая заработная плата производственных рабочих по отраслям обрабатывающей промышленности США*

Table 1. Employment and average annual wages of manufacturing workers by the US manufacturing industries*

Код отрасли NAICS	Отрасль обрабатывающей промышленности		Количество занятых в обрабатывающей промышленности, тыс. человек	Количество производственных рабочих, млн человек	Доля производственных рабочих, %	Среднегодовая заработная плата производственного рабочего, тыс. долл. США
311	Пищевая	Производство продуктов питания	1 417,05	1 117,966	79	38,82
312		Производство напитков и табачных изделий	166,56	94,58	57	56,04
313	Текстильная		97,06	78,91	81	34,14
314			110,26	84,88	77	30,87
315	Швейная		81,30	64,56	79	26,41
316	Обувная		24,22	18,24	75	28,79
321	Лесная и дерево-обрабатывающая		378,47	302,09	80	37,31
322	Целлюлозно-бумажная		332,91	258,20	78	55,14
323	Полиграфическая		416,46	295,06	71	43,57
324	Нефтеперерабатывающая и угольная		104,28	67,03	64	91,25
325	Химическая		744,59	438,76	59	63,16
326	Резинотехническая		741,22	571,86	77	40,18
327	Промышленность строительных материалов		371,85	284,05	76	47,09
331	Металлургическая (черная и цветная металлургия)		364,20	283,63	78	55,90
332	Машиностроительный комплекс	Производство металлоизделий и металлообработка	1 327,63	959,84	72	45,97
333		Общее машиностроение	988,69	615,74	62	48,42
334		Электронное машиностроение	768,65	351,75	46	55,02
335		Электротехническое машиностроение	330,94	218,89	66	43,48
336		Транспортное машиностроение	1 478,94	1 050,09	71	56,65
337	Мебельная		353,89	263,77	75	35,81
339	Прочие отрасли		513,59	313,28	61	40,22
Итого			11 112,76	7 733,16	70	47,20

*Данные 2016 г. В классификации данных по системе NAICS цифры обозначают сектор экономики, подсектор, отраслевую группу, отрасль и национальную отрасль соответственно. [*2016 data in the NAICS data classification, the digits refer to the economic sector, subsector, industry group, industry and national industry, respectively]

Источник [4] / Source [4]

Предприятия обрабатывающей промышленности располагаются по штатам неравномерно. Наибольшее количество занятых находится в Калифорнии, Техасе, Огайо, Пенсильвании, Мичигане, Иллинойсе. Такие штаты, как Висконсин — 9,4 %, Индиана — 9,1 %, Айова — 8,2 % имеют самую высокую долю населения,

работающего в обрабатывающей промышленности. Это свидетельствует о том, что не только отдельные населенные пункты, города, но и целые штаты зависят от имеющихся в обрабатывающей промышленности США тенденций. Самая высокая среднегодовая заработная плата производственных рабочих — в штате

Таблица 2

Показатели обрабатывающей промышленности по штатам США

Table 2. Indicators of the manufacturing industry by the US States

Штат	Количество занятых, тыс. человек	Количество производственных рабочих, млн человек	Среднегодовая заработная плата производственного рабочего, тыс. долл. США	Штат	Количество занятых, тыс. человек	Количество производственных рабочих, млн человек	Среднегодовая заработная плата производственного рабочего, тыс. долл. США
США	11 112,76	7 733,16	47,2	Канзас	154,684	110,902	48,0
Калифорния	1 119,90	706,39	48,2	Арканзас	145,733	116,757	40,4
Техас	725,255	493,691	50,0	Аризона	136,946	82,409	48,4
Огайо	642,945	460,781	47,8	Миссисипи	130,537	103,082	41,9
Мичиган	555,005	398,946	49,8	Оклахома	121,22	89,068	45,2
Иллинойс	538,183	370,965	46,5	Колорадо	121,069	79,052	47,0
Пенсильвания	522,221	362,007	47,8	Юта	114,5	75,761	47,0
Индиана	476,417	357,501	47,9	Луизиана	113,914	80	61,6
Висконсин	435,922	310,093	44,9	Небраска	92,945	70,717	42,2
Северная Каролина	411,05	303,771	40,9	Мэриленд	91,791	56,258	49,0
Нью-Йорк	395,129	261,216	47,5	Нью-Гэмпшир	65,553	39,464	46,8
Джорджия	351,951	265,733	42,5	Айдахо	55,774	41,205	47,2
Теннесси	308,966	228,5	44,8	Мэн	49,71	35,983	48,2
Миннесота	297,77	197,099	45,6	Западная Виргиния	44,913	31,981	50,7
Флорида	270,18	179,959	44,2	Южная Дакота	44,094	32,491	38,9
Вашингтон	253,462	165,54	54,8	Невада	41,356	27,759	47,3
Миссури	245,352	182,878	49,4	Род-Айленд	36,081	23,745	48,2
Алабама	234,803	176,679	44,6	Вермонт	27,42	18,641	46,4
Кентукки	230,763	178,593	47,9	Делавэр	25,434	17,901	45,6
Массачусетс	223,996	131,02	51,0	Северная Дакота	22,862	16,912	44,5
Виргиния	222,824	156,906	47,0	Нью-Мехико	21,747	14,7	48,1
Южная Каролина	213,05	159,797	47,0	Монтана	16,697	11,238	46,4
Нью-Джерси	210,291	139,87	48,7	Аляска	12,178	10,176	43,5
Айова	203,835	147,954	44,4	Гавайи	11,513	7,149	43,6
Орегон	160,128	108,945	47,9	Вайоминг	8,377	6,066	66,4
Коннектикут	155,062	87,968	53,8	Округ Колумбия	1,259	0,813	42,4

*Данные представлены в порядке убывания количества занятых [**The data are presented in descending order of the number of employees*]**Данные 2016 г. [***Data for 2016*]Источник: [4] / *Source [4]*

Вайоминг 66,4 тыс. долл. США в год, самая низкая — в Южной Дакоте — 38,9 тыс. долл. США в год. В крупнейших штатах по количеству занятых в обрабатывающей промышленности уровень годовой заработной платы находится в пределах 47–49 тыс. долл. США в год (табл. 2).

В первой четверти XXI в. к особенностям системы оплаты труда США стоит отнести повышение роли повременной заработной платы, внедрение гибких форм вознаграждений, распространение поощрительных форм оплаты труда [14]. Среди основных принципов оплаты труда и стимулирования работников

можно выделить: система тарифных ставок, использование аналитической (балльной) системы оценки труда, разнообразные формы участия работников в прибыли компании, участие работников во владении акциями компании, премии, бонусы и т. д. При определении среднего уровня оплаты труда компании также учитывают географическое расположение, стоимость проживания в данном регионе, а также уровень оплаты в других фирмах данного региона.

В США помимо непосредственной оплаты труда широко распространены разнообразные программы частного социального страхования и дополнительных доходов сотрудников.

Производственный рабочий в США зарабатывает в среднем 11,54 долл. США в час. Данный показатель может существенно варьироваться в зависимости от штата, например, в Калифорнии — 13,09 долл. США в час (по состоянию на февраль 2019 г.), что на 20 % выше, чем в среднем по стране. Для сравнения: в Техасе — 11,0 долл. США в час, в Огайо — 11,09 долл. США в час, в Пенсильвании — 10,72 долл. США в час, в Мичигане — 10,91 долл. США в час, в Иллинойсе — 11,62 долл. США в час.

Средняя почасовая заработная плата по всем сотрудникам обрабатывающей промышленности в апреле 2019 г. составила 21,86 долл. США в час. Исторический максимум в 21,91 долл. США в час был достигнут в декабре 2018 г., а рекордно низкий показатель — 1,27 долл. США в час в феврале 1950 г. [7]. При этом в целом в США средняя почасовая заработная плата в апреле 2019 г. составляла 23,12 долл. США в час, что в 3 раза выше, минимальной оплаты труда. Напомним, что в США на законодательном уровне установлена минимальная оплата труда, которая с 24 июля 2009 г. составляет 7,25 долл. США в час.

Средний почасовой заработок существенно отличается не только по отраслям (например, в нефтеперерабатывающей и угольной отраслях в январе 2019 г. он составлял 45,62 долл. США в час, а в текстильной — 21,26 долл. США), но и внутри отрасли в зависимости от занимаемой должности. Так, по данным Бюро трудовой статистики Министерства труда США, менеджеры в текстильной промышленности получают в среднем 54 940 долл. США в год, тогда как швеи получают в 2 раза меньше — 28 150 долл. США в год. В химической фармацевты получают 79 810 долл. США в год, а операторы упаковочных машин имеют годовой доход 33 460 долл. США. В нефтеперерабатывающей и угольной промышленности годовой доход менеджеров производственных рабочих составляет 84 770 долл. США в год, при этом операторы машин получают 41 100 долл. США в год. В пищевой промышленности менеджеры имеют

годовой доход 56 180 долл. США, а производственные рабочие, такие как фасовщики и мясники — 27 980 долл. США в год [7].

Особое значение имеет образовательный уровень, что сказывается на положении работника в сфере труда и оплате его деятельности. Наиболее высокооплачиваемые работники имеют степень доктора наук или ее аналог — таких по состоянию на 2017 г. было 2,5 % общего числа занятых в США, а наименее оплачиваемыми были работники без образования. По состоянию на 2016 г. 29,8 % работников обрабатывающей промышленности в возрасте 25 лет и старше имели степень бакалавра или выше [18].

Согласно данным Справочника профессий (Occupational Outlook Handbook) в списке 20 самых высокооплачиваемых профессий есть профессия, которая используется в промышленности, правда она находится в конце списка. Это профессия инженера-нефтяника с годовым доходом в 132 тыс. долл. США. Для сравнения, самой высокооплачиваемой профессией в США в 2018 г. считался анестезиолог с годовой заработной платой в 208 тыс. долл. США и выше [11]. В пересчете на час — анестезиолог зарабатывает от 100 долл. США в час, а инженер-нефтяник 63,6 долл. США в час.

По данным Бюро трудовой статистики в 2017 г. медианный доход менеджеров промышленного производства составил 100 580 долл. США в год, при этом они зарабатывали 48,36 долл. США в час. В 2016 г. по этой специальности работало 170 600 человек, и согласно прогнозу, в ближайшие 10 лет их численность практически останется неизменной. Большинство менеджеров промышленного производства работают 40 часов в неделю, имеют степень бакалавра и опыт работы по специальности не менее 5 лет [12].

Традиционно секторы производства товаров, в основном обрабатывающая промышленность, являются постоянным источником хорошо оплачиваемой работы для людей с высшим образованием или без него. Относительное уменьшение этого элемента национальной экономики означает все меньше и меньше возможностей для генерирования среднего класса [17].

Анализ показывает, что за последние 70 лет доля занятых в производстве США быстро падает, а в финансовом секторе медленно, но неуклонно растет. Одним из показателей, показывающим степень расслоения общества является коэффициент Джини. Как отмечается в официальной американской статистике, рост неравенства в доходах в США начался в 1980 гг., который совпал со сдвигами в производстве в сторону высокотехнологичного производства. Если ранее неквалифицированные

рабочие получали несоразмерно высокие заработные платы, то в нынешних условиях выпускники колледжей работают в низкооплачиваемых отраслях или в сфере розничной торговли [17].

Как следует из таблицы 3, в период после Второй мировой войны корреляция между производственной деятельностью и неравенством доходов была относительно сильной. Ян Берг-Андреассен (главный экономист International Infrastructure & Transport Group LLC) считает, что «существует тесная неблагоприятная связь между ростом и падением производственного сектора и распределением доходов в США» [9].

На рисунке 1 проиллюстрированы изменение коэффициента Джини за период 1947–2014 гг. и взаимосвязь между упадком обрабатывающих отраслей и увеличением неравенства доходов в США. Следует отметить, что в начале указанного периода коэффициент был относительно низким, то есть более или менее близок к показателям стран Западной Европы, но начиная с 1980 г. началось его резкое увеличение. В то же время, производство в стране начало снижаться, что измеряется его вкладом в добавленную стоимость в валовому внутреннему продукту США. К 2014 г. индекс Джини в США стал сопоставим со странами «третьего мира». В 2017 г.

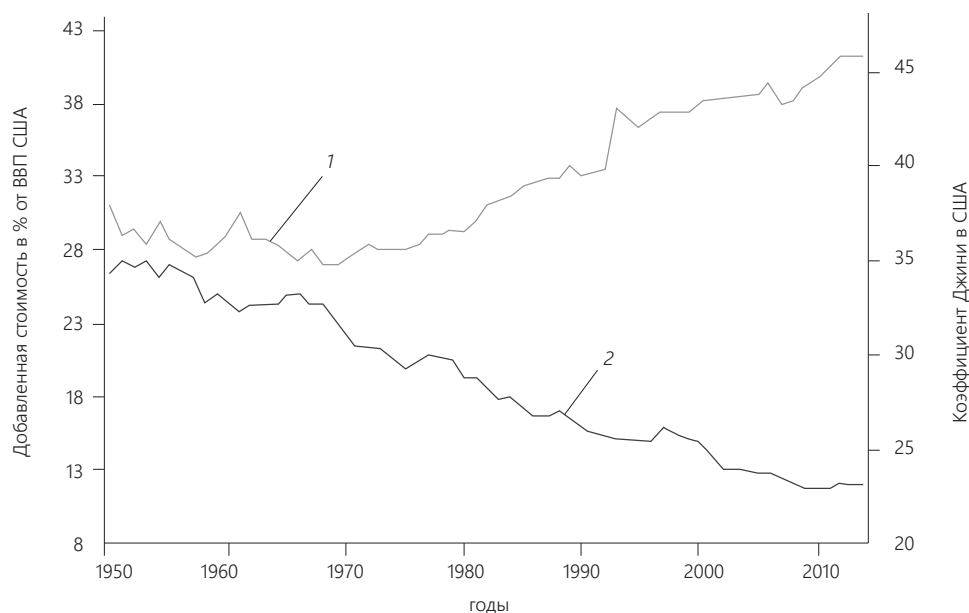
Таблица 3

Корреляция между объемом производства и коэффициентом Джини в США в период 1947–2014 гг.

Table 3. The correlation between the volume of production and the Gini coefficient in the United States during the period 1947–2014

Период, годы	Характеристика периода	Корреляция между объемом производства и коэффициентом Джини
1947–1953	После Второй мировой войны (The Post War Years)	-0,798874
1954–1967	Период Эйзенхауэра-Кеннеди-Джонсона (The Eisenhower-Kennedy-Johnson Years)	-0,164879
1968–1975	Вьетнам, Ближний Восток и нефтяной кризис (Vietnam, Middle-east and the Oil shock)	-0,877877
1976–2014	Годы активного аутсорсинга (The Relentless Outsourcing Years)	-0,958089
1947–2014	Рост и сокращение американского производства (The Rise and Fall of US Manufacturing)	-0,887743

Источник: [17] / Source [17]

1 – коэффициент Джини; 2 – обрабатывающая промышленность

Источник: [17] / Source [17]

Рис. 1. Взаимосвязь между коэффициентом Джини и добавленной стоимостью в обрабатывающей промышленности США, 1947–2014 гг.

Figure 1. The interrelation between the Gini coefficient and value added in the U.S. manufacturing industry 1947–2014

коэффициент Джини в США составил 0,482 – самый высокий показатель среди стран G7.

Американские экономисты отмечают, что резкое снижение равенства доходов явно совпадает с падением важности производства США. «По мере того как трудоемкие отрасли перемещаются в другие страны, возможности и доходы для больших групп населения родины (США) исчезают» [17].

Д. Трамп, 45-й президент США, вступил в должность 20 января 2017 г. И есть все основания предполагать, что в США наступил переломный момент в социально-экономическом развитии страны. Как отмечают эксперты, Д. Трамп последователен в отстаивании идей протекционизма и антиглобализма. Центральной идеей его экономических преобразований является идея возвращения в Америку рабочих мест и недопущения перевода производства за рубеж [2].

Исторически крупные предприятия обрабатывающей промышленности имели большие профсоюзные объединения. Среди основных законов, регулирующих их деятельность стоит отметить: Закон Вагнера, благодаря которому, профсоюз стал одним из инструментов повышения оплаты труда производственным рабочим [14]. Закон «О трудовых отношениях», благодаря которому у штатов появилась возможность самостоятельно выбирать между практикой «открытого цеха» (для работы на заводе не обязательно быть членом профсоюза) и «закрытого цеха» (обязательным условием работы на предприятии является членство в профсоюзной организации), тем самым повлияв на географическое распределение заводов обрабатывающей промышленности по штатам [13]. Действуя в собственных интересах, компании в США предпочитают экономить на заработной плате и переводить производства в штаты с антипрофсоюзным законодательством или в развивающиеся страны [3].

По состоянию на 2018 г. из 14,860 млн занятых в обрабатывающей промышленности только 1,444 млн человек (или 9,7 %) состояли в профсоюзе. Разница в средненедельном заработке работников обрабатывающей промышленности, не-членов и членов

профсоюза, составляла 75, 917 и 992 долл. США, соответственно).

По данным официальной статистики США, объем производства в обрабатывающей промышленности будет расти ежегодно на 1,9 % и достигнет в 2024 г. почти 6,6 млрд долл. США по сравнению с более чем 5,4 млрд долл. США в 2014 г. [8]. Но уровень занятости и заработная плата в обрабатывающей промышленности будет падать в 15 отраслях из 21, причем в каждой по своим причинам. К основным причинам в трудоемких отраслях относят: конкуренцию импорта, консолидацию фирм и переход на зарубежное производство. При этом в табачной промышленности, которая занимает второе место по темпам сокращения зарплаты и занятости, прогноз ежегодного уменьшения составляет 3,9 % до 2024 г., что обусловлено продолжающимся снижением уровня курения населением [8].

Всего из отраслей обрабатывающей промышленности четыре входят в топ-20 с точки зрения процентного увеличения реального объема производства, причем производство компьютеров и периферийного оборудования является наиболее быстро растущей отраслью американской экономики – рост здесь составляет 3,5 % ежегодно [8].

Проведенное исследование показывает важное значение мониторинга работников обрабатывающей промышленности в целом, а также динамику оплаты труда производственных рабочих, которые составляют 70 % в общей численности занятых. Предпринимаемые президентом США Д. Трампом усилия по сохранению и созданию рабочих мест в промышленности, возвращению производства в США и обновлению инфраструктуры должны положительно сказаться на экономике в целом, оплате труда рабочей силы, в частности, и на уровне жизни всего американского населения.

Библиографический список

1. Кондратьев, В. Б. Мировая обрабатывающая промышленность: сдвиги в конкурентных издержках // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 5–15.
2. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. Отв. редактор В. Б. Супян. М.: Весь мир, 2018. 424 с.
3. Экономика США: ресурсы, структура, динамика: учебник / под ред. проф. Супяна В.Б. М.: Магистр, 2014. 480 с.

References

1. Kondrat'ev V. Mirovaya obrabatyvayushchaya promyshlennost': sdvigi v konkurentnykh izderzhkakh [World Manufacturing: Global Shifts in Competitive Costs]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 2015, no 7, pp. 5–15. (In Russian).
2. Ekonomika SShA v XXI veke: vyzovy i tendentsii razvitiya [The US economy in the XXI century: challenges and development trends]. Editor V. B. Supyan. M., 2018. 424 p.

4. Annual Survey of Manufactures 2016. U.S. Census Bureau, December 2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.census.gov/programs-surveys/asm.html> (дата обращения: 18.04.2019).
5. Data USA: manufacturing [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://datausa.io/profile/naics/31-33/> (дата обращения: 20.03.2019).
6. Industries at a Glance. Current Employment Statistics. US Department of Labour [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bls.gov/iag/tgs/iag31-33.htm#workforce> (дата обращения: 20.03.2019).
7. Industries at a Glance. Manufacturing: NAICS 31-33. US Department of Labour [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bls.gov/iag/tgs/iag31-33.htm> (дата обращения: 21.04.2019).
8. Industry employment and output projections to 2024. Monthly Labor Review, U.S. Bureau of Labor Statistics, December [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bls.gov/opub/mlr/2015/article/industry-employment-and-output-projections-to-2024.htm> (дата обращения: 20.04.2019).
9. Is US Income Inequality Caused by Manufacturing's Relative Decline? Industry Week, October 02, 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.industryweek.com/manufacturing-gini> (дата обращения: 20.04.2019).
10. North American Industry Classification System (NAICS) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.census.gov/eos/www/naics/> (дата обращения: 18.04.2019).
11. Occupational Outlook Handbook. Highest Paying Occupations [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bls.gov/ooh/highest-paying.htm> (дата обращения: 21.03.2019).
12. Occupational Outlook Handbook. Industrial Production Managers [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bls.gov/ooh/management/industrial-production-managers.htm#tab-1> (дата обращения: 21.03.2019).
13. Office of the Law Revision Counsel. United States Code. Title 29. Section 141 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title29-section141&num=0&edition=prelim> (дата обращения: 21.05.2019).
14. Office of the Law Revision Counsel. United States Code. Title 29. Section 152 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title29-section152&num=0&edition=prelim> (дата обращения: 21.05.2019).
15. Politicians cannot bring back old-fashioned factory jobs. *The Economist*. January 14, 2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.economist.com/briefing/2017/01/14/politicians-cannot-bring-back-old-fashioned-factory-jobs> (дата обращения: 21.04.2019).
16. Revitalizing America Manufacturing. The White House [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/sites/whitehouse.gov/files/images/NEC_Manufacturing_Report_October_2016.pdf (дата обращения: 20.05.2019).
17. The Rise of U.S. Income Inequality and the Demise of the Manufacturing Industries. Industry Week, October 02, 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.industryweek.com/competitiveness/rise-us-income-inequality-and-demise-manufacturing-industries> (дата обращения: 20.04.2019).
18. U.S. Bureau of Labor Statistics. Current Population Survey [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bls.gov/> (дата обращения: 21.05.2019).
3. *Ekonomika SShA: resursy, struktura, dinamika: uchebnik [US Economy: resources, structure, dynamics: the textbook] / under the editorship V. B. Supan M.: Master. 2014. 480 p.*
4. Annual Survey of Manufactures 2016. U.S. Census Bureau, December 2017. Available at: <https://www.census.gov/programs-surveys/asm.html> (accessed 18.04.2019).
5. Data USA: manufacturing. Available at: <https://datausa.io/profile/naics/31-33/> (accessed 20.03.2019).
6. Industries at a Glance. Current Employment Statistics. US Department of Labour. Available at: <https://www.bls.gov/iag/tgs/iag31-33.htm#workforce> (accessed 20.03.2019).
7. Industries at a Glance. Manufacturing: NAICS 31-33. US Department of Labour. Available at: <https://www.bls.gov/iag/tgs/iag31-33.htm> (accessed 21.04.2019).
8. Industry employment and output projections to 2024. *Monthly Labor Review*, U.S. Bureau of Labor Statistics, December. Available at: <https://www.bls.gov/opub/mlr/2015/article/industry-employment-and-output-projections-to-2024.htm> (accessed 20.04.2019).
9. Is US Income Inequality Caused by Manufacturing's Relative Decline? Industry Week, October 02, 2015. Available at: <https://www.industryweek.com/manufacturing-gini> (accessed 20.04.2019).
10. North American Industry Classification System (NAICS). Available at: <https://www.census.gov/eos/www/naics/> (accessed 18.04.2019).
11. Occupational Outlook Handbook. Highest Paying Occupations. Available at: <https://www.bls.gov/ooh/highest-paying.htm> (accessed 21.03.2019).
12. Occupational Outlook Handbook. Industrial Production Managers. Available at: <https://www.bls.gov/ooh/management/industrial-production-managers.htm#tab-1> (accessed 21.03.2019).
13. Office of the Law Revision Counsel. United States Code. Title 29. Section 141. Available at: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title29-section141&num=0&edition=prelim> (accessed 21.05.2019).
14. Office of the Law Revision Counsel. United States Code. Title 29. Section 152. Available at: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title29-section152&num=0&edition=prelim> (accessed 21.05.2019).
15. Politicians cannot bring back old-fashioned factory jobs. *The Economist*. January 14, 2017. Available at: <https://www.economist.com/briefing/2017/01/14/politicians-cannot-bring-back-old-fashioned-factory-jobs> (accessed 21.04.2019).
16. Revitalizing America Manufacturing. The White House. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/whitehouse.gov/files/images/NEC_Manufacturing_Report_October_2016.pdf (accessed 20.05.2019).
17. The Rise of U.S. Income Inequality and the Demise of the Manufacturing Industries. Industry Week, October 02, 2015. Available at: <https://www.industryweek.com/competitiveness/rise-us-income-inequality-and-demise-manufacturing-industries> (accessed 20.04.2019).
18. U.S. Bureau of Labor Statistics. Current Population Survey. Available at: <https://www.bls.gov/> (accessed 21.05.2019).

Человеческий капитал для цифровой модернизации экономики

Афанасьев Валентин Яковлевич¹, Грабчак Евгений Петрович²,
Корытный Михаил Александрович³, Мищеряков Сергей Васильевич⁴,
Черезов Андрей Владимирович⁵

¹д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: inf@guu.ru

²канд. экон. наук, Министерство энергетики Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: GrabchakEP@minenergo.gov.ru

³директор центра сертификации программ, АНО ВО «Международный институт менеджмента ЛИНК», г. Жуковский, Российская Федерация, e-mail: kor_mik@inbox.ru

⁴генеральный директор, НП «Корпоративный образовательный и научный центр ЕЭС», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: msv@keu-ees.ru

⁵заместитель министра, Министерство энергетики Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: minenergo@minenergo.gov.ru

Аннотация

Изложены научные подходы к формированию цифровых технологий экосистемы профессионального образования и управления формированием человеческого капитала для субъектов реального сектора экономики России. Предложено выделить конкретные компетенции в качестве единиц обучения (квантов), оцифровать их, создать поуровневый классификатор компетенций и на базе оцифрованных единиц выстроить систему формирования заказа, систему выбора используемых для выполнения заказа методических и учебно-материальных средств, непрерывную (от общего образования до профессионального обучения по заданной должности) систему профессионального образования по индивидуальным образовательным траекториям с четко определенными (оцифрованными) параметрами и сфокусированными инвестициями в человеческий капитал. Используя сформированные системы, можно обеспечить цифровую модернизацию основных дидактических процессов с гарантированным достижением конкретных диагностируемых результатов обучения в соответствии с заказом.

Для новых компетенций возможна разработка онтологических моделей профессиональной деятельности работника. При этом предполагается решить несколько важных задач, включающих разработку и принятие общей концепции непрерывного профессионального образования, выделение и классификацию дидактических единиц для конкретных профессий, разработку и внедрение системы классификации образовательных организаций по уровням компетенций, разработку и внедрение системы классификации квалификации преподавательских кадров, формирование системы задания образовательных траекторий (необходимых компетенций) для бизнеса, разработку стандартов педагогических технологий, гарантирующих достижение результата (нужные люди – в нужном месте – в нужное время). Предложено выбрать несколько отраслей реального сектора экономики для реализации пилотных проектов с последующим распространением опыта на всю экономику России.

Ключевые слова: человеческий капитал, дидактические единицы, цифровая экономика, цифровые технологии управления, цифровая система образования, непрерывное образование, профессиональное обучение.

Цитирование: Афанасьев В.Я., Грабчак Е.П., Корытный М.А., Мищеряков С.В., Черезов А.В. Человеческий капитал для цифровой модернизации экономики//Управление. 2019. № 2. С. 104–115.

Human capital for digital economy modernization

Afanasyev Valentin¹, Grabchak Evgenii², Korytny Mikhail³,
Mishcheryakov Sergei⁴, Cherezov Andrei⁵

¹Doctor of Economic Sciences, State University of Management, Moscow,
Russia, e-mail: inf@guu.ru

²Candidate of Economic Sciences, Ministry of Energy of the Russian Federation, Moscow,
Russia, e-mail: GrabchakEP@minenergo.gov.ru

³Director of Program Certification Center, International Institute of Management LINK, Zhukovsky,
Moscow region, Russia, e-mail: kor_mik@inbox.ru

⁴Doctor of Economic Sciences, Corporate Educational and Scientific Center of the Unified Energy System,
Moscow, Russia, e-mail: msv@keu-ees.ru

⁵Deputy Minister, Ministry of Energy of the Russian Federation, Moscow,
Russia, e-mail: minenergo@minenergo.gov.ru

Abstract

The article outlines the scientific approaches to the formation of digital technologies of the ecosystem of professional education and management of the formation of human capital for the real sector of the Russian economy. It has been proposed to highlight specific competences as training units (quantums), digitize them, create a level classifier and build an ordering system, a system of choice used for order fulfillment, a continuous (from general education to professional education for a given position) professional education system based on individual educational trajectories with well-defined (digitized) parameters and focused investments in human capital. Using the formed systems, it has been proposed to provide digital modernization of the main didactic processes with guaranteed achievement of specific diagnosed learning outcomes in accordance with the order.

For new competencies it is possible to develop ontological models of employee professional activities. Herewith it is planned to solve several important tasks, including the development and adoption of a general concept of continuous professional education, the selection and classification of didactic units for specific professions, the development and introduction of a classification system for educational organizations according to their levels of competence, the development and introduction of a system for qualifying teachers, formation of a system of educational trajectories (necessary competencies) for business, development of pedagogical technologies standards that guarantee the achievement of results (the right people - in the right place - at the right time). It has been offered to select several branches of the real sector of the economy for the implementation of pilot projects with the subsequent dissemination of experience throughout the Russian economy.

Keywords: human capital, didactic units, digital economy, digital management technologies, digital education system, continuing education, professional training.

For citation: Afanasyev V.Y., Grabchak E.P., Korytny M.A., Mishcheryakov S.V., Cherezov A.V. Human capital for digital economy modernization (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 104–115. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-104-115

Попытка взглянуть на современный бизнес с целью научного анализа приводит нас к выводу о том, что многое, чему нас учили в школе и институте в части экономики, в реальности выглядит иначе и часто не работает. Нас учили тому, что конкуренция — драйвер развития. Рассматривая историю войн, невольно приходим к выводу о том, что конкурентная борьба за энергоносители, сырье, территории, порождающая изменения в политических доктринах государств, часто приводит к вооруженным конфликтам. Мы убеждаемся лишь в одном: опустошительные войны во многом являются порождением конкурентной борьбы. Нас учили тому, что в конкурентной борьбе побеждает сильнейший, тот, у кого больше конкурентных преимуществ. Однако и это утверждение не абсолютно с учетом необузданной коррупции и других «неэкономических инструментов». Нас учили тому, что государство — плохой управленец. Наблюдая за разворачивающимися торговыми войнами с таможенными пошлинами и вводимыми квотами и «санкционной лихорадкой», нельзя не прийти к выводу о том, что протекционизм в государственной политике стал чуть ли ни главным условием работы компаний на глобальных рынках.

В современном мире еще полностью неосознанными и неизученными являются вопросы внедрения цифровых технологий во все сферы экономической деятельности и общественной жизни.

Эти замечания закономерно приводят к следующим вопросам.

1. Что является двигателем и побудительными причинами развития реального сектора экономики во втором десятилетии XXI века?
2. Каковы лидеры современного бизнеса; как они стали лидерами?
3. Какова роль цифровых технологий в развитии современного общества; не является ли бум цифровизации компаний «цифробесие»?

Ответы на поставленные вопросы определяют актуальность рассматриваемой темы.

Анализируя все составляющие реального бизнеса — финансы, рыночные отношения, стратегическое и операционное управление, человеческий капитал, — приходим к выводу, что в основе всего находится последний из перечисленных факторов. Именно поэтому мы попытаемся ответить на перечисленные вопросы, исследуя современное состояние и новые тенденции развития самой чувствительной и индикативной составляющей человеческого капитала, отрасли профессионального образования. Сфокусируемся на его наиболее важном разделе, профессиональном обучении, то есть обучении по занимаемой должности в компаниях реального

сектора экономики в условиях цифровой модернизации экономики.

В настоящей статье представлены результаты научного анализа процессов формирования и развития человеческого капитала компаний реального сектора в условиях становления цифровой экономики.

Определим понятия области знаний нашего исследования, прежде всего, цифровой экономики. Уже кодифицированными в этой области являются следующие. «Цифровая экономика — хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [1, с. 3]. Существует и более широкое определение: цифровая экономика — экономика, характерной особенностью которой является максимальное удовлетворение потребностей всех ее участников за счет использования информации, в том числе персональной. Для «полноценного» взаимодействия все субъекты и объекты экономики должны обрести значительную цифровую составляющую [4].

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р определено: «Основными целями направления, касающегося кадров и образования, являются:

- создание ключевых условий для подготовки кадров цифровой экономики;
- совершенствование системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами;
- создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики России» [2, с. 7].

С учетом этих положений дадим определение понятия «цифровое образование». Цифровая система образования — система образования, где ключевым фактором являются данные в цифровом виде, обработка и использование результатов анализа которых позволяет существенно повысить ее эффективность и результативность.

Полезным также будет определение человеческого капитала. В Оксфордском толковом словаре термин «человеческий капитал» (англ. human capital) определяется как «умение и мастерство, общее или специальное, приобретенные человеком в ходе профессиональной подготовки и производственного опыта» [10, с. 752]. Наиболее точным и научно

обоснованным из огромного количества определений человеческого капитала является следующее: «человеческий капитал — совокупность имеющихся у каждой личности знаний, навыков, опыта и мотивов, реализуемых в трудовой деятельности с целью получения добавленной стоимости» [3, с. 28].

Место человеческого капитала среди других экономических элементов системы нематериальных активов компаний реального сектора можно представить на схеме (рис. 1).

Важным также является понятие «непрерывное образование» — процесс роста образовательного (общего и профессионального) потенциала личности в течение всей жизни на основе использования системы государственных и общественных институтов в соответствии с потребностями личности и общества.

Определив основные понятия цифровой модернизации профессионального обучения, мы можем корректно и в логичной последовательности рассматривать его содержание.

Целями работ в области цифровой экономики являются: «создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан» [2, с. 2]. При этом «цифровая экосистема» — метафора, которая предлагает рассматривать современные организации как смешанные сообщества и экосистемы, в которых взаимодействуют люди и цифровые агенты.

Согласно этим определениям, сфера образования, как базисная часть социально-экономической деятельности, является частью экосистемы цифровой экономики России. Отсюда следует, что и для сферы образования, как части социального фундамента

цифровой экономики (для экономики знаний образование — фактор производства), ключевым должно стать представление данных в цифровом виде, которое позволит существенно повысить ее эффективность.

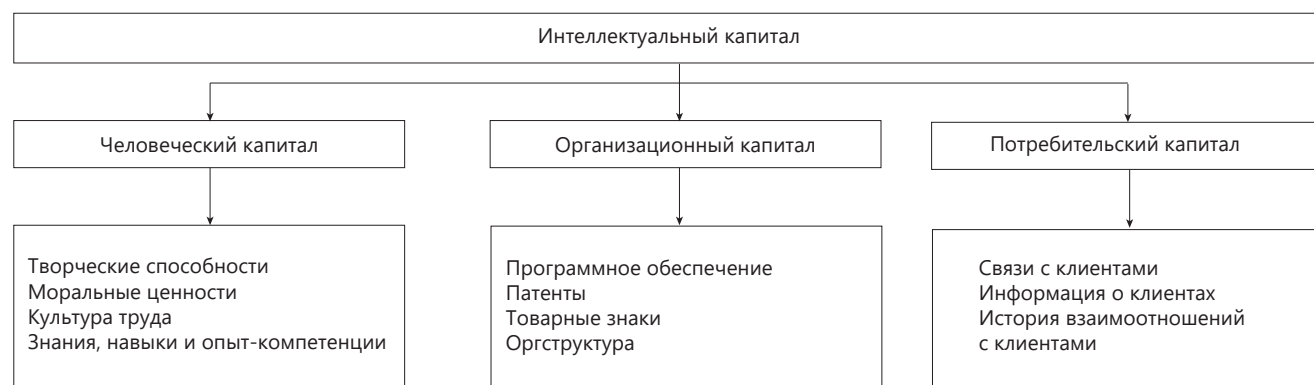
В современном образовательном процессе, основанном на компетентностно-деятельностном подходе, субъектами образования являются преподаватели и обучающиеся (в совместной образовательной деятельности), а объектами — цели образования (компетенции) и элементы, за счет которых эти цели достигаются.

В соответствии с современным взглядом, общая схема образовательной системы состоит из 5 основных элементов:

- цель;
- обучающийся;
- педагог;
- организация, формы и средства дидактического процесса;
- учебная информация [6].

Схема системы образования как субъекта национальной экономики дополненная элементом «управление» изображена на рисунке 2:

Основополагающим, системообразующим элементом системы является цель. Для достижения цели проектируется работа педагога и учащегося по формированию компетенций, включая освоение научной и учебной информации посредством организационных форм и средств дидактического процесса. Содержание образовательной программы, дидактические средства и методы, учащиеся и педагоги подбираются субъектом при осуществлении управления в соответствии с поставленной целью. Во взаимодействии с иными системами государства цель является интерфейсом, а для образовательного процесса информационным хабом и транслятором запросов общества в образовательную среду.

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 1. Схема структуры интеллектуального капитала
Figure 1. Scheme of the structure of intellectual capital

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 2. Схема системы образования как субъекта национальной экономики
Figure 2. Scheme of the education system as a subject of the national economy

Цифровое взаимодействие характеризуется предельно конкретизированным характером передаваемой информации. Взаимодействие систем в цифровой среде осуществляется посредством гармонизированных протоколов, четко регламентирующих характер и формат передаваемых данных. В цифровой экономике цель образования, как социальный запрос или запрос экономики, будет формулироваться внешними системами в виде четких цифр: количество требуемых выпускников, сроки, уровень компетенций и т. д. Существенной частью этого формализованного запроса будут являться и компетенции выпускников. Цель системы образования будет формулироваться в виде динамично изменяющегося набора цифровых данных, характеризующих уровень и содержание компетенций. Следовательно, и требуемые компетенции будут формулироваться в виде цифровых данных.

Вывод 1. В условиях цифровой экономики цель системы образования будет формулироваться в виде набора цифровых данных.

В цифровой среде по универсальному протоколу запрос в систему образования на компетенции выпускников будет поступать в формализованном цифровом виде. Для результативной обработки и ответа на запрос, в системе образования эта информация транслируется в цифровом виде. Итог ответа на запрос – выпускник, максимально отвечающий запросу. Поскольку, как сформулировано

выше, запрос выражен в цифровых данных, то и компетенции выпускника, как ответ также должен быть выражен в цифровых данных. Таким образом:

Вывод 2. В цифровой системе образования компетенции выпускников будут иметь цифровое выражение.

Цифровое выражение компетенций выпускника означает выраженные в цифрах качественные и количественные характеристики. Эти характеристики должны обеспечивать однозначную (либо с прогнозируемой погрешностью) идентификацию каждой компетенции и степень сформированности, то есть итоговый уровень компетенции обучаемого.

В соответствии с программой «Цифровая экономика в Российской Федерации», по направлению «Кадры и образование» разрабатываются: Базовая модель компетенций цифровой экономики и Перечень компетенций цифровой экономики [7]. Эти модель и перечень станут первым этапом создания общей модели компетенций, на основе которой будет формироваться в том числе протокол коммуникаций между системой образования и обществом.

Для достижения цели (формирования ответа на запрос в систему образования), следуя логике системы образования, преподаватель организует учебную деятельность обучающегося с целью достижения требуемых параметров (уровня) заданных компетенций. Поскольку каждая требуемая компетенция формируется определенным набором знаний, умений, навыков и опыта с помощью соответствующих форм

и средств дидактического процесса, для контроля достижения цели, выраженной в цифровом виде, все процессы и элементы внутри системы также должны быть оцифрованы (табл. 1).

Элементы образовательной системы должны быть соотнесены в единой системе измерений. Компетенции педагога должны описываться с точки зрения его способности/готовности работать с определенными формами и средствами педагогического процесса, с определенной учебной информацией, в определенной учебной аудитории. Формы и средства педагогического процесса должны представляться с точки зрения их применимости для различной учебной информации и формирования различных уровней компетенций. Целям (целевым уровням компетенциям) должны сопоставляться наборы знаний, навыков, форм и средств дидактического процесса, через которые эти компетенции формируются (см. табл. 1).

Исходя из представленного способа определения элементов следует, что системообразующим элементом является учебная информация, заданный уровень компетенций, поскольку именно они становятся базисом, средством описания и измерения всех остальных элементов системы. При этом уровень компетенций определяется в профстандартах, что облегчает решение задачи целеполагания.

Вывод 3. Учебная информация, уровень компетенций — основа для измерения и определения всех элементов системы образования в цифровом формате.

Через учебную информацию измеряются и формируются остальные элементы системы образования в рамках освоения компетенций. Исходя из того, что цифровая среда требует максимальной точности данных, для адекватной работы системы шкала

измерений также должна быть максимально точной. Это означает, что учебная информация в цифровом виде должна быть максимально фрагментирована до структурных элементов учебного материала, дидактических единиц. Под дидактической единицей (didactic unit) мы понимаем «логически самостоятельную часть учебного материала, по своему объему и структуре соответствующую таким компонентам содержания, как теория, закон, явление, понятие, факт, объект и т.п.», «квант» учебной информации [8, с. 127].

Таким образом, цифровое представление учебной информации — реестр дидактических единиц, «квантов» содержания учебной информации.

Дидактические единицы, помимо содержания, должны иметь в реестре отражение ряда характеристик, таких как:

- профильная направленность: область знаний, к которой относится дидактическая единица;
- компетентностная направленность: в формировании, каких компетенций участвует данная дидактическая единица, каким уровням (знать—уметь—владеть) соответствует;
- зависимость от других дидактических единиц: какие дидактические единицы должны формироваться предварительно до начала конкретного обучения;
- влияние на другие дидактические единицы: изучению, каких дидактических единиц должна предшествовать данная;
- связь с формами и средствами педагогического процесса: какие формы и средства, в какой мере позволяют формировать компетенции на основе данных дидактических единиц;
- трудоемкость в изучении и т. д.

Таблица 1

Элементы системы образования
Table 1. Elements of the education system

Наименование элемента системы	В цифровом виде	Разрешаемые вопросы в системе образования
Цель (в части компетенций)	Набор измеримых целевых компетенций выпускника	На каком уровне, за счет каких комбинаций форм и средств дидактического процесса и учебной информации могут формироваться заданные компетенции
Педагог	Набор измеряемых цифровых показателей педагогических компетенций	С какими формами и средствами дидактического процесса и какой учебной информацией работает
Обучающийся	Набор измеряемых цифровых показателей уровня заданных компетенций	Какими текущими компетенциями, знаниями, умениями, навыками обладает. Каковы способности к освоению компетенций/знаний/навыков (скорость, глубина, прогноз)
Формы и средства педагогического процесса	Оцифрованный реестр: методы, форматы, виды активности, инструментов и т. д.	Для конкретной формы или средства (или группы средств): для освоения какой (какого вида) учебной информации и формирования каких компетенций предназначено
Учебная (научная) информация	Оцифрованный реестр учебной информации: знаний, умений	Для формирования каких компетенций предназначена, как иерархически соотносится с другой учебной информацией

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Системно такой реестр может быть создан на основе существующих декомпозиций, идентификаций, классификаций, разработок моделей, представления знаний с учетом специфических характеристик, требуемых для цифровой системы образования [9].

Вывод 4. Цифровое представление учебной информации — база дидактических единиц.

Любая образовательная программа является конструктором, составляемым из дидактических единиц, упорядоченных по последовательности формирования, уровням компетенций, соотносенных с формами и средствами дидактического процесса. При этом структурированное множество включенных в образовательную программу дидактических единиц формирует набор требуемых компетенций выпускника.

Следует отметить, что любая компетенция может формироваться различными (но при этом строго определенными) наборами дидактических единиц, форм и средств дидактического процесса, что составляет основу гибкости образовательных организаций в выборе образовательного контента, форм и методов обучения. Варианты комбинаций дидактических единиц и форм и средств дидактического процесса для формирования каждой определенной компетенции являются результатом творчества педагога, предметом обмена лучшими практиками, предметом рекомендаций советов по профессиональным квалификациям, профессиональных объединений и т. д. При этом каждое конкретное решение является открытым, чем обеспечивается прозрачность содержания образовательной программы.

Вывод 5. Для полного цифрового описания компетенций помимо базы учебной информации требуется база форм и средств дидактического процесса и классификация всех данных.

В цифровой системе образования элементы «Педагог» и «Обучающийся» выражаются в виде реестра свойств, соотносенных с учебной информацией, уровнем компетенций и формами и средствами дидактического процесса.

Для педагога эти свойства определяют в цифровом виде владение и опыт работы с направлениями/кластерами учебной информации (предметные области педагога) и формами и средствами дидактического процесса (владение формами, методами, инструментарием и т. п.). Совокупность этих свойств в цифровом виде составляет цифровой педагогический профиль.

Следует отметить, что цифровой педагогический профиль — это, по содержанию, часть стандартного персонального профиля компетенций, формирующегося у педагога, как и у любого другого гражданина в условиях цифровой экономики. Создание

таких профилей предусмотрено Направлением «Кадры и образование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (код 02.03.010).

Для обучающегося соответствующий реестр будет включать в себя степень освоения данных из базы дидактических единиц и степень сформированности компетенций, что составит основу персонального профиля компетенций. Кроме того, анализ динамики успеваемости и иной информации позволят включить в профиль данные о способностях к усвоению учебной информации, восприимчивости к различным формам и средствам дидактического процесса и формированию компетенций (когнитивный портрет), психологический портрет, профессиональный опыт и прочие данные, позволяющие прогнозировать и оптимизировать персональные образовательные траектории. Таким образом, на качественно новом уровне решается приоритетная задача развития системы образования: персонализация образования и раскрытие потенциала каждого обучающегося [7].

На уровне концепции можно утверждать, что в части компетенций персональный профиль выпускника, в определенной мере уточненный конкретными знаниями, умениями и навыками, и является элементом цель системы образования.

Вывод 6. Цифровая система образования строится на основе следующих цифровых представлений элементов системы:

- целевой профиль компетенций работника;
- база минимальных дидактических единиц;
- база форм и средств дидактического процесса;
- профиль компетенций педагога;
- стартовый профиль компетенций обучающегося;
- классификатор всех цифровых форматов.

Элемент управления в цифровой системе обеспечивает планирование, контроль и оценку работы всех элементов и функций, в том числе прогнозирование средствами искусственного интеллекта.

Постановка релевантных целей для системы образования потребует системной цифровой перестройки управления человеческим капиталом в национальной экономике. Содержательное наполнение профессиональных стандартов, структура цифрового описания вакансий, формулировка требований к кадровому резерву должны опираться на единую базу знаний и умений (и/или их комбинаций в виде компетенций). Таким образом, база дидактических единиц является межсистемным элементом, с которым работают различные отрасли экономики и общественные институты. При этом автоматически в фоновом режиме решается задача соответствия требований профессиональных и образовательных

стандартов. Такая задача стоит сейчас особенно остро: 80 % трудоспособного населения не подготовлено для работы на современных рынках и 91 % работодателей отмечают нехватку практических знаний у выпускников [2].

В то же время, профиль компетенций гражданина не должен являться низменным между периодами обучения, а может и должен непрерывно корректироваться. Так, на основе когнитивного портрета может прогнозироваться «девальвация» определенных компетенций, не связанных напрямую с профессиональной деятельностью, например в области охраны труда или оказания первой помощи пострадавшему. В то же время информальное, неформальное, корпоративное обучение, наставничество, расширение направлений профессиональной деятельности также должны находить отражение в изменении персонального профиля компетенций.

Корректировка профилей компетенций в условиях цифровой экономики становится основной задачей и для корпоративных служб по работе с персоналом. Периодические аттестации, в том числе с использованием информационных технологий, и уточнение профилей компетенций позволяют не только проектировать персональные цели обучения, но и давать объективную оценку образовательным программам. Единая база профилей компетенций со статистикой их корректировки, возможностью сравнения с заявленными целевыми профилями образовательных программ и выходными профилями компетенций выпускников будет основанием для независимой и объективной оценки образовательных учреждений и образовательных программ.

Объектом работы кадровых подразделений становятся корпоративные профессиональные стандарты. Профессиональный стандарт в рамках данной концепции также формулируется инструментами компетенций из единой базы. Такой профессиональный стандарт является готовым целевым профилем компетенций для системы образования. При этом национальный отраслевой профессиональный стандарт является обобщением и усреднением отдельных корпоративных профстандартов. Таким образом, по мере обобщения требований профстандартов можно разделять уровни уточнения содержания образования:

- компетенции отраслевого национального профстандарта — программы среднего профессионального и высшего профессионального образования и ФГОСов;
- уточненные содержательно компетенции групп корпоративных профстандартов — специализация в рамках профессионального обучения, программы повышения квалификации (уточнение содержания

компетенций, формирование специальных компетенций);

- корпоративный профстандарт — корпоративное обучение, наставничество (доведение персональных профилей компетенций до полного соответствия корпоративному профстандарту на уровне конкретных знаний, умений и навыков).

Если определить корпоративный профстандарт как множество компетенций и дидактических единиц, заданное в цифровом виде конкретным предприятием для конкретной должности, то пересечения этих множеств будут определять содержание образовательных программ (рис. 3).

На национальном уровне цифровой экономики межсистемными становятся:

- база дидактических единиц (база знаний для экономики / база учебной информации для системы образования);
- база профессиональных стандартов (база корпоративных профстандартов для предприятий/целевые профили компетенций для системы образования);
- база персональных профилей компетенций (база кадров для предприятий / профиль обучающегося для системы образования (рис. 4)).

Предполагаемые (ожидаемые) результаты перехода системы образования на цифровое представление элементов заключаются в ниже представленных положениях.

1. На уровне образовательной организации:

- соответствие заказу на обучение персонала. Контроль обеспечения формирования компетенций образовательной программой. Каждая заявленная компетенция будет представлена в виде процесса освоения системы дидактических единиц и применения форм и средств дидактического процесса. Каждую заявленную в образовательной программе компетенцию таким образом можно будет проверить на степень соответствия запланированному уровню;
- четкое планирование образовательной программы. Учебный и учебно-тематический планы, планы занятий и самостоятельной деятельности обучающихся будут соотнесены с дидактическими единицами;
- четкое описание дисциплин (модулей) образовательной программы, для каждого элемента образовательной программы становится возможным (и обязательным) задавать в цифровом виде: требуемые начальные компетенции и изученные дидактические единицы; содержание; приращение компетенций и освоенных дидактических единиц;
- постоянное, системно-обеспеченное обновление содержания образовательных программ в соответствии с изменением целей;

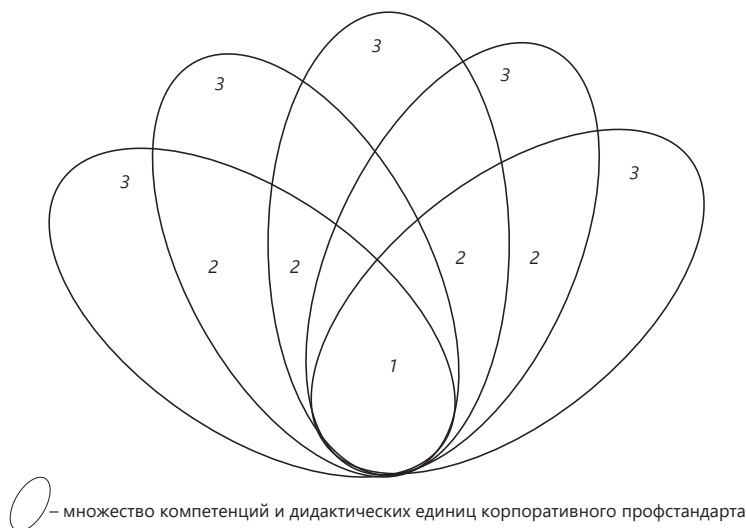
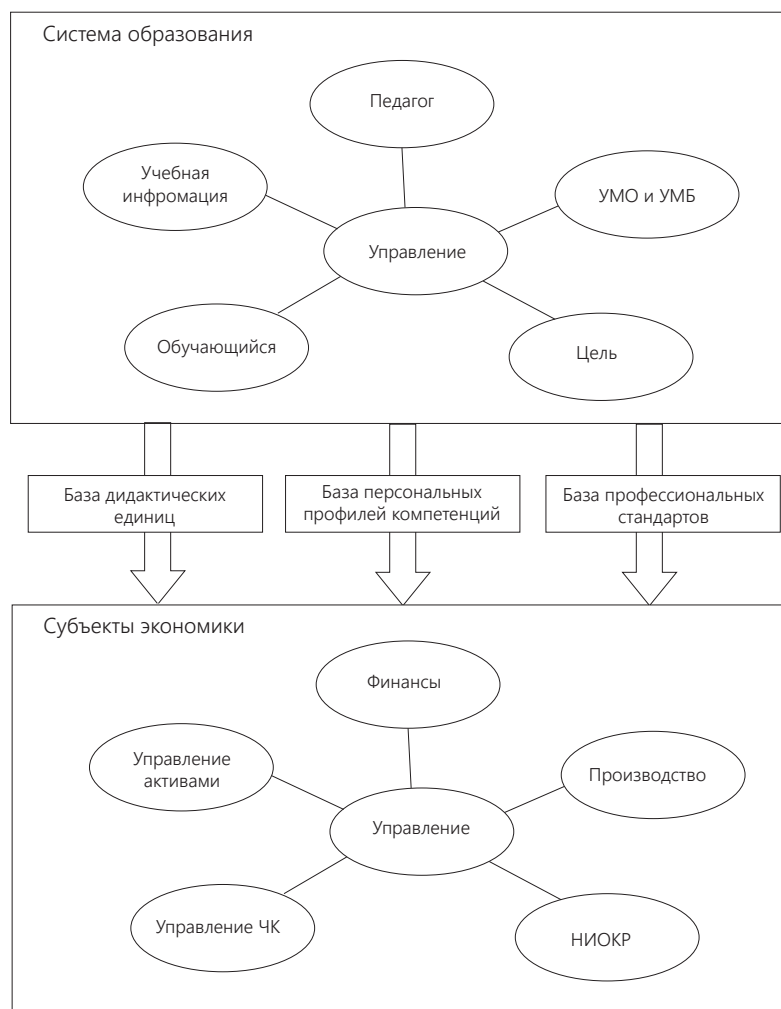

Рис. 3. Схема формирования компетенций групп профстандартов и образовательных программ
Figure 3. Scheme of formation of competences of the groups of professional standards and educational programs

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 4. Национальная система цифровой экономики
Figure 4. The national system for the digital economy

- целостность модульного изучения образовательной программы. За счет четкого описания (паспортизации) образовательных модулей становится возможным обнаружить и ликвидировать разрывы приращения компетенций, которые могут возникать при последовательном изучении различных модулей;
- эффективное построение индивидуальной образовательной траектории, возможность полноценного ухода от дисциплинарной и «знаниевой» модели обучения к компетентностной;
- возможность текущего управления формированием компетенций. Пример: системы искусственного интеллекта в настоящее время позволяют осуществлять мониторинг поведения обучающихся во время занятия. С учетом персонального когнитивного портрета это позволит оценивать текущее формирование знаний дидактических единиц и степень сформированности компетенций слушателя, а также персонализировать промежуточные аттестации.

2. На уровне национальной системы образования:

- изменение роли преподавателя. Обмен лучшими практиками будет давать преподавателю полный план формирования компетенций, что особенно важно в условиях роста темпа изменений требований к образовательным результатам. Проектирование индивидуальной образовательной траектории с учетом персональных целей и когнитивных способностей также может решаться с использованием информационных технологий. Роль преподавателя будет трансформирована в сторону приоритетов творческого процесса реализации форм и средств дидактики, мотивации, наставничества, персонального консультирования и психологической поддержки;
- формирование дидактических технологий гарантирующих успех обучения. Отчуждение знаний от профессорско-преподавательского состава, решение проблемы ухода из образовательной организации профессорско-преподавательского состава вместе с контентом;
- создание паспортов образовательных программ как инструментов оценки и формирования траекторий обучения;
- интеграция образовательных модулей разных учреждений образования. Обеспечение полной академической мобильности обучающихся, эффективное и естественное сетевое взаимодействие образовательных учреждений, автоматическое формирование под любой запрос образовательных программ на основе информации обо всех образовательных программах (в том числе с привязкой к региону, стоимости, продолжительности и т. п.). Создание единого национального образовательного пространства;

- системно поддерживаемый обмен структурированными лучшими образовательными практиками. Оцифрованная формулировка образовательных программ переводит конкуренцию в образовательной системе из конкуренции контента и стоимости бренда в конкуренцию объективного качества;
- построение системы непрерывного образования как сочетания базового образования на основе усредненных запросов отраслей, системного дополнительного образования как уточнения компетенций, корпоративного обучения для приведения компетенций в полное соответствие запросу. Повышение квалификации двух типов — изменение, опережающее наращивание требуемых профессией компетенций и компенсация «устаревания, забывания» имеющихся компетенций;
- создание системы образования, структурно опережающей существующие образовательные технологии;
- построение полноценно непрерывной системы образования на протяжении жизни, от дошкольного образования, до переподготовки старшего поколения, предпенсионного и пенсионного возраста с учетом личных когнитивных портретов;

3. На уровне национальной экономики:

- формирование профиля компетенций гражданина как инструмента непрерывного управления человеческим капиталом (капитализированной способности личности формировать добавленную стоимость).
- создание единой базы знаний, в том числе для отраслей реального сектора экономики. Единая база дидактических единиц становится основой для построения справочных и экспертных систем для отраслевых специалистов: врачей, научных работников, разработчиков, проектировщиков, инженеров и т. д.
- изменение системы работы с кадрами на уровне предприятий: определение требуемых компетенций (корпоративные профстандарты), мониторинг профилей компетенций кадров, поиск кадров по требуемым компетенциям, прогнозирование изменения требуемых компетенций и т. д.
- новая система управления национальным человеческим капиталом, результативное обеспечение подготовки новых кадров без транзакционных потерь на переходах от образования к профессиональной деятельности, а также обеспечение эффективной пролонгированной профессиональной деятельности граждан в предпенсионном и пенсионном возрасте.
- построение инновационной системы образования, управления знаниями и человеческим капиталом, которая может стать основой выстраивания принципиально новых межгосударственных взаимоотношений и источником интеллектуального лидерства России.

Заключение

При обобщении приведенных материалов представляется возможным, а с учетом безальтернативности модернизации — необходимым, выделить конкретные компетенции в качестве неделимых единиц обучения, оцифровать их, создать поуровневый классификатор и на базе оцифрованных единиц выстроить:

- систему формирования заказа (преимущество — полное (цифровое по классификатору) совпадение заказа на обучение и предоставляемых образовательных услуг);
- систему выбора используемых для выполнения заказа средств (оцифрованных учебно-материальной и методической базы, а также компетенций преподавателей);
- непрерывную (от общего образования до профессионального обучения по заданной должности) систему профессионального образования по индивидуальным образовательным траекториям с четко определенными параметрами и сфокусированными инвестициями в человеческий капитал.

Используя сформированные системы, обеспечить цифровую модернизацию основных дидактических процессов с конкретными гарантируемыми диагностируемыми результатами обучения. Для новых компетенций возможна разработка онтологических моделей компетенций и апробация их на практике. Эти представления в совокупности дают право

утверждать о формировании концепции национальной системы профессионального образования на базе цифровых технологий, то есть цифровой системе непрерывного профессионального образования.

Работы по реализации предлагаемой концепции предлагается осуществить в следующей последовательности:

- 1) разработка и принятие общей концепции непрерывного профессионального образования;
- 2) выделение и классификация дидактических единиц;
- 3) разработка и внедрение системы классификации образовательных организаций по уровням компетенций;
- 4) разработка и внедрение системы классификации квалификации преподавательских кадров;
- 5) формирование системы задания образовательных траекторий (необходимых компетенций, ЗУН и опыта) для бизнеса;
- 6) разработка стандартов педагогических технологий, гарантирующих достижение результата (нужные люди — в нужном месте — в нужное время).

Для перевода в практическую плоскость выработанных предложений предполагается выбрать несколько отраслей реального сектора экономики для реализации пилотных проектов (например, энергетику, nanoиндустрию, космическую отрасль).

Библиографический список

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 11.05.2019).
2. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 12.05.2019).
3. Беккер, Г. Человеческий капитал. М.: Прогресс, 1980. 672 с.
4. Кешелава, А. В., Буданов, В. Г., Румянцев, В. Ю. [и др.]. Введение в «Цифровую» экономику. М.: ВНИИ гео-систем, 2017. 28 с.
5. Клячко, Т. Л., Синельников-Мурылёв С. Г. Стратегия для России: образование. М.: Изд. дом «Дело», РАН-ХиГС. 2018. 18 с.

References

1. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030 gody: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 09.05.2017 № 203 [“Strategy of the information society development in the Russian Federation for 2017–2030”, Decree of the President of the Russian Federation dated on May 9, 2017 No. 203], Ofitsial’nyi internet-portal pravovoi informatsii. Gosudarstvennaya sistema pravovoi informatsii [Official Internet portal of legal information. State system of legal information]. Available at: <http://pravo.gov.ru/> (accessed 11.05.2019).
2. Rasporyazhenie Pravitel’sstva RF ot 28.07.2017 № 1632-r, Programma “Tsifrovaia ekonomika Rossiiskoi Federatsii” [Order of the Government of the Russian Federation, July 28, 2017 N 1632-r, Program “Digital Economy of the Russian Federation”], Ofitsial’nyi internet-portal pravovoi informatsii. Gosudarstvennaya sistema pravovoi informatsii [Official Internet portal of legal information. State system of legal information]. Available at: <http://pravo.gov.ru/> (accessed 12.05.2019).
3. Becker G. Chelovecheskii capital [Human capital]. M.: Progress, 1980, 672 p.
4. Keshelava A. V., Budanov V. G., Rumyantsev V. Y. [et. al.] Vvedenie v “Tsifrovuyu” ekonomiku [Introduction to the “Digital” economy]. M.: VNIIGeosystem, 2017, 28 p.

6. Кузьмина, Н. В. Понятие «педагогической системы» и критерии ее оценки / Методы системного педагогического исследования. М.: Народное образование, 2002. С. 7–52.
7. Мухачева, Н. Н., Попов, Д. В. Онтологические модели и методы для управления информационно-интеллектуальными ресурсами организации // Вестник УГАТУ. 2010, № 1 (36). С. 123–135.
8. Остапенко, А. А. Очевидная педагогика. Модульная наглядность в преподавании вузовского курса. М.: Народное образование, 2013. 127 с.
9. Устинов, И. Ю. Определения основных терминов дидактики высшей военной школы: Учеб.-метод. пособие. Воронеж: ВАИУ, 2010. 320 с.
10. Оксфордский толковый словарь по бизнесу: англо-рус.: М.: Прогресс-Академия, 1995. 752 с.
5. Klyachko T. L., Sinelnikov-Murylev S. G. Strategiya dlya Rossii: obrazovanie [*Strategy for Russia: education*], M.: Delo, RANEPa, 2018, 118 p.
6. Kuzmina N. V. Ponyatiye “pedagogicheskoi sistemy” i kriterii ee otsenki, Metody sistemnogo pedagogicheskogo issledovaniya [*The concept of “pedagogical system” and the criteria for its evaluation, [Methods of systemic pedagogical research]*, Moscow: National Education, 2002, pp. 7–52.
7. Mukhacheva N. N., Popov D. V. Ontologicheskie modeli i metody dlya upravleniya informatsionno-intellektual'nymi resursami organizatsii [*Ontological models and methods for managing information and intellectual resources of an organization*], Vestnik UGATU, 2010, no. 1 (36), pp. 123–135.
8. Ostapenko A. A. Ochevidnaya pedagogika. Modul'naya naglyadnost' v prepodavanii vuzovskogo kursa [*Obvious pedagogy. Modular visibility in the teaching of the university course*]. M.: Public Education, 2013, 127 p.
9. Ustinov I. Y. Opredeleniya osnovnykh terminov didaktiki vysshei voennoi shkoly: Ucheb. metod. Posobiye [*Definitions of the main terms of didactics of the higher military school: Textbook*]. Voronezh: VAIU, 2010, 320 p.
10. Oksfordskii tolkovyi slovar' po biznesu: Anglo-rus [*Oxford Business Dictionary: English-Russian*]. M.: Progress Academy, 1995, 752 p.

Перспективы создания национальных и наднациональных криптовалют в странах БРИКС

Махалина Оксана Михайловна¹, Махалин Виктор Николаевич²

¹д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1234-8499, e-mail: moxanam@mail.ru

²канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5294-5856, e-mail: mahalinviktor@mail.ru

Аннотация

В статье предложено осуществить процесс разработки новой финансовой системы государств БРИКС в следующей последовательности: перевести внешнюю торговлю между государствами на расчеты в национальных валютах с последующей разработкой собственной расчетной единицы, которая впоследствии сможет заменить доллар и евро во взаиморасчетах в рамках БРИКС; разработать собственную криптовалюту или определиться с выбором такой из существующих криптовалют, которые на определенный период будут являться одним из возможных элементов механизма расчетов во взаимной торговле этих пяти стран; разработать наднациональную криптовалюту для стран – членов БРИКС. Этот процесс будет очень сложным, поскольку потребует решения многих технологических, макроэкономических и организационных проблем.

Для решения проблемы построения новой финансово-валютной системы стран БРИКС выполнен анализ фактического уровня цифровизации финансовой деятельности в странах объединения, на основании которого разработаны предложения и сформулированы следующие выводы. Криптовалютные операции полностью не запрещены ни в одном из государств объединения, а запреты распространяются лишь на отдельные операции (ISO, майнинг, биржи). Криптовалюта не признается законным средством платежа; в странах БРИКС отсутствуют собственные, национальные криптовалюты, а разрабатываются только проекты будущих криптовалют с учетом особенностей поставленных целей развития экономики и управления криптовалютной деятельности. Страны объединения не отказываются от использования технологии блокчейн в сфере экономики и финансов, так как она обеспечивает открытость и безопасность хранения данных, создания централизованных бирж, обмен товарами и услугами. Страны БРИКС должны быть заинтересованы в постепенном уходе от долларовой зависимости. Инструментами этого движения являются национальная валюта, собственная внутренняя расчетная единица, собственная национальная криптовалюта, наднациональная криптовалюта.

Ключевые слова: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, национальные валюты, национальная криптовалюта, наднациональная криптовалюта, БРИКС.

Цитирование: Махалина О.М., Махалин В.Н. Перспективы создания национальных и наднациональных криптовалют в странах БРИКС//Управление. 2019. № 2. С. 116–123.

Prospects for the creation of national and supranational cryptocurrencies in the BRICS countries

Makhalina Oksana¹, Makhalin Victor²

¹Doctor of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia,
ORCID ID: 0000-0002-1234-8499, e-mail: moxanam@mail.ru

²Candidate of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia,
ORCID ID: 0000-0001-5294-5856, e-mail: mahalinvictor@mail.ru

Abstract

The article proposes to carry out the process of developing a new financial system of the BRICS States in the following sequence: to transfer foreign trade between the States to settlements in national currencies, with the subsequent development of its own unit of account, which will subsequently be able to replace the dollar and the Euro in mutual settlements within the BRICS; develop your own cryptocurrency or choose one of the existing cryptocurrencies, which for a certain period will be one of the possible elements of the settlement mechanism in the mutual trade of these five countries; to develop supra-national crypto-currency for the countries members of the BRICS. This process will be very complex, as it will require many technological, macroeconomic and organizational challenges.

To solve the problem of building a new financial and monetary system of the BRICS countries, the article analyzes the actual level of digitalization of financial activities in the countries of the Association, on the basis of which proposals are developed and the following conclusions are formulated: crypto-currency operations are not completely prohibited in any of the States of the Association, and the prohibitions apply only to certain operations (ISO, mining, exchanges). Cryptocurrency is not recognized as a legal means of payment; in the BRICS countries there are no own, national cryptocurrencies, and only projects of future cryptocurrencies are developed, taking into account the features of the set goals of economic development and management of cryptocurrency activities; the countries of the Association do not abandon the use of blockchain technology in the field of economy and Finance, as it ensures the openness and security of data storage, the creation of centralized exchanges, the exchange of goods and services; the BRICS countries should be interested in a gradual shift away from dollar dependence. The instruments of this movement are the national currency, its own, internal unit of account, its own national cryptocurrency, supranational cryptocurrency.

Keywords: Brazil, Russia, India, China, South Africa, national currency, national cryptocurrency, supranational cryptocurrency, BRICS.

For citation: Makhalina O.M., Makhalin V.N. Prospects for the creation of national and supranational cryptocurrencies in the BRICS countries (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 116–123. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-116-123

В настоящее время в состав международного объединения БРИКС входят пять стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика (ЮАР). Первый саммит четырех стран прошел в июне 2009 г. в Екатеринбурге, ЮАР присоединилась к деятельности этого объединения в августе 2010 г. Это объединение включает около 3 млрд человек населения планеты, занимаемая ими площадь составляет 39,7 млн кв. км., производит 16,8 трлн долл. США суммарного валового внутреннего продукта. Успешное развитие экономической деятельности стран БРИКС за длительный период вызвало необходимость обрести финансовую независимость в связи с планами некоторых стран перевести внешнюю торговлю между собой на национальные валюты и последовательное исключение из обращения доллара США [4; 5].

Первым шагом БРИКС на пути постепенного ухода от так называемой «долларовой экспансии» стало подписание странами «четверки» (Бразилия, Россия, Индия, Китай) «Рамочного соглашения механизма межбанковского сотрудничества в рамках БРИКС» в 2011 г. А с момента объявления о создании Нового банка развития БРИКС и пула условных валютных резервов в 2014 г. страны взяли уверенный курс на постепенное увеличение роли национальных валют во взаимных расчетах. В первую очередь речь шла об использовании национальных валют во взаимной торговле в рамках объединения [1]. Таким путем можно будет защитить финансовые системы стран БРИКС от манипулирования внешними игроками и избежать необходимости перевода национальной валюты в доллары США. При этом, переход к взаимным расчетам на основе национальных платежных единиц повышает обоснованность необходимости разработки и использования криптовалюты для осуществления взаиморасчетов между странами объединения.

Необходимость и возможность разработки, внедрения и использования национальной криптовалюты в рамках стран БРИКС являются спорными до настоящего времени. Эксперты отмечают положительные и отрицательные стороны решения этого вопроса. По нашему мнению, чтобы ответить на этот вопрос следует решить, что сначала необходимо создавать национальную или наднациональную криптовалюту или, может быть, ограничиться созданием только национальной криптовалюты либо использовать уже существующие другие варианты [6].

Авторы полагают, что сначала необходимо сформулировать позицию государства по отношению использования криптовалюты в финансовой деятельности, определить какие виды криптовалют

будут использованы: действующие или национальные. Отсутствие нормативно-правовой базы для развития цифровой экономики, отставание регулирования и киберпреступность создают риски для экономики и общества, поэтому выбор соответствующей криптовалюты необходимо осуществлять с учетом возможных организационных, технологических и финансовых рисков [3]. Если будет принято решение о введении национальной криптовалюты, то следует рассматривать механизмы ее разработки и использования в стране. Когда эта проблема будет решена, можно будет переходить к созданию наднациональной валюты стран БРИКС. Поэтому сначала проанализируем фактический уровень цифровизации финансовой деятельности в странах объединения.

Экспертное сообщество Бразилии до настоящего времени не пришло к однозначным выводам относительно экономической и юридической составляющих использования криптовалют, как инвестиционных инструментов. В стране до 2018 г. существовал прямой запрет инвестиционным фондам осуществлять приобретение криптовалют, таких как биткоин, поскольку они не могут быть квалифицированы как финансовый актив. В то же время, оставался открытым вопрос о косвенных инвестициях фондов в криптовалютах на внешних рынках, где подобные сделки разрешены. Комиссия по ценным бумагам (CVM) выдала разрешение, в соответствии с которым бразильские инвестиционные фонды получили возможность вкладывать свои капиталы в цифровые активы. При этом фонды получили возможность покупать криптовалюту через иностранные торговые платформы, деятельность которых контролируется местными регуляторами. Власти призывают инвесторов покупать те криптовалюты, которые рекомендуют независимые эксперты. Наиболее распространенной криптовалютой в Бразилии является биткоин. В настоящее время насчитывается около 1,4 млн инвесторов, связанных с биткоинами. Количество инвесторов, торгующих на фондовой бирже в Сан-Паулу, составляет около 619 000 трейдеров. Ежедневный торговый оборот в феврале 2017 г. составлял 38 млн долл. США. Инвесторы полагают, что ведущая криптовалюта — биткоин, намного меньше подвержена каким-либо спекуляциям, в отличие от остальных цифровых валют. Поэтому можно сделать вывод о том, что в настоящее время в Бразилии отсутствует национальная криптовалюта и на внутреннем финансовом рынке страны используются только наиболее известные виды цифровых денег. Граждане Бразилии в 2016 г. вложили около 160 млн долл. США в биткоин и другие цифровые валюты. За весь 2017 г. бразильцы

приобрели криптовалюты уже на 2,4 трлн долл. США. Самая популярная в стране онлайн-биржа — Foxbit, насчитывает 400 тыс. зарегистрированных пользователей. Крупнейший Бразильский национальный банк (совокупные активы которого за 2016 г. составили около 272 млрд долл. США, а прибыль — 2 млрд долл. США) планирует создание собственной криптовалюты на базе Ethereum с названием BNDECToken, которая будет привязана к бразильскому реалу в соотношении 1:1 по стандарту ERC20. Руководство Банка считает, что создание криптовалюты является своевременным и очень важным шагом как для Банка, так и для всей страны. Власти Бразилии намерены использовать криптовалюты и блокчейн для более эффективного распределения своих природных ресурсов. С этой целью прорабатывается проект разработки национальной криптовалюты — Niobio Cash, которая должна быть обеспечена минералом ниобием. Страна располагает 98 % мировых запасов ниобия, и на Бразилию приходится 94 % его мирового производства [6; 7].

Власти Индии негативно относятся к стремительному развитию криптовалют в стране, несмотря на то, что на долю Индии приходится десятая часть всех мировых операций с криптовалютами. Это не означает то, что власти, в перспективе, откажутся от использования криптовалюты в стране. Правительство страны решило глубоко исследовать все вопросы, связанные с регулированием рынка криптовалют. Создана специальная правительственная группа для изучения системы криптовалют в Индии, но рассмотрение закона в этой сфере отодвигается на неопределенный срок. В Индии насчитывается около 6 млн пользователей криптовалюты, но правительство считает целесообразным запретить использование частных криптовалют, поэтому в июне 2018 г. Резервный банк Индии ввел ограничения на торговлю криптовалютами, из-за чего был вынужден закрыться крупнейший криптообменник Zebpay.

Министр финансов А. Джейтли, объявил о планах правительства прекратить использование криптовалют в Индии: «Правительство не признает криптовалюту в качестве законного платежного средства или монеты и примет все меры для устранения использования этих активов при финансировании незаконной деятельности или в рамках платежей» [10]. При этом криптовалюта получает все более широкое распространение среди населения, технология блокчейна внедряется в госсектор. Индийское правительство продолжает разработку нормативно-правовой базы для использования биткоина и других криптовалют, но при этом планирует разработку и выпуск Резервным банком Индии

собственной криптовалюты, которая будет называться «Лакшми». Для этого понадобится внести поправки в отдельные законодательные акты, поэтому этот процесс будет длительным [10].

Регулирование операций с криптовалютами в Китае началось еще в декабре 2013 г. Народный банк Китая в 2014 г. объявил о закрытии счетов и запрете деятельности криптобиржи. Правительство Китая эти действия объясняло тем, что операции с криптовалютами являются рискованными для потребителей и могут отрицательно влиять на финансовое состояние страны. Особенность этого регулирования заключается в том, что они не являлись полным запретом использования или владения криптовалютой. Более того, полное регулирование криптовалюты в Китае определяется законом, который вступил в силу с октября 2017 г. Этот закон является первым правовым документом, регулирующим процесс производства и использования криптовалют в стране. Согласно принятому закону, в Китае запрещено проведение первичного размещения криптовалют (ICO), закрыты существовавшие биржи биткоинов, майнинг криптовалюты признан незаконным, но частные лица продолжают проводить торговые операции на специализированных сайтах и платформах. Риски, связанные с незаконными ICO, пирамидами и даже открытым мошенничеством полностью сохраняются. Поэтому власти Китая планируют заблокировать внутренний доступ к китайским и зарубежным платформам, которые позволяют вести централизованную торговлю криптовалютой [2]. Китайское правительство не может полностью запретить биткоин, поскольку криптовалюта — инновация, которая наверняка позволит государству стать мировой державой в этой нише. Скорее всего, правительство откроет свою экономику для цифровых денег по примеру США, Японии и Южной Кореи. Народный банк Китая (НБК) разрабатывает свою собственную криптовалюту Dityuan, построенную на собственном блокчейне. Эта валюта позволит НБК собрать в режиме реального времени полные и достоверные сведения о всех финансовых операциях в пределах Китая. При этом судьба других криптовалют пока неизвестна. Особенность Dityuan заключается в том, что это национальная валюта за которую несет ответственность государство, и она будет обеспечиваться государством практически так же, как и обычный фиатный юань. В Китае не допустят свободного распространения платежных систем, которые могут быть полностью анонимны в случае использования криптовалют. Поэтому правовой статус криптовалют в Китае — один из самых плохих в мире. В то же время, никто

не мешает китайцам вкладывать деньги в криптовалюты за пределами КНР [6; 11].

В России до настоящего времени правительство не имеет четкого понимания и не смогло сформулировать направления развития цифровизации криптосферы в стране, несмотря на то, что процесс разработки нормативно-правового обеспечения цифровой экономики начался с конца 2017 г. В настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации (далее — РФ) обсуждается пакет законопроектов, включающий следующие законы: «О краудфандинге», «О цифровых финансовых активах» и «О цифровых правах». В этих документах будут прописаны основные понятия, предполагаемые к использованию для цифровизации криптосферы и механизмы обращения токенов и других финансовых активов. На основании содержания принятых законов можно будет понять, будет ли разработана собственная национальная криптовалюта или в обращении будет использоваться одна из существующих многочисленных иностранных криптовалют и какие основы заложены для создания общей криптовалюты стран БРИКС. В «Парламентской газете» Федерального собрания РФ в ноябре 2018 г. опубликована статья, в которой говорится о назревшей необходимости «...создания альтернативной доллару системы мировых расчетов, в том числе и с использованием криптовалют» [8]. Об этом говорят даже ближайшие союзники США, например, Х. Маас, министр иностранных дел Германии, прямо предложил создать собственные международные платежные системы и альтернативу платежной системе SWIFT [8]. Российская криптовалюта будет однозначно не анонимной, иначе она не может быть государственной. Ее нельзя будет майнить, поскольку государство не отдаст эмиссионный центр никому. Криптовалюту можно будет использовать для обхода санкций госкорпорациями России, а в перспективе и как инструмент для вытеснения доллара из расчетов и нейтрализации международных санкций. Смысл внедрения российской криптовалюты заключается в укорачивании цепочки посредников-операторов транзакций и, как следствие, ускорение оборота и повышение надежности операций. Планируя развитие и использование криптовалют, необходимо учитывать то, что у криптовалют есть предпосылки к росту, а также отмыванию денег и обрушению рынка. Поэтому можно предположить, что эффективное законодательство, призванное регулировать криптовалютную деятельность в России, появится не ранее чем в середине или конце 20-х гг. XXI в.

Рассмотрим далее процесс развития и использования криптовалюты в ЮАР, которая является наиболее экономически развитым государством Африки и обладает богатыми минеральными ресурсами. Особенности этого государства является также население, которое имеет пеструю структуру как по национальностям, так и по вероисповеданию. Южно-Африканский центральный банк не признает криптовалюту как законное платежное средство, поэтому вся криптовалютная экономика в республике пребывает в тени. Однако это не является препятствием роста объема рынка криптовалют в республике. Самой популярной криптовалютой в ЮАР является Bitcoin (98 %), за ним следует Ethereum (51,05 %), на третьем месте Bitcoin Cash (32,59 %). Bitcoin используется давно не только как средство оплаты, но и как настоящий инвестиционный инструмент, которым пользуется каждый второй житель страны [6].

Южно-Африканская Республика, начиная с июля 2017 г., работает в области регулирования криптовалют, но заметных результатов не достигла. В 2018 г. страна пока не высказала своего отношения к регулированию криптовалюты. По словам министра финансов ЮАР М. Гигаба: «...Регулирующие органы продолжают отслеживать и оценивать использование цифровых валют и консультироваться с заинтересованными сторонами из частного сектора в этом отношении» [9]. Южно-Африканский центральный банк признал цифровые валюты кибертокенами, так как они не соответствуют стандартам денег в полной мере, но в соответствии с заявлением Службы доходов ЮАР по налогам и сборам (SARS), облагаются налогами любые доходы от криптовалютной деятельности. В заявлении указано, что «...налогоплательщики должны декларировать доходы от криптовалютной деятельности за отчетный период, в котором прибыль получена или начислена. Игнорирование этого требования будет караться пенни и штрафами» [12].

Научно-практическое значение настоящего исследования заключается в том, что авторы выполнили и представили результаты анализа состояния и подходов к развитию криптовалют и цифровизации экономики в странах БРИКС, которые показывают существенные различия в финансовой политике и использовании зарубежного и отечественного опыта в развитии цифровой экономики. Практически, в странах объединения нет национальных и реально действующих криптовалют, а другие криптовалюты находятся под запретами разной степени. Кроме этого, сформулированы выводы по каждой из стран объединения о состоянии и степени развития цифровизации.

Власти Бразилии до настоящего времени не сформулировали своего отношения к криптовалютам, а только разрешили приобретать биткоины на внешних рынках. Таким образом, бразильские инвестиционные фонды вкладывают капиталы в цифровые активы. Власти страны продолжают работу по разработке нормативной базы по регулированию криптовалют и проектируют, в перспективе, выпуск национальной криптовалюты Niobio Cash, которая будет обеспечена одним из видов имеющихся в стране природных ресурсов — минералом ниобием.

Частные криптовалюты в Индии стремительно развивались вплоть до 6 февраля 2018 г., но после случившегося обвала биткоина Резервный банк Индии ввел серьезные ограничения на торговлю криптовалютами, а правительство страны заявило, что не признает криптовалюты законным платежным средством. Однако это не означает, что в стране не будет использоваться криптовалюта, но для ее применения потребуется новая система регулирования. Кроме того, Резервный банк Индии разрабатывает проект собственной национальной криптовалюты «Лакшми».

Политика Китая в области регулирования оборота криптовалют начала разрабатываться и реализовываться с 2014 г., когда Народный банк Китая объявил о закрытии счетов и запрете деятельности криптобиржи. В октябре 2017 г. принят закон, который запретил ICO, закрыл местные биржи биткоинов и майнинговые фермы, но этот закон не запретил полностью использование биткоина, поскольку он представляет инновации в экономику Китая. Одновременно с этим, народный банк Китая приступил к разработке собственной национальной криптовалюты — Dityuan, которая будет построена на собственном блокчейне.

В России отношение к криптовалютам остается пока предметом дальнейшего пристального изучения, так как разработанные законопроекты, призванные регулировать криптовалютную деятельность, до настоящего времени не приняты. Центральный банк России не признает криптовалюты, но это отношение не запрещает криптовалютную деятельность. Власти России продолжают разработку собственной криптовалюты, которая будет не анонимной и государство сохранит за собой эмиссионный центр.

В ЮАР власти также не признают криптовалюту как законное платежное средство, но и не запрещают криптовалютную деятельность. В стране наряду с официальными деньгами имеют хождение наиболее популярные мировые криптовалюты, такие как: Bitcoin, Ephereum, Bitcoin Cash и, которыми каждый второй житель государства пользуется как средством

оплаты либо как инвестициями. Собственная национальная криптовалюта в республике отсутствует, но доходы от криптовалютной деятельности облагается налогом.

По результатам выполненного исследования, авторы разработали и сформулировали ряд предложений, каждое из которых, содержит элементы научной новизны, которые можно будет использовать не только в процессе цифровизации экономики стран БРИКС, но и стран, входящих в объединение Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС).

1. Ситуация в каждой из стран БРИКС (ЕАЭС) довольно разная, однако страны идут похожими путями и преследуют в своем цифровом развитии схожие цели. Необходимо активнее участвовать в развитии цифровой экономики, в разработке общих для стран БРИКС, правил сотрудничества в этой области, гармонизации национального нормативного регулирования, финансовом контроле, за оборотом криптовалют и защите данных, формировании информационно-технологической инфраструктуры и подготовке кадров, обладающих соответствующими компетенциями.

2. Разработать для стран БРИКС (ЕАЭС) модельную стратегию внедрения цифровых технологий в экономику, которая могла бы быть включена в комплексную программу по цифровизации национальной экономики, разработанную и предложенную для каждой страны объединения, с учетом основных тенденций цифровизации и уровня развития национальных экономик. Такую модель следует включать в качестве основы для создания или развития национальных планов цифровизации стран БРИКС (ЕАЭС).

3. Криптовалютные операции во всех странах объединения полностью не запрещены, а распространяются только на отдельные операции (ICO, майнинг, биржи). Криптовалюта не признается законным средством платежа, поэтому криптовалютная экономика существует в большинстве случаев вне правового поля, и только в ЮАР криптовалютная деятельность облагается налогом.

4. В странах БРИКС отсутствуют национальные криптовалюты, которые можно было бы использовать в качестве одного из механизмов расчетов между странами объединения. Банк развития БРИКС мог бы использовать национальные криптовалюты для организации займов и развития совместных проектов и, таким образом, формировалась бы новая валютно-финансовая система между странами. В перспективе национальные криптовалюты могут быть использованы для разработки и внедрения специализированной наднациональной криптовалюты, например БРИКСкоин. В настоящее время,

во всех странах объединения, за исключением ЮАР, разрабатывают проекты собственных национальных криптовалют с учетом особенностей развития экономики, целей развития и управления криптовалютной деятельностью.

5. Несмотря на отдельные запреты на некоторые виды криптовалютной деятельности, страны БРИКС не отказываются от использования технологии блокчейн, потому что он позволит странам объединения добиться эффективного экономического взаимодействия, сделав его более быстрым и прозрачным, преодолеть существующие различия между странами в сфере экономики и финансов вследствие открытости и безопасности хранения данных, создания централизованных бирж, обмена товарами, услугами и труда.

6. Страны БРИКС должны быть заинтересованы в постепенном уходе от так называемой долларовой зависимости. Первым шагом на этом пути является увеличение доли национальных валют в осуществлении взаиморасчетов. Здесь речь идет об использовании национальных валют, а их место могут занимать и национальные криптовалюты. Дальнейшим развитием должно стать создание в рамках объединения собственной расчетной единицы, которая впоследствии, наравне с долларом и евро могла бы стать еще одним инструментом взаиморасчетов при торговле в рамках объединения. Подобной расчетной единицей может стать наднациональная криптовалюта, разработанная и принятая странами БРИКС.

Библиографический список

1. Горбачева, В. Цифровизация поднялась на новый уровень // Российская газета: Спецвыпуск — Дыхание Китая, 30.03.2018, № 7530.
2. Лексютин, Я. В. Китай в БРИКС: мотивация участия // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 81–89.
3. Махалин, В. Н., Махалина, О. М. Управление вызовами и угрозами в цифровой экономике России // Управление. Научно-практический журнал, 2018. № 2. С. 57–60.
4. Махалина, О. М., Махалин, В. Н. Развитие цифровой экономики в глобальной экономической системе. Материалы III Международной научно-практической конференции: «Экономика и управление в XXI веке: стратегии устойчивого развития». Пенза, 2017, С. 89–95.
5. Сергеева, О. Ю., Бойцова А. А., Шалыгина О. Д. Содружество БРИКС и его влияние на мировую экономику // Вопросы экономики и управления. 2015. № 2. С. 44–47.
6. Ткаченко, И. Ю. Возможности наднационального регулирования цифровой экономики в странах БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 5. С. 9–11.
7. Бизюкова, Е. Криптовалюта завоевывает Бразилию. Национальный Комитет по исследованию БРИКС, Россия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nkibrics.ru/posts/show/5abaa19c62726942a4170000> (дата обращения: 02.04.2019).
8. Доренков, И. Использование криптовалют становится объективной необходимостью / Парламентская газета, 6 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.pnp.ru/> (дата обращения: 02.04.2019).
9. Лентяев, Д. Власти ЮАР намерены взять под контроль рынок криптовалют [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://forknews.io/legal/000581-vlasti-yuar-namereny-vzya.html> (дата обращения: 12.04.2019).
10. Лиходей, Е. В. Индии может появиться своя криптовалюта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bitcryptonews.ru/news/cryptocurrency/-v-indii-mozhet-poyavitsya-svoya-kriptovalyuta> (дата обращения: 16.04.2019).

References

1. Gorbacheva V. Tsifrovizatsiya podnyalas' na novyi uroven' [Digitalization has risen to a new level], Rossiiskaya gazeta: Spetsvypusk — Dykhanie Kitaya [Rossiyskaya Gazeta: Special Edition — Breath of China], 30.03.2018, no. 7530.
2. Leksyutina Ya. V. Kitai v BRIKS: motivatsiya uchastiya [China in BRICS: motivation of participation], Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations], 2014, no. 4, pp. 81–89.
3. Makhalin V. N., Makhalina O. M. Upravlenie vyzovami i ugrozami v tsifrovoi ekonomike Rossii [Managing challenges and threats in the digital economy of Russia], Upravlenie, 2018, no. 2, pp. 57–60.
4. Makhalina O. M., Makhalin V. N. Razvitie tsifrovoi ekonomiki v global'noi ekonomicheskoi sisteme [Development of the digital economy in the global economic system], Ekonomika i upravlenie v XXI veke: strategii ustoychivogo razvitiya [Proceedings of the III International scientific and practical conference: "Economics and management in the XXI century: sustainable development strategies"], Penza, 2017, pp. 89–95.
5. Sergeeva O. Yu., Boitsova A. A., Shalygina O. D. Sodruzhestvo BRIKS i ego vliyanie na mirovuyu ekonomiku [Commonwealth of BRICS and its impact on the world economy]. Voprosy ekonomiki i upravleniya [Issues of Economics and management], 2015, no. 2, pp. 44–47.
6. Tkachenko I. Y. Vozmozhnosti nadnatsional'nogo regulirovaniya tsifrovoi ekonomiki v stranakh BRIKS [Opportunities of supranational regulation of the digital economy in the BRICS countries]. Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [The Russian external economic Bulletin], 2018, no. 5, pp. 9–11.
7. Bizyukova E. Kriptovalyuta zavoeyvaet Braziliyu [Cryptocurrencies are conquering Brazil], Natsional'nyi Komitet po issledovaniyu BRIKS, Rossiya [National Committee for BRICS research, Russia]. Available at: <http://nkibrics.ru/posts/show/5abaa19c62726942a4170000> (accessed 02.04.2019).
8. Darenkov I. Ispol'zovanie kriptovalyut stanovitsya ob"ektivnoi neobkhodimost'yu [Using the cryptocurrency becomes an objective necessity], Parlamenskaya gazeta [Parliamentary Newspaper], November 6, 2018. Available at: <https://www.pnp.ru/> (accessed 02.04.2019).

11. Тимофеева, А. Власти Китая рассматривают возможности легализации криптовалюты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.ihodl.com/topnews/2018-08-13/vlasti-kitaya-rassmatrivayut-vozmozhnost-legalizovat-kriptovalyuty/> (дата обращения: 22.04.2019).
12. Служба доходов Южной Африки (SARS). Позиция SARS относительно налогового режима криптовалют [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sars.gov.za/Media/MediaReleases/Pages/6-April-2018---SARS-stance-on-the-tax-treatment-of-cryptocurrencies-.aspx>. (дата обращения 20.04.2019).
9. Lentyaev D. Vlasti YuAR namereny vzyat' pod kontrol' ry-nok kriptovalyut [*South African authorities intend to take control over the cryptocurrency market*]. Available at: <https://forknews.io/legal/000581-vlasti-yuar-namereny-vzya.html> (accessed 12.04.2019).
10. Likhodei E. V Indii mozhet poyavit'sya svoya kriptovalyuta [*India may have its own cryptocurrency*]. Available at: <https://bitcryptonews.ru/news/cryptocurrency/v-indii-mozhet-poyavitsya-svoya-kriptovalyuta> (accessed 16.04.2019).
11. Timofeeva A. Vlasti Kitaya rassmatrivayut vozmozhnosti legalizatsii kriptovalyuty [*Chinese authorities are considering the possibility of legalization of cryptocurrency*]. Available at: <https://ru.ihodl.com/topnews/2018-08-13/vlasti-kitaya-rassmatrivayut-vozmozhnost-legalizovat-kriptovalyuty/> (accessed 22.04.2019).
12. Sluzhba dokhodov Yuzhnoi Afriki (SARS) Pozitsiya SARS otnositel'no nalogovogo rezhima kriptovalyut [*SARS position on cryptocurrency tax regime*]. Available at: <http://www.sars.gov.za/Media/MediaReleases/Pages/6-April-2018---SARS-stance-on-the-tax-treatment-of-cryptocurrencies-.aspx>. (accessed 20.04.2019).

Декомпозиция социальных проблем цифровизации управления

Райченко Александр Васильевич

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5776-013X, e-mail: A.V.Raychenko@bk.ru

Аннотация

В статье обоснована, представлена и исследована декомпозиция социальных проблем цифровизации управления, последовательно выделены и раскрыты директории и форматы их позиционирования. Ключевые объекты исследования – проявления влияния социальных проблем на постановку, разработку и осуществление программ цифровизации управления, подходы, возможности и примеры определения вариантов их разрешения. Проведенный анализ и сформулированные выводы позволяют сформировать целостное представление и применить прикладные рекомендации по выделению, исследованию и разрешению социальных проблем цифровизации управления современной организацией. Это особенно актуально сегодня, когда национальная, отраслевые и региональные программы цифровизации экономики и управления определяют один из ключевых трендов прорывного социально-экономического развития.

Проанализированы примеры проявления, изучения и разрешения социальных проблем цифровизации из актуальной практики управления лидирующих в своих отраслях, эффективно действующих отечественных предприятий реального сектора экономики. Представляемый материал собран, обработан и адаптирован в процессе разработки, внедрения и сопровождения применения организационно-методических материалов по заказу этих организаций, в рамках выполнения прикладных научных исследований. В изложении положений статьи использован также материал, собранный на открытых ресурсах и в процессах взаимодействия с организациями инфраструктуры, активно внедряющими и широко использующими в практике управления цифровые продукты и базы данных. Проведенный анализ конкретного материала реально участвующих в рассматриваемых процессах предприятий и организаций позволяет достоверно, адекватно и перспективно ориентированно выявлять, оценивать и декомпозировать сложившийся спектр социальных проблем цифровизации управления.

Ключевые слова: декомпозиция, социальная проблема, решение, цифровизация, управление.

Цитирование: Райченко А.В. Декомпозиция социальных проблем цифровизации управления//Управление. 2019. № 2. С. 124–132.

JEL O32

DOI 10.26425/2309-3633-2019-2-124-132

Received: 22.04.2019 Approved: 27.05.2019 Published: 15.07.2019

Decomposition of social problems of management digitalization

Raychenko AlexandrDoctor of Economic Sciences, State University of Management, Moscow, Russia,
ORCID ID: 0000-0001-5776-013X, e-mail: A.V.Raychenko@bk.ru

Abstract

The decomposition of social problems of management digitalization has been proved, presented and investigated in the article, the directories and formats of their positioning have been selected and opened consistently. Key objects of the research are manifestations of influence of social problems on setting, development and implementation of programs of management digitalization, approaches, opportunities and examples of definition of options of their resolution. Conducted analysis and formulated conclusions allow us to create complete representation and to implement applied recommendations about selection, a research and solution influence of social problems on management digitalization of modern organization. This is especially relevant today, when national, sectoral and regional programs for the digitalization of the economy and management define one of the key trends in breakthrough socio-economic development.

The examples of the manifestation, study and resolution of social problems of digitalization from the actual practice of managing leading, efficiently operating domestic enterprises in the real sector of their sectors have been analyzed. The presenting material has been collected, processed and adapted by the author in the process of development, implementation and maintenance of the use of organizational and methodological materials commissioned by these organizations, as part of the implementation of applied research. In the statement of the provisions of the article, the material has been also used, collected by the author on open resources and in the processes of interaction with organizations of the infrastructure, that are actively introducing and widely using digital products and databases in management practice. Carried-out analysis of specific material actually involved in the processes of enterprises and organizations allows us reliably, adequately and prospectively oriented to identify, evaluate and decompose the existing range of social problems of management digitalization.

Keywords: decomposition, social problem, solution, digitalization, management.

For citation: Raychenko A.V. Decomposition of social problems of management digitalization (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 124–132. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-124-132

Динамичность современного управления, как перманентно развивающегося процесса, целенаправленного воздействия субъекта на объект необходимо основывается, содержательно представляется, инструментально обрабатывается, результативно отражается информацией, определяющей предмет, средство, продукт и собственно процесс постановки и достижения цели. Перманентно возрастающие объемы этой информации, необходимость ее актуализации, расширение и усложнение баз данных обусловили переход к цифровым форматам получения, систематизации, передачи, обработки и представления информационного обеспечения управления. Проработанность, адекватность и достоверность подготовки вариантов решений, детерминирование, индикация и регистрация их показателей, обоснованность принятия и реализации конкретных процедур воздействия оценивается исключительно в виде информации. Оперативность контроля и сопровождения исполнения решений, адекватность и соизмеримость оценки достигнутых результатов, использование анализа осуществления процедур воздействий в ходе целенаправленного функционирования организации постоянно повышают значение и кардинально расширяют применение цифровых форматов на всех этапах обработки данных, представляющих все многообразие характеристик субъектов, объектов и процессов управления в современной организации.

Принятые отраслями программы цифровизации, с одной стороны, все возрастающая потребность в их скорейшей реализации, с другой, обусловлены стратегическими тенденциями ускоряющейся разработки и расширяющегося применения нарастающих ресурсов использования электронно-вычислительной техники в управлении социально-экономическими организациями. Вместе с тем, очевидно, что темпы развития этого процесса существенно ограничиваются уровнем технологичности, формализации, специализации объектов целенаправленного воздействия, формализуемым в классификации управления по родам объектов воздействия. Со своей стороны, предметная цифровизация процессов управления сталкивается с проблемами, которые во многом обуславливаются исключительным разнообразием процедур кооперации конкретной организации. В управлении объектами первого рода, характеризующимися конечным числом степеней свободы и устойчиво нарастающими тенденциями последовательного расширения применения компьютерных технологий, цифровизация осуществлялась наиболее естественным образом, становясь составляющей динамичного процесса автоматизации производства.

Показательным примером начала поступательного развития этих процессов стали разработка и внедрение инструментария числового программного управления (далее — ЧПУ) в применении станочного парка, обусловившие, в конечном счете, переход к автоматизированным системам управления технологическими процессами (далее — АСУ ТП), и, в целом, к автоматизированным системам управления производством (далее — АСУП), а, в последующем и к роботизированным производственным комплексам (далее — РПК). Вместе с тем, большая часть современного производства сохранила значительное число персонифицированных рабочих мест, в том числе и автоматизированных (далее — АРМ), что актуализировало накопление соответствующих проблем, которые со временем стали квалифицироваться воздействием социально-психологических факторов на цифровизацию управления.

В обозримой перспективе в каждой социально-экономической организации, работающей в сферах исследования, производства, распределения и потребления применение цифровых технологий будет в той или иной степени необходимо организовываться, сопровождаться, обеспечиваться активным, всесторонним и содержательным участием всего персонала управления в цифровизации. Это обуславливает определяющее значение выявления, учета, анализа влияния социальных проблем на темпы, результаты и эффективность цифровизации управления. Очевидно, что помимо этого, вполне обоснованно выделяется целый ряд технических, технологических, экономических и иных факторов, оказывающих существенное воздействие на процессы и результаты разработки и реализации программ цифровизации, которые не рассматриваются в настоящей публикации. Их структурное выделение и предметное перечисление в данном исследовании целенаправленно проводится с позиций выявленного автором влияния на формирование, развитие и разрешение исключительно социальных проблем цифровизации управления современными организациями.

Формирование исследуемых противоречий началось еще в 70-х гг. XX в. с началом автоматизации управления производством, выражавшемся последовательностью разработки и внедрения ЧПУ, АСУ, АРМ и других цифровых форматов выработки и реализации целенаправленного воздействия. Проводившиеся автором на ряде предприятий и организаций различных отраслей экономики исследования этих инноваций убедительно показывают ключевое значение влияния на разработку и осуществление программ цифровизации, прежде всего, социально-психологических факторов, обуславливающих

формирование целого кластера соответствующих проблем. Выбор позиционирования анализируемых проблем в формате кластера обусловлен определением его понимания как подмножества результатов поиска, связанных единством темы, позволяющего коррелировать самые разнообразные факторы формирования проблем в общую модель. Последовательному проведению декомпозиции, сравнительному анализу проявлений и разрешений выявленных противоречий в рамках кластера социальных проблем цифровизации управления и посвящаются исследования и результаты, представленные настоящей публикацией.

Прежде всего, в рассматриваемом кластере проявляются актуальные тренды влияния на разработку и осуществление программ цифровизации управления складывающихся социальных противоречий, которые последовательно представляются тремя основными директориями, условно разделяемыми по своему генезису на: объективные, субъективные и смешанные. Применение этого формата проведения декомпозиции позволяет не только определить природу возникновения и характер развития, но, и что особенно важно, наиболее конструктивные подходы к выявлению и разрешению сущности складывающихся и преобразующихся социальных противоречий организации цифрового управления. Проведенные исследования показали, что при анализе этих противоречий, стратегически важно учитывать то, как логика применяемой декомпозиции обеспечивает возможности выявления последовательности и определения преемственности состава и содержания каждой из выделяемых ею директорий [1]. Именно сущностные преимущества последовательной декомпозиции исследуемых противоречий по конструктивно выделяемым директориям и обуславливают целесообразность ее использования в ходе выявления, исследования и разрешения кластера социальных проблем разработки и осуществления программ цифровизации управления.

Выделение директории объективно складывающихся противоречий обосновывается определяющим значением их первично непосредственного воздействия на организацию цифрового управления, обусловленного изначально существующими противопоставлениями ключевых характеристик функционирования: субъекта и объекта, с одной стороны, и цифровых процедур обработки данных, с другой. Очевидно, что механизация и автоматизация средств производства на определенном этапе развития существенно опередила аналогичные инновации в управлении, что и обусловило формирование соответствующих проблем. В качестве

ключевой характеристики формата объективно обусловленных проблем следствием такого технологического опережения обусловлено проявление кардинальных различий затрат времени на поиск, нахождение, отбор и выполнение всего спектра операций с информацией, между режимами «ручной» и «цифровой» обработки данных. Это особенно контрастно проявилось при расширении применения и модернизации наполнения «цифровых» технологий регистрации и обработки информации при их внедрении в ЧПУ, АСУ ТП, АСУП и др. [2].

По наблюдениям автора практика разработки и внедрения «цифровых» форматов в управлении социально-экономическими организациями наглядно проявила устойчивые тенденции консервативного удержания лицами принятия решений (далее — ЛПР) большинства, в том числе, легко цифровизируемых функций управления. Очевидно, что, сохраняя за ЛПР абсолютное большинство, если не полностью весь администрируемый объем выработки и принятия дискретных воздействий, традиционные процедуры управления фактически «обнуляют», если не «выводят в минус» количественные преимущества скорости цифровой обработки данных. Наиболее наглядным примером контрастного проявления противоречия временных затрат в «цифровом» и «ручном» режимах этого формата может служить соотношение времени принятия эффективных решений, на основе использования оперативных данных технического анализа компьютерными роботами в РПК и физически работающими, в том числе и на современных АРМ маклерами в биржевых электронных торгах [7].

Дискретный анализ сопоставления скорости выполнения отдельных информационных операций в «цифровом» и «ручном» режимах работы с оперативно обновляемыми данными выделяет еще более значимые социальные противоречия цифровизации, радикально влияющие на организацию принятия и реализации управленческого решения. Очевидно, что в необходимо обусловленных действующими процедурами переходах от «цифрового» режима работы с данными к «ручному», происходит не только радикальная потеря времени, но и неизбежное ограничение объема обработки информации, обусловленное их принципиально различными скоростями. Неизбежно происходящие «округления», при переходе от «цифрового» к «ручному» и «дополнения», при переходе от «ручного» к «цифровому» режиму, накапливают отклонения в объемах обрабатываемых данных, наглядно проявляющихся в сбоях АСУП [2, с. 34].

Негативные последствия подобных отклонений многократно возрастают при необоснованном увеличении числа переходов от «цифрового» режима к «ручному», так или иначе провоцируемых как ЛПР, так и исполнителями всех уровней. Это особенно контрастно проявляется в виде, так называемых, «вынужденных» приостановок циклически повторяющейся последовательности реализации интегрированных процедур выполнения управленческих операций в цифровом формате. Такими и схожими с ними тенденциями обуславливается необходимость выделения формата количественных противоречий, нарастание влияния которых во многом определяет обстоятельства и формирует тенденции роста угрозы допущения ошибочного решения, принимаемого и реализуемого в «ручном» режиме. Наиболее наглядным примером радикальных последствий проявления количественных противоречий сочетания «цифровой» и «ручной» обработки информации являются ситуации с авиационными происшествиями, произошедшие, по заключениям комиссий ИКАО (от англ. ICAO, International Civil Aviation Organization – Международная организация гражданской авиации) по вине пилотов, диспетчеров, операторов, обслуживающего персонала аэропортов. В этих заключениях отмечается ограничение способности ЛПР адекватно учесть весь объем оперативных данных, представляемых широким спектром каналов информирования, от детерминированных показаний приборов, до голосовых предупреждений систем безопасности, автоматическое соблюдение которых обеспечивало бы выход из кризиса на основе принципов работы РПК [8].

В той или иной степени, подобные зависимости проявляются практически на всех предприятиях реального сектора экономики, активно внедряющих автоматизацию процессов производства на цифровой основе. Как показали проведенные автором исследования процессов управления на протяжении более чем 40-летнего периода организации, функционирования и развития АСУ АО «Авиатехнология», «Слава», «Фольгопрокатный завод» и др. количественное накопление объема информации, на определенном этапе выработки вариантов воздействия обуславливает формирование и проявление качественных противоречий, представляемых третьим форматом директории объективных проблем разработки и осуществления программ цифровизации управления. Генезис качественных проблем эффективного использования возможностей цифровизации управления, изначально имеет существенно более сложный характер, обуславливающий соответствующие последствия ее разработки

и осуществления [3]. Очевидно, что такой сложный характер обуславливает развитие соответствующих, по своему генезису противоречий, также выражающихся, в конечном счете, в нарастании, как общих, так и специфических социальных проблем цифровизации управления.

С одной стороны, использование «цифровым» режимом обработки данных многократно большего количества независимо получаемой информации естественно обеспечивает выработку принципиально более проработанного по качеству варианта воздействия. С другой стороны, все вырабатываемые в «цифровом» режиме варианты имеют прецедентную природу, обусловленную необходимостью программирования обработки информации по заранее представляемым постановщиками задач сценариям, в отличие от «ручного» режима», предоставляющего потенциальные возможности выработки беспрецедентного решения. Творческая природа, креативный характер, инновационные результаты выработки, принятия и реализации такого инновационного решения способны обеспечить выработку качественно нового беспрецедентного воздействия, эксклюзивного, авторского сопровождения осуществления программы запланированных действий, достижение не имеющего аналогов, прорывного результата [5]. Наиболее наглядным примером выработки и реализации вариантов такого воздействия в «ручном» режиме могут являться успешные, конкурентно прорывные стартапы талантливых предпринимателей, разрабатывающих и проводящих их на базе «Сколково» применительно к самым разным отраслям цифровой экономики [6].

Расширение исследований рассматриваемых противоречий обосновывает необходимость выделения второй, субъективной директории кластера социальных проблем разработки и осуществления программ цифровизации управления, раскрывающих наиболее сложные для прогнозирования, а значит и программирования, версии вариантов целенаправленных воздействий. Природа этих противоречий обусловлена исключительно широким спектром практической индивидуализации реакции сотрудников социально-экономических организаций на цифровизацию: регистрации, персонализации, сопоставления и других операций обработки персональной управленческой информации. Содержательным анализом проявлений основных характеристик этой природы определяется целесообразность выделения трех основных форматов субъективных противоречий разработки и осуществления программ цифровизации управления, которые можно

квалифицировать, как: индивидуальные, групповые и корпоративные. Такая декомпозиция директории субъективных проблем позволяет конструктивно исследовать, содержательно описывать и комплексно прогнозировать тенденции развития, как отдельных составляющих, так и самых разнообразных агрегаций их проявления, обеспечивая исчерпывающее представление всего спектра субъективных реакций на разработку и реализацию конкретных программ цифровизации управления.

Индивидуальные форматы проявления и разрешения социальных проблем в сфере управления, отражаются, прежде всего, наиболее разнообразным спектром противоречий, раскрывающим широкий диапазон возможных реакций сотрудников на формализацию, планирование и регистрацию выполнения ими персональных обязанностей. Основные тенденции формирования и развития социальных противоречий цифровизации управления в индивидуальном формате проявляется не в программировании процедур, а в разработке и применении конструктивных механизмов компенсации или преодоления противодействия сотрудников, перманентно расширяющемуся и углубляющемуся контролю исполнительской дисциплины. Проведенные автором исследования таких проявлений показали, что ключевое решение этих проблем, очевидно, позиционируется не в усилении «давления» официального руководства, но в эффективной мотивации персонала к конструктивной адаптации повсеместного перехода на режимы «цифрового» управления. Основой такой адаптации стала систематизация учета и использования в персональном стимулировании как можно большего числа и разнообразия позитивно характеризующих подавляющее большинство сотрудников факторов профессионального соответствия, роста, развития, разработанная и внедренная учеными университета в управлении персоналом «РКК «Энергия» [4].

Персональные проблемы индивидуального формата содержательно выявляются и принципиально решаются руководящим составом организации, личностная реакция которого на весь спектр социальных противоречий цифровизации управления отражается иными, существенно более сложными проявлениями. Наиболее значимые из них определяются, прежде всего, субъективной составляющей творческого характера руководящей деятельности ЛПР, облеченных реальным правом принятия окончательного варианта персонального воздействия в сфере закрепленных за ними должностных полномочий. Этот спектр противоречий, крайне сложно определяется и формализуется, что обуславливает

соответствующие социально-психологические проблемы взаимодействия руководителя и подчиненных, во требующие выработку и применение индивидуального подхода. Цифровизация выполнения составляющих такого подхода, кроме индивидуальной реакции ЛПР на перераспределение полномочий, имеет реальные ограничения формализации программирования, наглядно и образно продемонстрированные многочисленными литературными примерами попыток разработки и применения искусственного интеллекта [2].

Выделение формата групповых противоречий разработки и осуществления программ цифровизации управления изначально обусловлено многосложной социально-экономической природой современной бизнес организации. С одной стороны, она определяется необходимостью создания и поддержания условий максимального проявления и реализации эффекта синергии, обеспечивающего достижение ключевых конкурентных преимуществ любой социально-экономической организации. С другой стороны, программы организации и проведения эффективной цифровизации управления реально функционирующей бизнес организации не могут не учитывать сложившихся социальных традиций, формирующих потенциал «групповой устойчивости» к радикальным преобразованиям. Ключевым звеном выявления, анализа и разрешения подобных противоречий, как показывает практика, является организация согласованного взаимодействия сотрудников, являющаяся главной задачей руководителя. Конструктивную роль в постановке и решении этой задачи уже сегодня активно играет цифровизация динамично расширяющихся массивов функционального взаимодействия, позволяющая оптимизировать работу каждого сотрудника и всей команды в целом.

Очевидно, что в реально развивающихся рыночных условиях проявления групповых проблем постановки и применения ресурсов цифрового управления могут принимать и иные, достаточно разнообразные формы, исследование и использование потенциала которых может существенно повысить эффективность перехода на цифровые форматы, не только собственно бизнес-организации, но и ее внешних взаимодействий, например, с клиентской базой. Наглядным примером конструктивного комплексного решения исчерпывающего многообразия таких групповых проблем может служить эффективная на протяжении уже более 12 лет деятельность банка «Тинькофф», разработавшего, применившего и постоянно совершенствующего виртуальный формат цифровой коммуникации. Активно развивая

применение цифровых форматов, банк «Тинькофф» конструктивно продвигает новые технологические решения, вовлекая в цифровое взаимодействие не только клиентов, но и широкий круг аффилированных с ними участников. Постоянно публикуя в своем сетевом журнале методики освоения современных цифровых коммуникаций, крупнейший в мире виртуальный банк эффективно продвигает цифровые технологии в социальную среду [7].

Выделение формата корпоративных проблем разработки и осуществления программ цифровизации управления отражает определяющее значение архитектоники рыночного построения современной бизнес организации, приходящего на смену коллективной основе, свойственной традиционно социалистическим принципам функционирования социально-экономических объединений. Корпоративное управление во многом изначально строится на основе обеспечения организации исчерпывающим составом и содержанием непрерывно обновляемых данных, адекватно отражающих весь спектр происходящих перемен. Принципиальным отличием корпоративного формата явилось становление и развитие конкурентных механизмов внутри организационного взаимодействия, оказывающих существенное влияние на постановку целей, определение условий и необходимость учета соответствующих факторов цифровизации управления. Именно здесь, в формате корпоративных проблем, возможности «цифрового» режима информирования оказывают наиболее действенное влияние на развитие внутри корпоративной конкуренции, обеспечивая увеличение скорости, количества и разнообразия информационного сопровождения управления, доступного каждому участнику процесса. Наглядным примером этому может служить многократное расширение линейки критериев оценки и индикаторов вычисления рейтинга эффективности профессорско-преподавательского состава российских корпоративных вузов, определяющего персональные премиальные выплаты по алгоритмам расчета переменной части оплаты труда при заключении и реализации формата эффективного контракта.

Исследование состава и содержания директорий объективных и субъективных проблем разработки и осуществления программ цифровизации управления современной социально-экономической организации необходимо, прежде всего, для изучения и представления развернутого спектра противоречий в процессах его формирования, функционирования и развития. Это позволяет фундаментально проанализировать и комплексно оценить последовательность и содержание противоречий, выявление проблем

и выработку путей их разрешения, получение фиксируемых результатов и ожидаемые последствия реализации основных этапов генезиса процессов цифровизации управления. Очевидно, что выделение объективных и субъективных директорий позиционирования проблем цифровизации осуществлялось именно для фундаментального обоснования и концептуального представления генезиса формирующихся и развивающихся противоречий цифровизации управления. Вместе с тем, такой анализ совершенно необходим не только для понимания внутренних механизмов конструктивной организации цифрового управления, но и с целью обоснования фундаментальной концепции его построения, применения и совершенствования [4].

Рассматривая содержание и характер основных составляющих выделенных директорий, необходимо отчетливо понимать, что в ходе осуществления процессов формирования, функционирования и развития ресурсов цифрового управления абсолютное большинство выявляемых проблем приобретает смешанную природу, обуславливая ключевое значение соответствующей директории рассматриваемого кластера. Более того, необходимо также изначально понимать, что именно смешанная природа и создает совершенно необходимые условия для выявления, исследования и разрешения всего спектра реально складывающихся противоречий цифровизации управления. Очевидно, что неизбежным воздействием социальных факторов и обуславливается абсолютное большинство проявлений, предметно рассматриваемой в настоящем исследовании смешанной природы формирования и разрешения противоречий цифровизации управления.

Реально исследуемое разнообразие состава и содержания складывающихся и развивающихся, практически неизбежно смешанных по своей природе, объективно-субъективных противоречий разработки и осуществления программ цифровизации управления можно условно представить такими форматами, как: информирующий, координирующий, кооперирующий. Каждая из представляемых их содержанием проблем отражает совокупность проявлений объективно-субъективных противоречий цифровизации управления, конструктивность выявления, анализа и разрешения которых изначально ориентированы на обеспечение планирования, разработки, принятия и реализации целенаправленного воздействия в социально-экономических организациях на основе современного цифрового обеспечения. Именно поэтому, исчерпывающе представляющая реальные проявления и действия смешанная директория

проблем цифровизации управления социально-экономическими организациями способна целостно представить, научно обосновать и практически адаптировать все многообразие их конструктивных разрешений.

Длительное время из смешанной директории исключались противоречия информирующего формата, на основании разделения автоматизированных систем на АСУ (Автоматизированная система управления) и АИС (Автоматизированная информационная система). Первоначально разработанные для функционирования по запросу АИС действительно не оказывали или существенно ограничивали информирующее воздействие на персонал организации. Между тем, с развитием современных условий функционирования социально-экономических организаций мотивационное воздействие опосредованного информирования персонала, как показывают проведенные автором на РКК «Энергия» исследования оказывает порой существенно более эффективное, чем прямое указание руководства, воздействие [4]. Более того, индивидуальность восприятия сотрудниками информирующего влияния гораздо более адаптивно отстраивает их персональную интеграцию в процессы корпоративного взаимодействия, создавая условия развития саморегулирования. Именно поэтому расширение применения «цифровых» режимов перманентного информирования персонала по текущим уровням, трендам, приоритетам и т. п. становится одним из определяющих трендов совершенствования корпоративного управления.

Совокупность координирующих проблем разработки и осуществления программ цифровизации управления традиционно выделялась в качестве ключевой еще при постановке задач для программирования в АСУ ТП. Именно с постановки, исследования и разрешения соответствующих проблем и начиналась когда-то автоматизация управления, обеспечившая в последующем кооперацию отдельных составляющих в интегрированную АСУП. Состав и содержание проблем координации при постановке и применении методологии цифрового управления на предприятии сегодня получают принципиально новое, достаточно очевидное и конструктивное разрешение. Причем, в рыночных условиях выделение формата проблем координации приобретает существенно более глобальное значение в связи с принципиально иными приоритетами производства, гибко ориентирующегося на изменения конъюнктуры спроса. Очевидно, что в будущем, без конструктивного выделения и предметного разрешения методологических проблем цифровизации такой глобальной координации современному предприятию будет

крайне сложно, если вообще возможно, успешно конкурировать на свободном рынке.

Формат проблем кооперации объединяет наиболее сложные противоречия разработки и осуществления программ цифровизации управления в многофакторных, матрично организованных, жестко регулируемых построениях исследования, проектирования, строительства, производства, реализации, потребления и других, относительно стабильных процессов. В нем, изначально адаптированный к условиям цифровизации, высокий уровень формализации технологий сталкивается с постоянно меняющимися вызовами спроса, обуславливающими перманентно нарастающие требования к динамичности конструктивных преобразований. В таких подвижных условиях исчерпывающее прогнозирование и программирование неизбежно трансформируется в эволюционно налагающиеся модели учета, анализа и выработки рекомендаций наиболее оптимальных процедур управления. Очевидно, что еще достаточно длительное время значительная часть компетенций верхнего уровня управления сохранит свое закрепление в ручном «режиме» исполнения. Вместе с тем, общие тенденции цифровизации, со временем, обозначат и в них устойчивый тренд на постепенный перевод исполнения большей части полномочий в форматах цифрового управления на основе конструктивной кооперации.

Проведенная в настоящем исследовании декомпозиция социальных проблем разработки и осуществления программ цифровизации управления позволяет систематизировать фундаментальные основы и адаптировать прикладные формы их выявления, анализа и разрешения. Ключевым, на взгляд автора, здесь является исследование тенденций, содержания и условий цифровизации, как перехода от «ручного» режима обработки информации к «цифровому». Материал публикации собран и адаптирован в процессе выполнения учеными университета договоров по «Разработке, внедрению и сопровождению применения организационно-методического обеспечения управления организацией» [4, с. 112]. Продолжение исследований декомпозиции может обеспечить мобилизацию конструктивных ресурсов освоения и использования принципиально новых возможностей разработки и осуществления программ цифровизации управления, как в научном поиске, так и в прикладной реализации в ходе становления и развития цифровой экономики.

Библиографический список

1. Девятков, В. В. Методология и технология имитационных исследований сложных систем: учебник. М.: ИНФРА-М, 2014. 448 с.
2. Лapidus, Л. Цифровая экономика. Управление электронным бизнесом и электронной коммерцией. Монография. М.: Научная мысль, 2019. 381 с.
3. Новиков, А. М., Новиков, Д. А. Методология исследования. М.: Либроком, 2014. 272 с.
4. Райченко, А. В. Методология опережающего развития в управленческом образовании/Saarbrücken, Lambert, 2017. 162 с.
5. Райченко, А. В. Приоритеты методологии цифрового управления социально-экономическими организациями//Вестник университета. № 3. 2018. С. 18–23.
6. Инновационный центр Сколково [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skolkovo-innovacionnyj-centr.ru/> (дата обращения: 15.04.2019).
7. Журнал Тинькофф Банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tinkoff.ru/journal/> (дата обращения: 15.04.2019).
8. International Civil Aviation Organization. 2016–2030 Global Air Navigation Plan. Режим доступа: <https://Focus:ICAO'S Strategic Objectives.ru/> (дата обращения: 15.04.2019).

References

1. Devyatkov, V. V. Metodologiya i tekhnologiya imitatsionnykh issledovaniy slozhnykh sistem. Uchebnik [*Methodology and technology of simulation studies of complex systems. Text-book*]. M.: INFRA-M, 2014, 448 p.
2. Lapidus, L. Tsifrovaya ekonomika. Upravlenie elektronnyy biznesom i elektronnoy kommertsiei. Monografiya [*Digital economy. Managing e-business and e-commerce. Monograph*]. M.: Nauchnaya mysl', 2019. 381 p.
3. Novikov, A. M., Novikov, D. A. Metodologiya issledovaniya [*Research Methodology*], M.: Librokom, 2014. 272 p.
4. Raichenko, A. V. Metodologiya operezhayushhego razvitiya v upravlencheskom obrazovanii [*Methodology of advanced development in management education*]. Saarbrücken, Lambert, 2017, 162 p.
5. Raichenko, A. V. Prioritety metodologii tsifrovogo upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi organizatsiyami [*Priorities of the methodology of digital management of socio-economic organizations*], Vestnik universiteta, 2018, no. 3, pp. 18–23.
6. Innovatsionnyi tsentr Skolkovo [*Innovation Center Skolkovo*]. Available at: <https://skolkovo-innovacionnyj-centr.ru/> (accessed 15.04.2019).
7. Zhurnal Tin'koff Banka [*Tinkoff Bank Journal*]. Available at: <https://tinkoff.ru/journal/> (accessed 15.04.2019).
8. International Civil Aviation Organization. 2016–2030 Global Air Navigation Plan. Available at: <https://Focus:ICAO'S Strategic Objectives.ru/> (accessed 15.01.2019).

Движение «желтые жилеты» во Франции: проблемы, причины, перспективы

Ефанова Людмила Дмитриевна

канд. пед. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва,
Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-2632-1035, e-mail: efanovald@mail.ru

Аннотация

Протестное движение «желтые жилеты» началось во Франции в конце 2018 г. Эти протесты являются самыми массовыми в стране в период с 1968 г. В статье рассмотрены причины возникновения движения «желтых жилетов» и динамика вовлечения в них представителей различных регионов Франции. Вначале со стороны протестующих в качестве претензии к французскому правительству высказывалось несогласие с повышением налогов на топливо. Постепенно требования все более расширялись, приобретая политическую окраску.

Большая часть населения стала жить хуже по причине снижения доходов. Рейтинг Президента Франции Э. Макрона с момента его вступления в должность заметно упал, а поддержка со стороны населения страны значительно снизилась. За время его президентства налоговые послабления коснулись в основном только крупного бизнеса. Бедные слои населения были ущемлены по причине сокращения социальных выплат, а также возрастания прямого и косвенного налогов.

Основные причины возникновения движения «желтые жилеты» заключаются в недовольстве французов своим экономическим положением и снижением уровня жизни. Отмечается, что данное движение вышло за пределы Франции, охватив другие государства Западной Европы такие, как Бельгия, Испания, Великобритания, Германия, Швеция, которые испытывают подобные проблемы. Также в статье рассмотрены основные отличия данного протестного движения от тех, которые случались во Франции ранее. Представлены экономические и политические требования, которые были выдвинуты со стороны протестующих к своему правительству и Президенту Э. Макрону. Рассмотрены перспективы развития движения «желтых жилетов» в современной Франции.

Ключевые слова: недовольство населения, протестные акции, повышение цен на автомобильное топливо, снижение уровня жизни, миграционная политика, налоговая политика, экономические требования, политические требования, рейтинг президента, изменения в Конституции.

Цитирование: Ефанова Л.Д. The “yellow vests” movement in France: problems, causes, prospects//Управление. 2019. № 2. С. 133–138.

The “yellow vests” movement in France: problems, causes, prospects

Efanova Lyudmila

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, State University of Management, Moscow, Russia, ORCID ID: 0000-0002-2632-1035, e-mail: efanovald@mail.ru

Abstract

The “yellow vests” protest movement began in France at the end of 2018. These protests are the most widespread in the country since 1968. The causes of the emergence of the “yellow vests” movement and the dynamics of the involvement in them of representatives of various regions of France have been considered in the article. Initially, the protesters expressed disagreement with the increase in taxes on fuel as a claim against the French government. Gradually, the requirements expanded more and more, acquiring political overtones.

Most of the population began to live worse due to lower incomes. The rating of the French President E. Macron has fallen markedly since his inauguration, and the support of the country’s population has declined significantly. During his presidency, tax breaks mainly affected only large businesses. The poor people were disadvantaged due to the reduction of social payments, as well as an increase in direct and indirect taxes.

The main reasons of occurrence of the “yellow vests” movement are the dissatisfaction of the French with their economic position and the decline in the living standards. The article notes, that this movement has gone beyond the borders of France, covering other Western European countries such as Belgium, Spain, Italy, Germany, Sweden, which are experiencing similar problems. The main differences of this protest movement from those, that happened in France before, have been considered in the article. The economic and political demands, that were put forward by the protesters to their government and President E. Macron have been presented. The prospects for the development of the “yellow vests” movement in modern France have been considered.

Keywords: discontent of population, protest rallies, rising fuel prices, lower living standards, migration policy, tax policy, economic demands, political demands, President’s rating, changes in the Constitution.

For citation: Efanova L.D. The “yellow vests” movement in France: problems, causes, prospects (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 133–138. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-133-138

France had always differed from many other countries, that people expressed their dissatisfaction with the government, going to the streets of cities and actively protesting against what they were not satisfied with. The French are a nation of active and freedom-loving people who are not ready to put up with what is unfair from their point of view and who are able to defend firmly their positions before the state. This is confirmed by the four revolutions, that history of France has [1; 2; 3; 4; 5].

Street protests, which took place at different times in France, are incalculable. However, as some researchers note, the protests of the “yellow vests”, that began in the country since the end of 2018 are the most numerous and fierce since the period of street protests of 1968.

The first demonstration of the “yellow vests” movement began on November 17, 2018 in several cities of France at once. Naturally, the most numerous street protests took place traditionally in the capital of France – Paris. All in all, about 280,000 protesters took to the streets of that city. From this time on, the protest movement in France continues every day, especially increasing on Saturdays, when the largest number of people goes to rallies. For example, on November 24, 2018 more than 106 000 people took part in protest actions across the country, on December 1, 2018 – 136,000, on February 23, 2019 – 46,600 [6].

In addition to the fact that the shares of “yellow vests” are quite numerous within France itself, they gradually spread to other European countries. For example, today, protest actions of “yellow vests” are already taking place in Belgium and Spain. It is obvious, that the questions raised by the “yellow vests” concern not only the French people, but also the residents of other European states, who are also dissatisfied with the policies, pursued by their government.

It is worth looking into, why the protesters received the name “yellow vests”. This name comes from the fact that all the participants of the protest actions are wearing retro-reflective bright yellow vests that every French driver must have in his car according to 2008 legislation. This has its specific meaning, since the first protests were caused by the French’s discontent over the increase in the excise tax on fuel from January 1, 2019 in France.

The government of Emmanuel Macron planned to increase the tax on fuel. At the same time, these taxes were already raised in France in 2018: by 3.9 eurocents per liter of gasoline and 7.6 eurocents per liter of diesel fuel. From the beginning of 2019, it was planned to increase taxes on fuel by another 2.9 and 6.5 eurocents, respectively. The reason for this increase, according to Macron, was concern for improving the environment and the desire to reduce the number of French people using personal vehicles, transplanting them to public transport,

or buying electric vehicles that, according to their developers, do not have a strong influence on environmental pollution. However, the increase in fuel prices in 2018, of course, caused discontent among the population, but nevertheless it was accepted, but the prospect of paying for fuel even further in the future caused such a storm of protest, which led to mass street protests.

The issue of automotive fuel prices concerns a huge part of the population of France, as ever-increasing housing prices force many French people, who work in low-paid jobs to move from the city center to their outskirts, where renting an apartment is cheaper. But getting to work has to go further than from the center, which requires the use of transport. The issue of movement is exacerbated by the fact that the privatization of the railway network has contributed to higher prices for travel by this type of transport, as well as insufficient investment in public transport. Therefore a private car is the means, that enables French residents to have the most convenient and acceptable movement. The upcoming increase in fuel prices would immediately affect the pockets of the majority of the population of France, which is already short of money.

While initially the protesters expressed their disagreement with the increase in taxes on fuel as a claim to the French government, then gradually the requirements expanded more and more, acquiring an obvious political tint. Slogans “Macron Must Leave”, “Macron – President for the Rich”, etc. appeared.

It is obvious that this wave of protests is caused not only by the increase in fuel taxes, but also by the fact that the majority of the country’s population, belonging to the poor segments of society, began to live worse because of lower incomes. The rating of Macron since his inauguration as President has fallen markedly, and the support of the population has weakened. This is not surprising, since during his presidency tax breaks have mainly affected only large businesses, while the poor, on the contrary, have been affected by the reduction of social benefits, as well as the increase in direct and indirect taxes.

The main reasons for the protest movement lie in the French discontent with their economic situation and the decline in living standards. However, we must not forget that the reasons for the deterioration of the economic situation in the country are always caused by mistakes made in foreign and domestic policy by the leaders of the state. Therefore, Macron’s position that “politics can be done without politics” was shattered by reality. In addition, since, as noted by political analysts, macron received a Parliament without real opposition, its only chance, left without a party, was to go out with protests on the street [11].

The migration policy pursued in France causes great dissatisfaction among the indigenous population. The population is extremely dissatisfied with the flow of migrants that has flowed into the country in recent years, and the associated increase in crime rates. For example, the exit to the street on December 10, 2018 was due to public dissatisfaction with the fact that on this day it was planned to sign the Marrakesh Pact, according to which about 60 million migrants will arrive in the European Union.

Moreover, it should be noted that the dissatisfaction with the current economic situation and the internal policy of his government is typical not only for the inhabitants of France, but also for the population of other European countries, where many segments of society are also dissatisfied with their situation. It is for this reason that the movement of "yellow vests" so quickly went beyond the French Republic, gradually covering other States. First it covered Belgium, then it began in Spain. Against the Covenant of Marrakech were protesting residents of Germany and Sweden [8].

At the beginning, that is on November 17, 2018, when protestors took to the streets of many French cities, Emmanuel Macron was not going to yield to the protesters and satisfy their demands. Thus, about 80,000 security forces were transferred to Paris to create a numerical superiority over the protesters and to suppress this protest by force. Tear gas was used, in some cases the police behaved quite harshly with the protesters. Mass arrests were carried out. However, it was not possible to suppress the movement.

Emmanuel Macron was forced to make concessions. First of all, he announced that the price of motor fuel will be frozen. That is, the primary requirement of protesters in fact was satisfied. But by this time the "yellow vests" protest movement gained strength and its participants were no longer enough to meet only this specific requirement. In total, they put forward a total of twenty-five demands to the government of France.

These requirements include an increase in wages by 40 %, a ban on taxes exceeding 25 % of the state of citizens, the creation of new jobs, an increase in the construction of affordable housing, a decrease in mortgage interest. The protesters' demands also concern the tightening of migration policy: stopping the flow of migrants to the European Union.

In addition to these requirements, there are also those that concern changes to the Constitution. For example, one of the requirements is to rewrite the French Constitution with popular support in the interests of the sovereignty of the people. There are also demands to immediately stop privatization and return the railways, airports, parking lots, etc., to state ownership, to guarantee civil

liberties, to prescribe in the Constitution a complete ban on state intervention in the Affairs of education, health and the institution of the family.

As for foreign policy issues, the "yellow vests" require France's withdrawal from NATO, as well as the prohibition to use its army in wars of aggression, to stop interfering in the affairs of African countries and to return from there the French military.

The "yellow vests" haven't avoided environmental issues, requiring, for example, to re-industrialize the country, in order to abandon imports as causing the greatest harm to the environment [7].

Of course, any protest actions create a lot of problems in the country. Currently, the demonstrations of "yellow vests" are quite peaceful and civilized. However, the first performances were not without burning cars, broken windows, wounded and even dead. When riots occur, they are always attended by a certain part of the population, which is prone to offenses and crimes that they commit under the guise of protesters. In addition, various parties are always trying to take advantage of protest moods of the population, which sometimes have not quite acceptable goals.

For example, at the beginning of their speeches, protesters smashed shops, built barricades on the Champs Elysees, resulting in trade in the area decreased by 70 %, burned tires, broke road signs. Due to the current situation, about 40 museums, many cafes, shops and other public institutions were closed to the public, many metro stations were closed. Of course, the number of tourists wishing to visit France has decreased dramatically, which also had a negative impact on the work of many French, for example, guides, hotel workers, sellers, cooks, etc. People have suffered very real material losses. In addition, some architectural and historical monuments were damaged. For example, on December 1, 2018, the legendary Arc de Triomphe, one of the symbols of Paris, was damaged. The museum was destroyed, some exhibits were smashed and painted. Several gas stations were blocked by the protesters, as a result of which they were left without fuel and could not fill the cars of those who wanted [9].

The problem for the government of France is that the "yellow vests" movement does not have a single leader with whom it would be possible to conduct constructive negotiations. People, who have claims to the government and are dissatisfied with the situation in the country, are concentrated around this protest movement. For the most part, their organization is carried out through social networks. This unites very different strata of society around the movement, which often have directly opposite requirements.

Analyzing the demands put forward by the protesters, it is easy to notice the fact that they are a combination of the Euro-skepticism of the extreme right and the

extreme left, that is, practically incompatible with the actual implementation of the requirement. For example, they contain both the requirement to restrict the migration flow in the European Union and the requirement to restrict banking monopolies. Moreover, there are frankly populist demands, mainly concerning the ecology, which are practically impracticable in general in the modern realities of France.

In general, many of the requirements that are voiced are now popular in neighboring Italy, where the extreme right and Euro-skeptics won the election. In Belgium, there is also an increase in such sentiments. In Germany, “Alternative for Germany” is gaining more and more votes. All this is expressed in a kind of European “Social Bolshevism”, the development of which can lead to unpredictable consequences.

Today, despite the fact that Emmanuel Macron agreed to meet certain requirements put forward by “yellow vests”, such as: a moratorium on fuel prices during the year, an increase in the minimum wage of 100 euros per month, cancellation of personal income tax for overtime, cancellation of personal income tax on the amount of the premium for the year, the abolition of tax for pensioners with incomes of less than 2,000 euros per month, protest actions are still ongoing. Protesters are making new and new demands [12].

“Yellow vests” do not identify themselves as either right or left, and do not wish to join any of the existing parties. At the same time, people participating in this movement are extremely suspicious of both the government and representatives of various parties and public organizations, that is, they distrust all professional politicians. Some political scientists say, that this movement

may eventually lead to the emergence of a completely new political force in France, to some extent similar to the 5 Star Movement, formed in Italy, combining both the ideas of the extreme left and the extreme right.

Other political analysts completely disagree with this position and say that even if such a political movement is formed, then, due to absolute incompatibility and different interests, it will very quickly fall into two separate blocks, that is, the extreme left and the extreme right.

On the other hand, in France there are two rather powerful political forces, the two poles of mass mobilization, which are capable of presenting themselves with some justification as an alternative to the existing order of things – the RN-Rassemblement National (formerly National Front) on the right, and Unconquered France (LFI – La France Insoumise) Jean-Luc Melenchon – on the left. Both RN and LFI vigorously expressed support for the “yellow vests”. Nor can it be ruled out that the protest vote will be distributed between them, and that in some, not very distant future, Marine Le Pen and Jean-Luc Melenchon will meet in the second round of the presidential election, or their successors [10].

Thus, it is impossible not to admit, that quite a lot of unsolved problems have now accumulated in France, which have led to street protests. However, some immaturity of requirements is also obvious. Of course, the French government will have to make a lot of efforts to stabilize the situation in the country and review its domestic and foreign policy to meet the demands of the people. The development of events in the future can, of course, be assumed, but what the protest movement of the “yellow vests”, which acquires the features of a real revolution, will eventually lead only time can show.

Библиографический список

1. Антюхина-Московченко, В. И. История Франции 1870–1918. М.: Изд-во Института международных отношений. 1963. 766 с.
2. Олар, А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804) / Пер. с фр. СПб.: Изд-во. Пет-го сов-та раб-их и крест-их. деп-ов, 1918. 500 с.
3. Ревякин, А. В. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX века // Французская революция XVIII века. Экономика, идеология, политика. Сборник статей / Отв. ред. Г. С. Кучеренко. М.: Наука. 1988. 269 с. С. 246–267.
4. Guisse, N., Hoibian, S. Les Français et leurs territoires: vécus et attentes vis-à-vis des pouvoirs publics [Французы и их территории: жили и ожидали от правительства], Paris, Crédoc, novembre 2017. 141 p.

References

1. Antyukhina-Moskovchenko V. I. Istoriya Frantsii 1870–1918 [History of France]. M.: Izd-vo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, 1963, 766 p.
2. Aulard A. Politicheskaya istoriya Frantsuzskoi revolyutsii. Proiskhozhdenie i razvitie demokratii i respubliki (1789–1804) [Political history of the French revolution. Origin and development of democracy and the republic (1789–1804)], Per. s fr. SPb.: Izd-vo. Pet-go sov-ta rab-ikh i krest-ikh. dep-ov, 1918, 500 p.
3. Revyakin A. V. Revolyutsiya i ekonomicheskoe razvitie Frantsii v pervoi polovine XIX veka [Revolution and economic development of France in the first half of the XIX century], Frantsuzskaya revolyutsiya XVIII veka. Ekonomika, ideologiya, politika. Sbornik statei. [French revolution of the XVIII century. Economy, ideology, policy. Collection of articles], Otв. red. G. S. Kucherenko, M.: Nauka, 1988, 269 p., pp. 246–267.

5. Renaud, T. Rioux, L. France, portrait social [Франция, социальный портрет]. Paris, 2018. Insee, 21 novembre 2018. 272 p.
6. Более 46 000 человек участвовали в акции «желтых жилетов» во Франции / Портал Интефакс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/651797> (дата обращения: 24.04.2019).
7. Двадцать пять требований «желтых жилетов» во Франции / Портал КОНТ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cont.ws/@user3885/1154246> (дата обращения: 24.04.2019).
8. «Желтые жилеты» хотят большего, и не только во Франции / Портал Новые известия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://newizv.ru/news/world/09-12-2018/> (дата обращения: 24.04.2019).
9. Карелина О.В. Во Франции две недели митингуют против цен на топливо / Портал Медуза [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2018/12/03/> (дата обращения: 24.04.2019).
10. Перспективы движения «желтых жилетов» / Портал Vespa [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vespa.media/2018/12/> (дата обращения: 24.04.2019).
11. Франция: чем так разгневаны «желтые жилеты»? / Портал Ежедневный обзор европейской прессы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.eurotopics.net/ru/210971/> (дата обращения: 24.04.2019).
12. Чего добились «желтые жилеты» / Портал Открытые медиа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://openmedia.io/open_economy/chego-dobilis-zheltye-zhilety/ (дата обращения: 24.04.2019).
4. Guisse N., Hoibian S., Les Français et leurs territoires: vécus et attentes vis-à-vis des pouvoirs publics [The French and their territories: experiences and expectations vis-à-vis the public authorities], Paris, Crédoc, November 2017, 141 p.
5. Renaud T., Rioux L. France, portrait social [France, social portrait], Ed. 2018, Paris, Insee, 21 November 2018, 272 p.
6. Bolee 46 000 chelovek uchastvovali v aktsii «zheltykh zhiletov» vo Frantsii [*More than 46 000 people participated in the campaign of “yellow vests” in France*], Portal Intefaks. Available at: <https://www.interfax.ru/world/651797> (accessed 24.04.2019).
7. Dvadsat’ pyat’ trebovanii “zheltykh zhiletov” vo Frantsii [*Twenty-five demands of “yellow vests” in France*], Portal KONT. Available at: <https://cont.ws/@user3885/1154246> (accessed 24.04.2019).
8. “Zheltye zhilety” hotyat bol’shego, i ne tol’ko vo Frantsii [*“Yellow vests” want more, and not only in France*], Portal Novye izvestiya. Available at: <https://newizv.ru/news/world/09-12-2018/> (accessed 24.04.2019).
9. Karelina O.V. Vo Frantsii dve nedeli mitinguyut protiv tsen na toplivo [*France has two-week rallies against fuel prices*], Portal Meduza. Available at: <https://meduza.io/feature/2018/12/03/> (accessed 24.04.2019).
10. Perspektivy dvizheniya “zheltykh zhiletov” [*Prospects for “yellow vests” movement*], Portal Vespa. Available at: <http://vespa.media/2018/12/> (accessed 24.04.2019).
11. Frantsiya: chem tak razgnevany “zheltye zhilety”? [*France: why “yellow vests” are so angry?*], Portal Ezhednevnyi obzor evropeiskoi pressy. Available at: <https://www.eurotopics.net/ru/210971/> (accessed 24.04.2019).
12. Chego dobilis’ “zheltye zhilety” [*What “yellow vests” have achieved?*], Portal Otkrytye media. Available at: https://openmedia.io/open_economy/chego-dobilis-zheltye-zhilety/ (accessed 24.04.2019).

Эволюция власти как индикатор структурных преобразований: политико-управленческий аспект

Тянь Валентин Васильевич

канд. ист. наук, ЧУ ООБО «Институт экономики и культуры», г. Москва,
Российская Федерация, e-mail: tian39@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена проблема эволюции власти как индикатора структурных преобразований. Анализ Российской практики позволяет сделать ряд выводов, представляющих интерес для политической науки. Ретроспективный анализ эволюции типов власти позволяет получить дополнительное знание о политическом процессе и выявить важный для данного исследования политико-управленческий аспект. Акцентируется внимание на структурных преобразованиях действующей власти.

Взаимозависимость субъекта власти и объекта власти обуславливает их взаимодействие. Оно может быть разным (конфликтное, консенсусное, тесное) и характерным для определенного типа политической системы (абсолютная и конституционная монархия, президентская и парламентская, президентско-парламентская, конфедеративная, федеративная республики). Монархическое правление с элементами принуждения обречено на конфликтное взаимодействие, что предопределило половинчатость всех реформ в Российской империи. Традиционная легитимация власти не способствовала улучшению взаимодействия. Советское правление, результативное при мобилизации общества, при реальных достижениях не избежало критического числа отрицательных индексов. Почти стопроцентная легитимация советской власти не снимала сомнений в ее прочности. Демократическая легитимация власти требует от нее реализации программы преобразований в системе власти и обществе. Эволюция власти является точным индикатором преобразований в обществе. Политическая структуризация остается прерогативой действующей власти. Затруднения в осуществлении программы заставляют власть переключить внимание на поддержание стабильности в обществе.

Хорошо структурированная власть — условие для ее эффективного функционирования. Эффективность власти (борьба с коррупцией, обеспечение прироста валового внутреннего продукта, решение социальных проблем и т. д.) обусловлена ее способностью адекватно реагировать на вызовы и находить консенсус в принятии решений в политической турбулентности.

Ключевые слова: власть, дифференциация, индикатор, модернизация, политический, преобразование, программа, реформа, структурирование, эволюция

Цитирование: Тянь В.В. Эволюция власти как индикатор структурных преобразований: политико-управленческий аспект // Управление. 2019. № 2. С. 139–146.

Evolution of power as an indicator of structural transformations: political and managerial aspect

Tyan Valentin

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of Economics and Culture,
Moscow, Russia, e-mail: tian39@mail.ru

Abstract

The problem of the evolution of power as an indicator of structural transformations has been considered. An analysis of Russian practice allows us to draw a number of conclusions of interest to political science. A retrospective analysis of the evolution of power types provides additional knowledge about the political process and reveals an important political and managerial aspect for this study. Attention has been focused on the structural transformation of the current government.

The interdependence of the subject of power and the object of power determines their interaction. It can be different (conflict, consensus, close) and characteristic of a certain type of political system (absolute and constitutional monarchy, presidential and parliamentary, presidential-parliamentary, confederative, federal republic). Monarchist rule with elements of coercion is doomed to conflict interaction, which predetermined the half-heartedness of all reforms in the Russian Empire. The traditional legitimization of power did not contribute to the improvement of interaction. Soviet rule, effective in mobilizing society, with real achievements, did not escape a critical number of negative indexes. Almost one hundred percent legitimization of the Soviet government did not remove doubts about its strength. The democratic legitimization of power requires it to implement a program of transformations in the system of power and society. The evolution of power is an accurate indicator of transformations in society. Political structuring remains the prerogative of the current government. Difficulties in the implementation of the program force the government to shift attention to maintaining stability in society.

A well-structured power is a condition for its effective functioning. The efficiency of power (fighting corruption, ensuring of Gross Domestic Product (GDP) growth, solving social problems, etc.) is due to its ability to respond adequately to challenges and find consensus in decision-making in political turbulence.

Keywords: power, differentiation, indicator, modernization, political, transformation, program, reform, structuring, evolution.

For citation: Tyan V.V. Evolution of power as an indicator of structural transformations: political and managerial aspect (2019) *Upravlenie*, 7 (2), pp. 139–146. doi: 10.26425/2309-3633-2019-2-139-146

Проблема эволюции власти как индикатора структурных преобразований является многофакторной в связи с воздействием на политический процесс множества факторов (политических, экономических, субъектности, объектности и др.) и многоаспектной (психолого-акмеогический, социально-экономический, политико-управленческий аспекты и др.). Становится необходимым проведение анализа российской практики, что позволяет делать ряд выводов, представляющих интерес для политической науки. Также необходимы: ретроспективный анализ эволюции типов власти, позволяющий получить дополнительное знание о политическом процессе и выявить важный для данного исследования политико-управленческий аспект; акцентирование внимания на структурные преобразования действующей власти. Взаимозависимость субъекта власти и объекта власти обуславливает их взаимодействие (тесное, конфликтное и т. п.). Демократическая легитимация власти требует от нее реализации программы преобразований в системе власти и общества. Проведенный нами анализ политических практик показывает, что эволюция власти является точным индикатором преобразований в обществе. Политическая структуризация остается прерогативой действующей власти. Асинхронность социальной структуризации и политической структуризации сказывается на управлении этими процессами.

Затруднения в осуществлении программы заставляет власть переключить внимание на поддержание стабильности в обществе.

Эволюция власти как индикатор политической структуризации

Одной из важнейших политических проблем переходного общества является дифференциация власти.

Легитимность власти является фактором демократических преобразований в обществе, а эволюция власти — показатель политической структуризации. Эта политическая аксиома находится в ряду давних научных проблем. Дж. Локк в трактатах о правлении говорит о разделении властей, укреплении законодательной власти. Касаясь «политических обществ (Америки)», он пишет: «...их политические общества все начались с добровольного союза и с взаимного соглашения людей, действующих свободно при выборе своих правителей и форм правления» [6].

Размышляя о задачах власти, Ш. Монтескье обосновывает идею достижения справедливости, как основы отношений между людьми, законами в трактате «О духе законов»: «...Законам, созданным людьми, должна была предшествовать возможность

справедливых отношений» [7]. При полной суверенности этих институтов исключается их взаимодействие, даже находясь в едином организационном пространстве. Отсутствие теоретической базы не способствовало активизации практики. В 60–70-е гг. XX в. были изобретены механизмы и инструменты для разблокировки системы взаимодействия. Это создание институтов власти, способных подготовить квалифицированные решения. Политические системы были неустойчивыми. Они формировались под воздействием многих факторов, в том числе непредсказуемых и непредвиденных.

Однако достигнутая дифференциация власти не имеет самодовлеющего значения. Но дан импульс политической структуризации, конкретно структурным преобразованиям или имитация. Уровень «гражданской культуры и стабильность демократии» взаимосвязанные явления: «Когда мы говорим о политической культуре какого-либо общества, мы подразумеваем политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения» [1].

Для действующей власти это процесс со многими непреодолимыми трудностями. На политические системы воздействует множество объективных и субъективных факторов, учитываемых, изученных, почти стереотипных. Но часто эволюция власти разрушает эти стереотипы. А. И. Соловьев пишет: «Эволюция политической системы никогда не бывает полностью стихийной, причем, по понятным причинам от стратегической линии властей в наибольшей степени зависят переходные общества» [8, с. 105]. Фактор случайности исключить нельзя, но минимизировать можно.

В этом случае характер эволюции политических институтов вполне определим. Эволюция власти разрушает эти стереотипы.

Фактор случайности влияет на легитимность власти. Отсюда возникает повышенный интерес власти и общества к проблеме легитимации власти, решаемой при устойчивой политической системе. Неизбывное желание удержаться во власти как можно дольше харизматических лидеров приводит к сосредоточению ее в одних руках, монополизации — феномен традиционной власти, который способствовал реставрации отживших систем и моральному старению новых систем, требующий изучения со многих подходов (исторических, социально-политических, акмеологических и др.). При «провисании» политического курса может «вклиниться» фактор стихийности и случайности.

В обществе, где люди не путаются в видах государственной власти (исполнительная, законодательная, судебная), не обращаются с бытовыми

вопросами к первому лицу государства, есть политическая культура, состоялась реальная дифференциация власти. Это один из основных показателей эволюции власти.

Свободные выборы, политическая конкуренция, рыночные отношения сужают пространство для доминирования одной ветви власти над другими, препятствуют установлению политического режима, адаптированного к этим условиям. Сущностным является минимизация случайных факторов, приводящих к перераспределению власти и ее несменяемости. Следовательно, эволюция власти — структурные преобразования, трансформация политической системы.

В России процесс модернизации общества начал принимать реальные черты в середине XIX в. В обществе назрела необходимость конкретики политической модернизации. В обществе вызревал вопрос о необходимости политического переустройства: конституционная монархия, федеративная государственность и т. д. В развитие федеративного государства (в российской общественно-политической мысли эта идея утвердилась в середине XIX в.) важную роль играют два фактора: российская страновая идентификация и региональная идентификация.

Автор исследования, касаясь попыток политических реформ в 80-е гг. XIX в., утверждает: «можно констатировать, что государственная деятельность М.Т. Лорис-Меликова, получившего возможность «завершить великое дело государственных реформ», рассматривается в контексте политического реформизма в период нарастания системного кризиса» [9, с. 239]. По мнению автора, неудавшийся переход «от либерального «диктаторства» к конституционной монархии (после покушения на императора Александра II) был обусловлен конфликтом интересов власти и общества (социальная структуризация уже требовала более реалистичной политической структуризации) с элементами демократического правления, существенно замедлившим темп политического развития российского общества. Попытки структурирования системы управления совершались неоднократно. Отсутствие политической культуры и структурированных политических партий не позволило установиться в стране конституционной монархии с элементами демократического правления (парламент, правительство, сформированное парламентом, судебная власть). Политическая реформа не состоялась, началась контрреформа. Самодержавная власть с восшествием на трон нового императора вернулась на прежние позиции. Этот «возвратный» процесс ретрансформации старой политической системы под воздействием субъективных факторов.

В обществе нарастало недовольство такому политическому курсу монархической власти и на волне народного гнева (в начале XX в.) она решилась проводить реальные реформы.

Следует отметить, в начале XX в. итнституциональные реформы актуализировали проблему политической легитимации власти, формирования представительной власти, создало бы условия для трансформации абсолютистской политической системы в дуалистическую политическую систему. Предлагалась смена форм правления. Однако «резкой критике подверглась идея «общественного договора», проблема разделения властей признавалась несущественной по сравнению с фактическим неравенством в обществе, формальные механизмы реализации государственной власти отходили на второй план. Западные теоретики сосредоточились на вопросах соотношения политики и управления (дихотомия «политика-администрация» В. Вильсона)» [12, с. 12]. В дальнейшем в Государственной Думе Российской империи делались попытки сформировать правительство («ответственное министерство»), т. е. повысить статус до парламентского. Плохо структурированная система управления не справлялась со снабжением армии. Традиционное правление не предполагает другой результат.

Но и советская система не была плюралистической политической системой, с ядром системы и плебисцитным лидерством.

В советский период и в постсоветский период была заметна преемственность традиций. Харизматический характер власти, корпоративная этика, действие «железного закона олигархии» (Р. Михельс) оказывали небольшое влияние на выработку внешней политики, внутренней политики власти. В годы правления первого президента Российской Федерации (далее — РФ) «железный закон олигархии» как будто бы стал действенным. При первом президенте РФ олигархи были возле политики, особенной тревоги в обществе «семибанкирщина» не вызывала, вхождение в политику людей, которые в недавнем прошлом были далеки от власти. При втором Президенте РФ олигархи отдалены от политики. Олигархи стали вести себя осторожно у силовой линии власти. Общество относилось к ним индифферентно. Антропологический метод позволяет выявить лидерский аспект в системе государственной власти. Задачи лидера и социального актора разнятся. Но общая цель сближает их. И это предопределяет характер их взаимоотношений. Подконтрольность крупного бизнеса общеизвестна. Поэтому о реальной действенности «железного закона олигархии» утверждать не приходится. Поэтому

речь идет скорее о неотрадиционалистском, чем олигархическом управлении в современной российской действительности.

Это ретроспективный взгляд на проблему российской модернизации при изучении проблем эволюции современной российской власти. Власти (федеральная и субъекта РФ) в ряде случаев вынуждены выбирать оптимальный вариант решения проблемы, что свойственно традиционному правлению. «Ноу-хау» в сфере управления возможен (политический тандем).

Автор исследования считает: «Эволюция власти как индексация ее структурных преобразований имеет практическое значение. Анализ преобразований и приоритетов власти по структурно-функциональному принципу (внешняя политика, внутренняя политика, властотношения; разделение властей, индекс институциональных преобразований)» [10, с. 112].

Следует отметить, российская модернизация, поначалу догоняющая, постепенно синхронизируется с западной политической модернизацией. Здесь специфика и особенности российской модернизации. Анализ российской практики свидетельствует о попытках политической структуризации в условиях догоняющей модернизации и поэтому не оправдавших ожиданий.

Но ясно, тип государства предопределяет структуру и принципы управления. Монархический режим опирается на имущий класс. Субъект власти отдален от объекта власти. Традиционность властотношений не позволяет объективно охарактеризовать институт власти традиционного общества, и проблема не только исторического свойства. Несколько иная ситуация с институтом власти переходного общества. Обозначенность целей и конкретика задач власти, трансформация власти в процессе их реализации в совокупности позволяют изучить процесс структурных преобразований в осязаемых формах. Не забыты трудности с дифференциацией власти в начале прошлого века.

«Интересы граждан, в случае признания власти, осуществляли политико-управленческие структуры через политический процесс. Следовательно, все управленческие структуры активно влияют на политическую жизнь общества и осуществляя политическую власть, объединяются в политическую систему» [4].

Заявка общества на перемены к лучшему зачастую не отвечала интересам власти. Подталкивание власти к переменам всегда ухудшали властотношения в монархии и в советском государстве, вызывали меры по контролю над волеизъявлением слоев общества, которые считают себя неслышанными,

легитимными, легальными в том государстве, в котором они живут. Меняться должна власть, государство. Альтернатива самодержавию — советское государство. Но власть стала приобретать классовый характер. Ликвидация нескольких классов общества привело к атомизации общества и потере нравственных основ. В таком обществе негативная консолидация естественна. Таким образом, эволюция видов власти предполагает смену политических концепций, курсов, приоритетов и способов принятия решений, в соответствии со сложившейся ситуацией, а внутривидовая трансформация власти сопровождается коррекцией политических концепций, курсов, расстановкой приоритетов. Конфликт интересов власти и общества погашается сторонами нахождением общих интересов. Это возможно в открытом обществе. Но окно закрывается, если управление возлагается на власть (при абсолютизации ее суверенности). Прощание со свободой волеизъявления происходит незаметно. «После либерализма»: «Либералы всегда заявляли, что либеральное государство — реформистское, строго придерживающееся законности в известной степени допускающее свободу личности» антилиберализм не очевиден [2, с. 6]. Но также неизбежно наступление неоконсерватизма. Политические преобразования 90-х гг. XX в. дали импульс развитию экономики, неотрадиционалистская политика власти с ее вертикализацией неизбежно приводит в повседневности к кризисному управлению.

Постлиберальная развилка предопределена сложившейся политической системой и состояние общества.

Смена политических приоритетов является одним из признаков и показателей эволюции политической власти со сменой форм правления.

Но смена концепций, управленческих методов предопределили необходимость индексации эволюции власти и структурных преобразований.

Хорошо структурированная власть — условие для ее эффективного функционирования.

Эффективность власти (борьба с коррупцией, обеспечение прироста валового внутреннего продукта, решение социальных проблем и т. д.) обусловлена ее способностью адекватно реагировать на вызовы и находить консенсус в принятии решений в политической турбулентности.

В современном обществе курс на отложенные реформы, которого придерживается опасаящейся политических рисков действующая власть, часто оказывается ошибочным. Желание власти сохранить статус-кво с точки зрения политической психологии вполне объяснимо. Но политический застой — не лучший выбор власти. Следовательно, альтернатив

изменениям, трансформациям, преобразованиям для политической власти нет.

Таким образом, эволюция власти является по существу индикатором структурных преобразований. В. Корж, С. Зинкевич пишут: «Вопреки широко распространенной традиции разделять индикаторы на количественные и качественные, мы придерживаемся иного основания, характеризуя их как индикаторы процесса и индикаторы изменений» [4].

Эволюция власти с этих пор происходит в режиме неокорпоратизма и неотрадиционализма и фрагментарно и секторально, с возможностью ее индексации.

Как видим, применимы в нашем случае тот и другой индикаторы. Необходимость выявления количества и качественных характеристик изменений основательны.

Следует отметить, эволюция власти как индикатор политической структуризации позволяет современному обществу выразить свое отношение к наметившейся тенденции развития. Потому что интересы власти и общества не всегда совпадают. Одна из причин — выбор стратегии развития. Здесь могут не совпадать интересы власти и общества, что зачастую и происходит. В демократическом обществе такие противоречия разрешаются различными способами, но, главное, находится консенсусное решение. Насколько значительны подвижки власти, можно определить, изучив весь эволюционный сдвиг. Конечно, необходим мониторинг процесса: создается ли конкурентная среда в политическом пространстве или псевдоконкурентная диспропорциональная поляризация. Эволюционные сдвиги власти удастся индексировать. В структуре политического сознания удалить стереотипы, что практически это невозможно. Смена поколений внесет коррекцию в передаче стереотипов. Следует отметить, «технология администрирования» должна развиваться применительно к типом власти и запросам общества [8, с. 105].

У власти высок рейтинг доверия. Но пока говорить о гармонии отношении между властью и обществом рано. Россиянам есть чем гордиться. Это Великая Победа, освоение космоса, самая большая по территории страна. Но недавно произошла некоторая размолвка между жителями небольших городов и властью при административном решении пресловутой проблемы мусора (переработка, сжигание, закапывание). Выяснилось, что интересы местных жителей (граждан РФ) и компаний по обработке мусора, поддерживаемых местной и центральной властью, не совпадают. Вместо новых технологических решений, приоритетных в политике Европейского Союза, представители власти усиливают административные меры

против активистов. Приходится констатировать о традиционалистских проявлениях современной российской власти.

В анализе эволюционных подвижек власти необходимо допустимые погрешности и искажения, вызванные рядом субъективных и объективных причин.

Функционировании власти обычно связывается с властной элитой.

Властная элита современной России неоднородная, но консолидированная [11]. Она, конечно, испытывает когнитивный диссонанс в связи с санкционным давлением. Но Запад не достиг, не добился раскола элиты и бифуркации власти. Однако это не сказалось на системе управления в широком смысле и на функционировании управленческих подсистем, в частности. Но негативная консолидация непрочная. Альтернатива негативной консолидации — позитивная консолидация. Но позитивная консолидация невозможно при конфликте интересов элиты и общества. Насколько сегодняшние вызовы сблизят интересы властной элиты и общества, настолько укрепит база консолидации. Следовательно, политическая стабильность должна быть поддержана позитивной динамикой власти.

Поэтому рассмотрение эволюции как индикатора структурных преобразований требует применения комплекса методов. Количественный и качественный анализ эволюции власти в электоральном цикле стали возможны после запуска ряда проектов в разных сферах общественной жизни. Тут уместно вспомнить одного из выдающихся политиков: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей». Сегодня публичная власть должна соответствовать представлениям общества о современной власти. Российское общество не забывает о деяниях эффективного менеджера.

В эпоху постиндустриализма (третья волна информационной революции и четвертый технологический прорыв) традиционные и неотрадиционалистские системы управления приближены к людям, адресно, имеют человеческое измерение. Структурные преобразования, осуществляемые властью, под воздействием внешних факторов институциональны, т. е. они имеют политическое и региональное измерение. Структурные преобразования внутреннего характера (усовершенствование, переформатирование) свидетельствуют о субстанциональной эволюции власти как субъекта устанавливаемого режима управления. Основные причины или побудительные мотивы эволюции власти, конечно же, уход от морально устаревшей системы управления и желание сохранить прежние статусные позиции, не ущемляя интересы общества.

Негативная консолидация в наше время не востребована. Ориентация власти на позитивную консолидацию возможна. Необходимы соответствующие условия и переориентация власти на социальность.

Вертикализация власти, которая явилась внутренней переструктуризацией в значительной мере консолидировала общество при разобщенности отдельных групп и категорий граждан (пенсионеров, студентов и т. д.), укрепила патерналистские чувства россиян, их всплеск в начале 2014 г. зафиксировали Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд общественного мнения (ФОМ), «Левада-Центр» и др. Единение власти и общества на приоритете государственности и разномолвка в вопросах, затрагивающих каждого: с увеличением пенсионного возраста, вывозов мусора, отмена дачной амнистии — политическая реальность, которая требует глубокого исследования.

Заключение

Общий вывод заключается в следующем: эволюция власти как индикатор структурных преобразований не детерминирована в современную структуризацию общества, имеет практическую значимость. Ее теоретическое осмысление дает возможность для повышения эффективности политического управления.

Назрела необходимость более точного индексирования структуризации, обусловленная информационной революцией. Политическое развитие

обществ — нелинейный процесс, и сложность выведения оценок требует качественной и качественной индексации.

Власть, которая не отвечает запросам общества, теряет свою легитимность. В открытом обществе это очевидно. Отсюда понятно стремление власти к контролю над общественным мнением. В условиях информационной революции эта проблема требует синхронизации технологических и политико-правовых решений.

Значение индексации эволюции политической власти возрастает в новом электоральном цикле. С увеличением числа молодых избирателей, не испытывавших когнитивного диссонанса, с чем сталкивались прежние избиратели, возможно колебание индекса перемен. И действующей власти, и политическим силам необходимо скорректировать курс с требованием времени. Если значимы структуры политической системы, то они заклишированы подвержены эрозии и стагнации [3; 10]. Способность власти к адаптации новым вызовам можно индексировать как эффективность власти. Технологически индексация эволюции власти сегодня осуществима (мониторинг, «электронное правительство», и т.д.). И осуществляются. При этом отметим, индексация структурных преобразований власти имеет практическое значение.

Библиографический список

1. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://read.virmk.ru/A/Almond_1.htm (дата обращения: 24.04.2019).
2. Валлерстайн, И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
3. Васильева, Н. А. Политическая наука: проблемы теории и истории. СПб.: СПбХФИ, 1994. 265 с.
4. Ковалева, П. Д. Понятие политической системы общества и ее структуры в теории государства и права // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XXXII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 21 (32) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sibac.info/archive/meghdis/21%2832%29.pdf> (дата обращения: 24.04.2019).
5. Корж, В., Зинкевич, С. Мониторинг и оценка: индикаторы эффективности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://by.odp-office.eu/files/docs/Monitoring-i-ocenka.pdf> (дата обращения: 24.04.2019).

References

1. Almond G. A., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii [Civil culture and stability of democracy], Politicheskie issledovaniya [Political studies], 1992, no. 4. Available at: http://read.virmk.ru/A/Almond_1.htm (accessed 24.04.2019).
2. Wallerstein I. Posle liberalizma: Per. s angl [After liberalism: Trans. from English], Ed. B. Yu. Kagarlitsky, M.: Editorial URSS, 2003, 256 p.
3. Vasil'eva N. A. Politicheskaya nauka: problemy teorii i istorii [Political science: problems of theory and history], SPb.: SPb-HFI, 1994, 265 p.
4. Kovaleva P. D. Ponyatie politicheskoi sistemy obshchestva i ee struktury v teorii gosudarstva i prava [The concept of the political system of society and its structure in the theory of state and law], Nauchnoe soobshchestvo studentov: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sb. st. po mat. XXXII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf., № 21 (32) [Scientific community of students: Interdisciplinary research: Coll. Art. according to mat. XXXII Intern. stud scientific-practical conf., no. 21 (32)]. Available at: <https://sibac.info/archive/meghdis/21%2832%29.pdf> (accessed 24.04.2019).

6. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Сочинения. В 3 т. М.: Мысль, 1988. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/Л/lokk-dzhon/dva-traktata-o-pravlenii/> (дата обращения: 24.04.2019).
7. Монтескье, Ш. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 673 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 24.04.2019).
8. Соловьев, А. И. Технологии администрирования: политические резонансы в системе власти современной России // Полис. 2004. № 6. С. 105–108.
9. Тян, В. В. Из истории России: от «либерального диктаторства» к конституционной монархии? // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 6. С. 230–239.
10. Тян, В. В. Эволюция власти как индексация ее структурных преобразований: Монография. М.: Экслибрис-Пресс, 2017. 208 с.
11. Устинкин, С. В. Властная элита в современном политическом процессе. Нижний Новгород: НГУ им. Н. А. Добролюбова. 2011. 340 с.
12. Харламова, Ю. В. Государственная Дума в политической системе России. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. Москва, 2009. 22 с.
5. Korzh V., Zinkevich S. Monitoring i otsenka: indikatory effektivnosti [*Monitoring and evaluation: performance indicators*]. Available at: <https://by.odn-office.eu/files/docs/Monitoring-i-ocenka.pdf> (accessed 24.04.2019).
6. Lock J. Dva traktata o pravlenii [*Two treatises on the board*], Works. In 3 vol. M.: Thought, 1988. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/Л/lokk-dzhon/dva-traktata-o-pravlenii/> (accessed 24.04.2019).
7. Montesquieu S. O dukhe zakonov [*On the spirit of laws*], M.: Thought, 1999, 673 p. https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (appeal date: 24.04.2019).
8. Solov'ev A. I. Tekhnologii administrirovaniya: politicheskie rezonansy v sisteme vlasti sovremennoi Rossii [*Administration technologies: political resonances in the power system of modern Russia*], Policy, 2004, no. 6, pp. 105–108.
9. Tyan V. V. Iz istorii Rossii: ot «liberal'nogo diktatorstva» k konstitutsionnoi monarkhii? [*From the history of Russia: from the «liberal dictatorship» to a constitutional monarchy?*], Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [*Socially-humanitarian knowledge*], 2003, no. 6, pp. 230–239.
10. Tyan V. V. Evolyutsiya vlasti kak indeksatsiya ee strukturnykh preobrazovaniy: Monografiya [*The evolution of power as an indexation of its structural transformations: Monograph*]. M.: Ex-libris Press, 2017. 208 p.
11. Ustinkin S. V. Vlastnaya elita v sovremennom politicheskom protsesse [*The ruling elite in the modern political process*], Nizhny Novgorod: NSU name. ON. Dobrolyubov, 2011, 340 p.
12. Kharlamova Yu. V. Gosudarstvennaya Duma v politicheskoi sisteme Rossii. Avtoreferat diss. na soisk. uch. st. kand. polit. nauk [*State Duma in the political system of Russia. The author's abstract Diss. on competition of a scientific degree. Uch. St. kand. polit. Sciences*']. Moscow, 2009. 22 p.